

Эдуард Захрабеков

Аут

Санкт-Петербург
Издательство «Лигр»
2019

УД 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
338

Захрабеков, Эдуард Захарович.

338 Аут : [роман] / Эдуард Захрабеков. — Санкт-Петербург : Лигр,
2019. — 328 с.
ISBN 978-5-907207-00-4

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907207-00-4

© Захрабеков Эдуард Захарович, 2019
© Издательство «Лигр», 2019

ОТ АВТОРА

Любая история, которую можно начать словами «жили-были», приходит к нам в свое время. Порой кажется — с чего бы это? Но потом понимаешь, что всё было своевременно, как раз кстати. Эта история вертелась в моей памяти очень долго, разыскивая уголок, с которым могла бы совпасть, и вдруг, надо сказать, совершенно случайно, связалась.

В те времена у меня была благотворительная деятельность в одной из городских больниц. Проходя по коридору больницы, я увидел маленькую пожилую женщину, сидящую на табурете в коридоре. Она нервно теребила страницы одной и той же записной книжки, кажется, она прислушивалась к действиям напротив. Там молодой человек с всклокоченной копной седоватых не по возрасту волос играл в шахматы с одним из пациентов. «Мой внук! — выдохнула женщина в мое любопытствующее лицо. — Он гений!» Я с еще большим любопытством посмотрел на нее. И тут она, как любая женская особь, имеющая хотя бы одного потомка, стала с упоением рассказывать про достоинства мальчика. Во время её рассказа у меня сложилось впечатление, что это чудо-ребенок, которого доселе не видывал мир. Умный, музыкальный, добрый, красивый и небывало перспективный. Когда же партия была сыграна и мальчик подошел к нам, это был неказистый худой подросток, перебирающий пальцы на руках и не поднимающий взгляда от носков своих ботинок. Он даже не поздоровался, не говоря уже, чтобы

просто улыбнуться, только бормотал себе что-то под нос. Я посмотрел на его бабушку. Женщина окинула меня и его соперника, смотрящего вслед мальчику горделивым взглядом, словно говоря: «Ну, я же вам уже рассказывала!». Она застегнула внуку пуговицы пальто, и он, подталкиваемый её властной рукой, направился к выходу. Она же сама неожиданно придвинулась ко мне и показала на обложку блокнота, который постоянно теребила во время игры. «Не правда ли, они похожи?» — её вопрос застал меня врасплох. Я за несколько секунд, что она дала мне на размышление, попытался вспомнить, кто этот человек на приклеенном портрете, но ничего путного не вспомнил. «Очень!» — смущенно улыбнулся я ей. За странной парой медленно закрылась дверь.

— Лобачевский! — пробормотал шахматист.

— Мальчик? — зачем-то спросил я.

— На блокноте портрет Лобачевского! — пояснение прозвучало безразлично.

— А мальчик? — несколько ошарашенно переспросил я.

— Аут! — был односложный ответ.

Так состоялось мое знакомство с одним из пациентов, которого я опекал, историю которого я хочу Вам рассказать.

СОДЕРЖАНИЕ

Как всё началось	6
Сара	32
Ловушка	53
Рим и Даниель	72
Ночь дана не для сна	95
Новости	107
Тамарка	124
Отъезд	164
Старое кладбище	220
Москва	257
Житие Питирима	281
Трудоустройство	289
Прощальные танцы	299
Сара и её тайны	312
Эпилог	318

КАК ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Сара позвонила неожиданно.

Мне часто звонят утром, но только не Сара. Сара мне вообще никогда не звонила, вот уже лет пять. Звонок раздался рано утром. Я был уверен, что это с работы, только они имеют право звонить так беспардонно в любое время суток, даже не всем ближайшим родственникам это позволительно, а если по работе — добро пожаловать. Я долго лежал и смотрел в темноту над собой, размышляя, отвечать или нет, но телефон так надрывно звонил и освещал мою личную темноту, что в итоге я взял в руки белый прямоугольник и провел пальцем по экрану:

— Да?

Кто-то дышал в трубку, будто не решался заговорить. Я повторил свой вопрос:

— Да? Я слушаю!

На другом конце кто-то шумно вздохнул и пророкотал:

— Рим?

— Я вас слушаю.

Меня зовут Рим, сокращенное от Питирим. Такие вот причуды моих родителей. Впрочем Римом меня зовут не все. Хотя неофициально меня изредка называют Питя, но это уже совсем домашнее имя. Когда меня называют полностью Питиримом, я чувствую себя Папой Римским и широко улыбаюсь. Так что Рим — это мое частоупотребимое имя.

— Рим, это тетя Сара. Ты еще не забыл меня?

Знакомых в Одессе у меня никогда не было, а для наших северных широт имя Сара почти диковинное. Я знал лишь одну Сару, старинную подругу моей бабушки.

— Да, тетя Сара, я вас узнал!

И это была ложь, я вовсе её не узнал, мы редко с ней общались с тех пор, как не стало моей бабки. Да, лет пять не общались. Было время, когда тетя Сара не выходила из наших маленьких комнат или же мы с бабушкой жили в её домике на окраине города. Но время как-то раскидало нас, сначала мы с ней созванивались, но потом и этот способ общения сошел на нет. Честно говоря, я считал, что старухи уже не существует на этом свете. Времени-то уже прошло много. Поэтому такой ранний звонок, да еще и от Сары, несколько шокировал меня.

— Рим, малыш, у меня есть к тебе разговор. Ты можешь приехать ко мне сегодня вечером?

— Сегодня вечером? Тетя Сара, я сегодня немножечко занят. До выходных, может, отложим? Спокойно, без спешки посидим, поговорим.

— Рим, малыш, без спешки никак не получится. Придется тебе поторопиться и приехать сегодня, не так уж часто крестная тебя просит о чем-то. Соберись и приезжай сегодня в восемь. Я буду очень ждать.

Телефонные гудки заплакали в моей трубке. Сара скинула звонок, чтобы я не мог возразить ей. В этом была вся Сара — мягко безапелляционная и твердо умоляющая.

— Рим, малыш, приезжай ко мне немедленно!

Я рывком сел в кровати. Малышом Сара называла меня всегда, но сейчас это особенно резануло ухо. Какой я к черту малыш? Странно, когда человек из прошлого смотрит в твое лицо, а кажется, что в душу, в твое душевное прошлое, называет тебя детским именем и тебе от этого тепло, предательски тепло, хочется заплакать. Мои чувства и сопли от этого моментально

растаяли. Я прочувствованно шмыгнул носом и отправился ставить чайник на плиту. На работу к восьми.

Поздняя осень, холодно. За окном моей комнаты растет дикая яблоня, ранетка. Маленьких, красненьких плодов наросло много, и при каждом порыве ветра они с глухим стуком трутся о кухонное окно, будто просят их впустить, и я выпускаю. Открываю окно в утреннюю темноту, вдыхаю сырой воздух и осеннюю грусть, рву ранетку, жую, плюю. Кисло. И на душе так же. Встретиться с Сарой надо сегодня. Нет, я не очень занят и могу к ней приехать, но это ожидание поездки, этакое моральное предшествование, надо пережить. Подумать надо, в конце концов. Но на это совершенно нет времени, Сара требует встречи именно сегодня, а я никогда не мог отказать ей. Да, я давно не малыш. Но Сара, как родитель, для неё не существует моего взрослого состояния. Так для любой матери её ребенок — малыш, пусть ему даже семьдесят. Таким малышом я остался для Сары навсегда. Что ей надо? Ведь пять лет не виделись, не созванивались, я, признаться, даже и с праздниками её не поздравлял. Нет, не из человеческой черствости, не из лени, не из-за ненужности я забыл о ней, я, бывало, даже хотел к ней заехать. Но она была из прошлого, была подругой моей бабушки, была из того времени, когда всё было хорошо. Я боялся расплакаться, впасть в депрессию. Никогда не возвращайтесь в те места, где вы когда-то были счастливы. Что ей теперь-то надо?

Сара не дает мне времени опомниться, подумать, подгоняет меня. «Что ей от меня надо?» — эта мысль крутилась весь день в моей голове. С ней я шел в утренней сырой темноте на работу, обедал с ней же, покупал розы и последний торт в закрывающейся кондитерской. «Что ей от меня надо?»

Сара, как и прежде, жила на окраине города в маленьком домике сказочно голубого цвета с пеларгониями на окнах, правда, окна теперь уже были не с деревянными рамами, а с пластиковыми. Но это ничего по сути не меняло, это был домик,

который я знал со времен своего детства. Узкая кривая улочка уже не существовала, теперь дорога была асфальтовой, но была старая канавка, замерзающие в осенней непогоде цветы в голубых кадках и палисадник из штaketин синего и желтого цветов. Неподалеку, в низине за крайними домами, сохнувшее болото и туман, легкий, как газовый шарфик, начал окутывать изгороди и дома. По соседству устало брехала собака и сонно пропел петух, я нажал на тугую черную кнопку маленького звонка под козырьком. Звонки из моего детства подали сигнал, который в доме, вероятно, ждали. На террасе зажегся фонарь и занавеска на крайнем окне чуть заметно заколыхалась. Быстрые шаги послышались во дворе. Неужели Сара до сих пор так бодрa? Насколько я помню, в доме никаких людей никогда не было, кроме меня и бабушки, разумеется. Я считал, что у Сары никаких родственников нет. Неужели это она так быстро идет по тротуару? А впрочем...

Нет, разумеется, это была не тетя Сара. Молодая женщина открыла мне тяжелую дверь, кстати, дверь тоже была из моего детства, я, почти любовно, погладил её поверхность. Здравствуй, Сара! Здравствуй, бабушка! В носу защекали предательские слезы. Оказывается, я скучал по этому дому.

Дом был прежним, прежним в своем облике, запахе, пах сушеным укропом и мятой, в тишине и порядочности. Ничего плохого в этом доме случиться не могло, ни с гостями, ни с обитателями. Несмотря на свою крохотность и ветхость, он давал твердую уверенность, что вечен и надежен. Великой китайской стене и египетским пирамидам нельзя было доверять, а маленькому деревянному домику тети Сары — можно.

Молодая женщина, впустившая меня в дом, попросила, чтобы я подождал на кухоньке, так как Сара не успела освободиться. Я прошел в малюсенькую кухню, больше напоминавшую посудную лавку или мастерскую. Странно, чем могла быть занята Сара? Дом был очень мал, а у меня возникло такое чувство,

будто это не избышка на окраине, а вековой дворец Сары и она где-то там в своих покоях на женской стороне меняет пеньюар на приличествующий случаю наряд.

Кухня была маленькой всегда. Здесь помещался лишь небольшой деревянный стол, двухконфорочная плита и старое продавленное кресло, доставшееся Саре от съезжающих соседей. В этом кресле я обычно спал, когда мы ночевали у неё. К креслу подставлялся широкий низкий табурет, в конструкцию впикивался детский полосатый матрас и стелилось постельное бельё. Именно на этой кухоньке я безмятежнее всего спал в своем детстве. Вспомнив про кресло, я поискал его глазами, конечно, кресла уже не было. Ничего странного, уже тогда оно было негодным, иначе его вряд ли за «так» подарили Саре. А что дарили за «так» я не сомневался, Сара была бедна, она не могла позволить себе покупать мебель. Оглядев пространство, я понял, что кухню давно уже никто не использовал по назначению. Это была скорее кладовая: сервизы вперемешку с разрозненными чайными парами и гранеными стаканами, блюда в стопках, проложенные газетами, чтобы не бились, бутылки, вазы, коробки и знакомый электрический самовар с носиком-крантиком, из которого было когда-то выпито так много чая. Оставалось всего две комнаты: Большая и Маленькая. Почему Сара забросила свою кухню? Где теперь она вечерами беседует о политике и печет свой штрудель с яблоками? Где закатывает по банкам малиновое варенье и солит капусту? Хотя варенье было тут, красновато-коричневые баночки рядами стояли у внешней стены, там, помнится, было прохладнее, Сара вечно сетовала, что внешняя стена дома очень холодная, что крысы вытаскали весь утеплитель, и в доме лучше не ходить босиком, особенно — по кухне.

Я поставил на коробки торт и сверху положил букет. Стоило оглядеться. В доме происходило что-то непонятное, а я имел моральное право на осмотр и разбирательства, ведь Сара не была мне чужой. Она носила меня на руках в младенчестве и ругала

за плохую компанию, когда я был подростком, кроме прочего всего, которого тоже хватило бы с лихвой, чтобы подтвердить мои права, она была моей крестной матерью. Я вышел из кухни в коридор и прошел в Большую комнату. Здесь был полумрак, окна были задернуты тяжелыми шторами и горел так знакомый мне ночник. В комнате было пусто, ожидание увидеть сидящую в кресле перед телевизором Сару не оправдалось. Я взглядом окинул стены, комната казалась необитаемой, в углах у потолочных балок и над окнами скопилась легкая серая паутина, колеблющаяся от каждого движения воздуха, набел был свежий, но я понял, что в этой комнате не жили. Оставалась еще Маленькая комната, дверь в которую была закрыта. Очевидно, Сара жила в ней, больше нигде. Я тихонько постучал, ответом мне была тишина. Я толкнул дверь, она была заперта изнутри. Я стал стучать сильнее, но звуки с той стороны возвращались эхом, как из огромного цинкового таза, приводя меня в отчаяние, я понял, что случилось нечто большое и трудное, и это нечто заставило Сару позвать меня. Я размышлял еще некоторое время, недоумевая и сомневаясь, медленно, мерными шагами вернулся в коридор перед кухней. Неожиданно, не подчиняясь силе моего здравого смысла, челюсти разжались, губы раскрылись и легкие выдали хриплый звук, похожий на звериный рык, на катящиеся гулкие звуки водопада, на плач томящегося заперти: «Сара!».

«Сара! Неужели ты не видишь, что я пришел? Сара! Ты позвала и я пришел. Сара! Пусть вернуться лучшие дни моей жизни», — еще немного и я начал бы иступленно рыдать, требуя вернуть детство или душевное равновесие, которое я так долго искал после смерти бабушки и только нашел, стал к нему привыкать. Именно так — или детство с бабушкой и Сарой, или душевное равновесие.

Из Большой комнаты вышла женщина, встречавшая меня у калитки.

— Сара ждет вас! — спокойно произнесла она и повернулась ко мне спиной.

— Погодите, я только возьму подарки, — засуетился я и вернулся в кухню забрать торт и цветы.

Но ни торта, ни цветов в кухне не было. Я стоял и пытался вспомнить, куда положил коробку с тортом и букет цветов. Да, здесь всё и было, на вот этой огромной коробке даже пыль была стерта и виднелся отчетливый квадрат с орнаментом, оставленный дном. Кто-то унес мои скромные дары. Странно. Как же всё странно, непонятно, непохоже, непривычно. Надо скорее увидеть Сару. Она развеет мои дурные мысли и разложит всё по полочкам, как умеет это только тетя Сара, уверенная в своей правоте и справедливости существующего миропорядка.

Я поспешил за незнакомкой. Мы пересекли Большую комнату по диагонали, вошли в Маленькую комнату и вместо зрелища лежащей на перинах Сары мы ничего не увидели, было темно, и только где-то впереди, углубляясь, поблескивал тусклый свет. Я оглянулся, из Большой комнаты вслед нам тянулась такая же световая дорожка, как и из дальнего угла Маленькой комнаты. Межсезонье. Межвременье. Сделав несколько шагов за идущей впереди меня женщиной, я догадался, что Сара поставила пристройку к дому, и сейчас мы идем туда, в новую половину её жилища. Разгадка была простой, и я уже почти успокоился, но вспомнил про пропавшие подарки.

— Извините, мне неудобно с вами говорить, не зная вашего имени, — стал спотыкаться я.

Провожатая остановилась и повернулась в профиль. Не глядя на меня, произнесла:

- Белла. Меня зовут Белла. Я помогаю Саре по хозяйству.
- А я — Рим. Я крестник Сары. Она мне сегодня звонила.
- Я знаю.
- А это вы забрали торт и цветы?
- Забрала? Нет, я ничего не брала.

Белла повернулась ко мне спиной, и мы продолжили гуськом пробираться в новый дом. Не было торта, не было цветов. Сара будет обижена. Я всегда был бестолковым ребенком, мне опять не удалось сдать экзамен на житейскую зрелость.

Уже на выходе из Маленькой комнаты я запутался ногой в длинной шторе, которая свисала из самодельных подхватов и отделяла старый дом от нового. В моем детстве две такие коричневые шторы Сара вешала перед своей кроватью, выделяя её в отдельное личное пространство, что делало Маленькую комнату, и без того маленькую, крохотной. Сейчас моя нога нашла эту штору, запуталась в ней и я с невообразимым грохотом рухнул на старый деревянный скарб, непонятно зачем расставленный по всей комнате, накрытый старыми же простынями так, что силуэты вещей можно было только попробовать угадать. Грохот от моего падения получился ужасающе неприличным, мне даже стало не по себе, словно я разбил чью-то любимую чашку или памятную вещь.

Грани, углы, выпуклости и твердые поверхности больно ударили по моему и так небогатырскому телу. «Не ободрать бы лицо!» — единственная мысль, промелькнувшая в моей голове, была мгновенно забыта. «Стыд-то какой! Прийти в гости на званую встречу, потерять торт и цветы, упасть в хозяйском доме, перебить посуду и завалить мебель, пусть даже старую. Стыд-то какой!» Я поднялся, одергивая полы пиджака и растирая пыль по штанинам брюк.

— Белла, вы извините, я сегодня неуклюжий совсем. Задумался. Я так давно не видел Сару, и еще эти изменения в доме совсем вывели меня из строя.

— Вы упали на старье, которое мы приготовились выбросить. Вчера приезжал грузовик, который должен был увезти всё это на свалку, но Сара сказала, что вещи нельзя выбрасывать, их нужно раздать тем, кому они еще, может быть, послужат. Ну, и кому такие вещи могут послужить?

Белла задрала одну из простыней, с которых я только что поднялся. Под нею было старое кресло, которое соседи отдали Саре, торчал угол трюмо, которое уже в моем детстве отличалось кривизной зеркал и облупленной амальгамой. В кресле лежала груда книг, я дотянулся до одной, это были «Записки охотника» Тургенева. Книга была обшарпанная, уголки загнутые, видно, что ею пользовались много. Я перевернул пару страниц, на полях пометки, выделения, подчеркивания, кусок текста на две страницы отмечен простым карандашом, даже нет — химическим, и надпись: «Учить!». Как я понимал крестную, в этом «старье», как сказала Белла, была вся её жизнь. Жаль расставаться с жизнью, пусть она уже ветхая и никому не нужная. Как ни верти, лучше её куда-нибудь пристроить. К чему это я? К чему? Стоя над развалами Сариной жизни, и в этой чужой жизни был и мой эпизод, моя страница, я отчетливо понял и даже сумел признаться себе, что весь длинный, уходящий день я думал о Саре. Очевидно, она собралась вручить мне свою старую жизнь, как пристраивают ненужный скраб, жалея попросту выбросить его на помойку. Да, время, проведенное без бабушкиного и Сариного присмотра, сделало меня циничным приспособленцем. «Стыдись своих мыслей!» — сказал я себе и повернулся к провожатой, чтобы наконец-то встретиться с Сарой. Белла, прищулив глаза, рассматривала что-то на спинке кресла. Она аккуратно, стараясь ничего не зацепить, пробралась через коробки к креслу и, засунув длинные пальцы между книгами, которые я только что ворошил, рассматривая издание Тургенева, выдернула что-то темное, похожее на старую игрушку. Она встряхнула свою находку, оказалось, что это парик, каштановый и, очевидно, новый, так как он блестел даже при тусклом свете, пробивающемся в переход с двух концов. Парик был всклокоченным, и не только потому, что засунут между книгами, но еще и оттого, что, похоже, на нем делали начес. Сара носит парик? Белла хмыкнула, но еле заметно.

Я не услышал от неё и звука, но она так дернула уголками губ, что я понял её беззвучную гримасу. Она засунула парик за подхват шторы, ставшей виновницей моего конфуза с падением, и жестом указала мне идти вперед, она пропускала меня вперед так, как швейцары провожают гостей в дорогих ресторанах. Мне показалось, что она почти сделала книксен. Мне стало понятно, что она здесь только по службе и, должно быть, Сара её не слишком высоко ценит, раз заставляет так пресмыкаться. Показуха.

Мы пошли дальше, Белла теперь следовала за мною, и от этого мне было некомфортно, я чувствовал, как она смотрела мне в затылок. Переход закончился, и мы вошли в совершенно новую прихожую. Я подумал, что новый дом начинается там, где во дворе во времена моего детства росло старое облепиховое дерево. Я постоянно пытался на него взобраться, но бабушка ругала меня, оно было колючим, и бабушка кричала, что я порву единственные приличные штаны. Впрочем, я мог и ошибаться, потому что мы добирались долго, с этой остановкой в Маленькой комнате, я потерял счет времени. Конечно, заминка с моим падением была незначительной, но так как за это время я успел себе признаться в собственных слабостях и рассказать в них, для меня это время показалось значительным.

Новая Прихожая была просторной и пахла деревом, свежими опилками и смолой, из-за обшивки не видно, но чувствовалось, что дом деревянный. В наших краях, где лес когда-то совсем не ценился и даже стайки и хозяйственные постройки всё делалось из отборного кругляка, а горбылем топились только самые необеспеченные и трудолюбивые, так как горбыль надо было долго пилить. Сейчас же горбыль считался вполне неплохим топливом, а дома строили из низкосортного бруса, кругляк же могли себе позволить только самые обеспеченные. Я не мог поверить, что Сара вдруг разбогатела. Тетя Сара и много денег — антонимичные понятия. Сара и деньги

ходили по разным дорогам и, во всяком случае, во времена моего детства встретиться никак не могли. Сейчас, судя по изменениям, всё было иначе.

— Рим, дорогой мой малыш! — раздался Сарин крик из мне пока невидимых комнат. — Входи! Входи! Ведь это и твой дом, хотя ты в нем давно и не был.

Смех и стук. Знакомый голос тети Сары ждал меня. В последнее время мне стало не хватать этого ожидания, теплого чувства, что ты кому-то нужен, что кто-то тебя ждет и готовит к твоему приходу штрудель, стелет свежую постель. Как мог я, уже взрослый мужик, бросить эту женщину, вычеркнуть её из своих каждодневных тревог? Мне стало стыдно, стыд был таким жгучим, что даже мое падение в старом доме с ним не могло сравниться. Бордовая краска вины и раскаяния обожгла мои щеки и уши и даже заползла за ворот рубашки. Я посмотрел на свои брюки, еще раз безуспешно попытался отряхнуть с них пыль старого дома и одернул полы пиджака, поправил сбившийся галстук. Мне предстояла встреча с прошлым. Хотя без цветов и торта, но я казался себе готовым к ней. Только внутренний червячок точил мою душу сомнением: «Что ей от меня надо?». И все-таки плохо, что я без цветов и торта.

В дверях за мной появилась Белла. Она задержалась где-то в переходе. Теперь же она прошла вперед, я услышал шепот, и Белла возникла в проеме Прихожей в белом накрахмаленном переднике и белых же перчатках. «Восемь ноль-ноль. Вас ждут!» — произнесла она чинно. Это было так неожиданно, что лицо мое вытянулось и глаза округлились. Фраза, произнесенная ею, внешний вид да и сама нелепость этой ситуации стали для меня понятны только сейчас. Я пришел не к известной мне тетушке Саре, а к совершенно новому мне человеку. Мне предстояло познакомиться с новой Сарой, которой я еще не знал. Не оставляйте дорогих вам людей слишком надолго, иначе вы рискуете их больше никогда не встретить. За спиной

Беллы часы пробили восемь раз, я улыбнулся. Часы были мне знакомы. При своей бедности Сара имела в доме несколько дорогих вещей, и, любовно их поглаживая, она всегда приговаривала: «От мужа достались». Если это были действительно старые часы, то после боя часы должны были зашипеть. Так происходило всегда. Внутренний механизм часов был таковым, что ему требовалось после каждого боя как бы поставить себя в стартовую позицию, чтобы в следующий раз исправно пробить следующий час. Это давным-давно объяснила мне сама Сара. Часы были старинными и с причудами, но они всегда исправно шли и били каждый час. Сейчас же я ждал, зашипят ли они. Зашипели. Я широко улыбнулся и шагнул вперед. И сделал это так решительно и быстро, что чинная Белла совсем не чинно вынуждена была отпрыгнуть в сторону. Впрочем, я её уже не видел. Я шел вперед, где ждало меня мое прошлое.

Первое, что я увидел, вернее не увидел — ощутил, много света. Было очень много яркого света. Как в операционной или ювелирном магазине. Эти диодные лампы, которые сияют в любое время суток, могут лишить вас животной ориентации, присущей человеку способности отличать день от ночи и планировать свой ритм жизни. Чуть больше восьми вечера, поздняя осень — это темное время суток в наших широтах. Но войдя в комнату с диодными светильниками даже в полночь и пробыв там несколько минут, вы уже теряете ориентацию во времени, так игроки казино ощущают вечную ночь и могут незаметно для себя несколько суток провести за любимым делом в охваченном страстями заведении. Так произошло и со мной. Войдя из чуть освещенной Прихожей в залитый белым диодным светом Зал, я ощутил, что уже не помню, что было со мною до того, как я попал сюда. Да, это был именно Зал со всеми полагающимися атрибутами: хорошей мебелью, цветами в кашпо на полу, картинами, богатым набором всякой мелюзги, что люди обычно называют милыми безделушками,

интерьерными куклами, подушками с замысловатым орнаментом. Что бросилось мне в глаза, так это отсутствие книг, раньше Сара в своей самой лучшей Большой комнате держала всю свою многотомную библиотеку. «Книг не хватает», — произнес я, обернувшись к Белле. Но той уже не было в комнате. «Мне больше не надо это скопище пыли», — раздался знакомый голос. Вначале я не понял, откуда Сара говорит, и повернулся туда, где она должна была находиться по моим ощущениям. Да, Сара была в комнате, но я не сразу её увидел и не сразу узнал. Время изменило её. Маленькая сухонькая старушка сидела в кресле, спинка которого была откинута назад под небольшим углом, так что можно было сказать, что она не сидела — лежала. Я понял, что Сара больна, иначе она-то уж точно не стала лежать в моем присутствии, тем более мы не виделись так долго. Я сделал навстречу ей несколько шагов. И тут Сара села прямо в своем кресле, спустила ноги с подставки и, почти не опираясь на подлокотники, встала. Усталая, выболевшая старушка, она напомнила мне этим своим вставанием японских женщин, которые гнутся перед житейскими невзгодами, но не ломаются, а лишь кланяются. Сара приветствовала меня, этот мой приход был важен для неё. Она переживала о нем и готовилась не меньше моего, а, может, даже и больше. Это было не просто желание повидаться с родным человеком, здесь было нечто большее. Зная Сарину деликатность, я был уверен, что она даже известием о собственной смерти не стала бы меня беспокоить. Случай, по которому мы с ней увиделись, должен был быть выдающимся. Да еще и эти разительные перемены в быту, которые, как я всегда считал, не могли случиться с нею.

— Здравствуй, Сара! — я обнял её.

— Здравствуй, Рим! — ответила она так просто, так буднично, будто мы расстались только вчера.

— У вас так много всего нового произошло. Извините, что не звонил и не приходил.

— Да, тебя долго не было. Но раз я тебе была не нужна, значит, в твоей жизни всё хорошо. — Сара пытливо посмотрела в мои глаза. — Я знаю, что ты скучал по прежней жизни, и чтобы не расстраиваться, ты не искал со мною встреч. Так ведь? Не говори, я знаю, что так. На твоём месте были многие люди, и я тоже. Так что...

Сара выдохнула. Я чувствовал, что она готовила эту речь к нашей встрече. Каким же надо быть настоящим человеколюбом, чтобы уметь понять чужой поступок, оправдать его и подать в преображенном виде мне, не умеющему даже просто прощать. Сара ведала моей душой. Мне стало легко, я рассмеялся. Сара тоже улыбнулась той теплой улыбкой, которую я так любил и которой мне так не хватало.

Поддерживая друг друга, мы подошли к банкетке. Я усадил Сару, сам сел на стул поблизости. Мы смотрели друг на друга. Не знаю, о чем думала Сара, а я, бессовестно пользуясь её присутствием, отдыхал от взрослой жизни и чувствовал себя мальчишкой. Да, я видел её немощность, сгорбленность и печаль. Но это была прежняя Сара, она совсем не изменилась. Даже стальные властные нотки в её голосе и привычка напирать интонацией на слова, которые она считала важными, сейчас меня умиляли.

Вошла Белла с сервировочным столиком и стала накрывать к чаю. Полупрозрачный фарфор, витые ложечки, розетки с вареньем, маленькие французские булочки, фрукты и порционный шоколад. Я узнавал Сару, она всегда любила пить чай и знала в этом толк. Мы молча переглядывались и чуть заметно улыбались. Слышно было только, как Белла звякает посудой. Она вышла и вернулась с электрическим потером. Понятное дело, он только что вскипел, из решетки над крышкой вился дымок. Сара любила обжигаяще горячий чай, такой горячий, чтобы аж тонкая пленка кожи слезала с неба.

Я опять засмеялся:

— Сара, ты заменила аппарат для чая? Жаль. Я любил твой самовар.

Сара улыбнулась мне в ответ:

— Малыш, всё должно меняться. Мир не стоит на месте. Я тоже любила наш самовар, но Белла считает, что это утопия — пить чай из самовара. Когда ко мне кто-то приходит... Прямо скажем, не часто приходят. Но когда дома гости, то Белла ставит вот это белое чудо. Там целых семь литров, можно пить и пить. Без остановки.

Сара сама разлила чай по чашкам, она знала, что я люблю чай с молоком, поэтому плеснула мне немного сливок из маленького молочника.

— Своего молока нет, увы. Раньше люди держали скотину, можно было и хорошее молоко взять, и сметану, и творог. А сейчас никому это не надо, за коровой или там козой, скажем, уход нужен. Вставай чуть свет, носи навоз, коси траву, столько хлопот. Поэтому сливки у меня магазинные.

Сара немного помолчала, видно было, что она хотела начать говорить что-то важное, но никак не могла собраться с духом.

— Ты видишь, я помню, что ты любишь чай с молоком.

Сарины глаза смотрели на меня пытливо. В них читалась и тревога, и непонятно откуда взявшаяся робость, и усталость человека, прожившего большую беспокойную жизнь. Конечно, она позвала меня не просто попить чая, вспомнить бабушку, посмотреть на меня. Я понимал это. Я ждал, когда закончатся церемонии и Сара перейдет к тому, ради чего меня ждала в гости. Но она всё не начинала, мы вспоминали с ней, как жили раньше, когда моя бабушка была жива, говорила про старых соседей и мое детство. Я улыбался, кивал головой, тоже о чем-то вспоминал, о чем-то теплом и радостном, но внутренне я готовился к какому-то серьезному разговору, который был важен для Сары, и который она всё никак не могла начать.

— Рим, ты помнишь моего внука?

— Внука?

Я был озадачен. Не помню, чтобы в жизни Сары были какие-то родственники. Странно, но я никогда не задумывался над тем, что она не может быть абсолютно одинокой. В наших разговорах Сара никогда не упоминала не только своих детей, но даже мать и отца. И я привык считать, что у неё никого нет, кроме меня и бабушки. Мифический муж, от которого она получила некоторые ценные вещи, всегда фигурировал в речи о прошлом, и я, нисколько не сомневаясь, считал его усопшим. А тут внук. Удивительное дело.

— Сара, у тебя есть внук?

— Да, Рим, у меня есть внук, и ты должен его помнить.

Сара пальцем указала в направлении маленького столика, на котором лежала папка и несколько книг. При ближайшем рассмотрении книги оказались фотоальбомами, а папка была старой, потрепанной, на льняных полураспустившихся завязках. Крупные буквы «Дело» привели меня в неясное волнение. Фотоальбома было два. Один старый толстый с перфорированными уголками, из него во все стороны торчало содержимое. Это были маленькие и большие снимки, сделанные любительским фотоаппаратом, а снимки из фотоателье были аккуратно закреплены в специальных прорезях. Второй альбом был более современным, состоял из кармашков, в которые были вставлены разноцветные картинки. Я сел возле Сары на банкетку, и она стала перебирать фото. На всех фотографиях был мальчик, сначала маленький, в пеленках, и по мере убывания страниц в альбомах он становился всё старше и старше. Я сделал вывод, что внук уже достаточно большой.

— Сара, я не помню, чтобы у тебя был внук, — на мгновение задумался я. — Точно не помню.

Сара мельком взглянула на меня, и морщинки у её глаз сложились таким знакомым маленьким веером. Она улыбалась. Перекинув несколько страниц в старом альбоме, она вынула

одну фотографию. На снимке стоял я у своего любимого старого кресла, держась за него одной рукой, другая упиралась в стену, покрытую ковром. Ковер тоже считался «оставшимся от мужа». В кресле сидел совсем незнакомый мальчик, круглощекий, в вязаном костюмчике. Мне было лет пять или шесть, а мальчик был весьма нежного возраста, возможно, месяцев семь или восемь, не уверен, но точно — меньше года. Прежде я никогда не видел ни этих альбомов, ни этого мальчика.

— Моего внука зовут Даниель, Даня. Ему сейчас семнадцать лет, и он необычный ребенок.

— Семнадцать лет? Он не общался с тобой? И вообще... — я запнулся. — Если у тебя есть внук, значит, у тебя есть дети? Почему я об этом узнаю только сейчас? Ты скрывала?

— Нет, Рим, детей у меня нет. Есть только внук.

Тишина повисла между нами. Теперь я не понимал, зачем Сара пригласила меня. Сообщить о внуке?

— Я — старая больная женщина. И мне осталось совсем немного, — она сделала останавливающий жест рукой, как бы пытаясь прервать мои возражения. — Помолчи! Мне осталось немного. Мой лечащий врач сказал, что в лучшем случае еще полгода — год от силы. Жизнь утекает и никто не сможет её задержать, даже долги и обязанности тут бессильны, поэтому я и потревожила тебя. Тут такое дело...

Сара потеряла ладони, как обычно она это делала, если собиралась что-то начать делать или говорить. Этот жест выдавал её волнение и степень важности. Для неё этот момент был волнительным, и я понимал, что вопрос тут стоит не в её жизни и смерти. Сара всегда была приземленным человеком, и уж кто-кто, но она точно относилась к вопросам бытия очень прозаично. Еще в давние времена она повторяла: «Вот сдохну, закинут меня в землю, и будто не жила. Так просто и легко».

— У меня есть внук Даниель. И я хочу назначить тебя его опекуном.

Она смотрела на меня вопросительно, смотрела так, будто я уже давно знал и про внука, и про её надвигающуюся кончину, смотрела так, словно ждала от меня только положительного ответа. Я был в замешательстве.

— Сара, ты должна мне всё рассказать. То, о чем ты меня просишь, звучит странно. И я не готов решать такие важные вопросы прямо сейчас. Твоему внуку семнадцать, еще год и он станет взрослым человеком. Зачем ему опекун? Я с ним не знаком, он меня не знает. Ты предлагаешь странные вещи. Давай, объясняй.

Сара прикусила нижнюю губу. Она размышляла. Должно быть, она и правда совсем позабыла или не могла поверить, что я так мало знал о её жизни, и эта её жизнь меня мало интересовала. Или она была разочарована? Сара отложила в сторону альбомы и взяла в руки папку. Папка была очень старая. Я решил, что её много использовали, вон, даже завязки были истрепаны, на одной был узел. Сара открыла папку и достала из неё несколько тонких листков бумаги, покрытых мелким убористым почерком, какие-то бланки, документы в синих корочках и толстую тетрадь с тряпичным переплетом, такой переплет раньше делали на больничных карточках. У меня была такая же детская карточка из поликлиники, с цветастым переплетом и нелепыми цветами, вырезанными из почтовой открытки. Я всегда считал, что работницам в регистратуре было скучно, и они себя развлекали такого рода украшательством.

Сара протянула мне содержимое папки:

— На, почитай. А я пока разберусь с ужином.

— Что это?

— Это то, почему я хочу, чтобы ты стал опекуном моего внука. Почитай и подумай. Спрашивай. Но я думаю, что ты и сам разберешься. Что касается меня, то я считаю, что эти бумаги и мое предложение — лучшее, что могло произойти в твоей жизни. Ты ведь не любишь свою работу?

Я удивленно смотрел на Сару. Что еще обо мне она знает? А ведь точно знает!

— Я знаю, что не любишь. А это, — она постучала указательным пальцем по стопке бумажек. — Это изменит твою жизнь. И, думаю, что в лучшую сторону. Это возможность, твой шанс, которого больше может и не случиться.

Сара вышла из комнаты. Сгорбленная жизненным опытом мудрая женщина, которая всегда уверена в своих поступках. Неужели она родилась такой самоуверенной? Или это старость делает людей такими? Сомневаюсь, что я в её годы буду с таким же стержнем, я вечно сомневаюсь и боюсь навязывать свое мнение другим. А вот Сара умеет преподнести свое желание так, что люди начинают считать его даром свыше или откровением. Вот и сейчас я прикоснулся к бумажкам с легким трепетом, будучи уверенным, что касаюсь пальцами своей дальнейшей судьбы. И это было так.

Я мельком просмотрел то, что дала мне Сара. Это были документы, касающиеся Даниеля, её так называемого внука: справки из сада, школьный аттестат, свидетельство о каких-то специальных курсах почему-то на английском языке, выписки из медицинских документов и больничная карта. В карте было всё о здоровье Даниеля с момента рождения. Я узнал, что его родила некая Ольга Марковна Волошко в марте двухтысячного года. Волошко — это не Сарина фамилия. У Сары фамилия Прись. Может ли Ольга Марковна быть её дочерью? Может, а почему нет? В одной семье могут быть разные фамилии. Еще я узнал, что на момент рождения Даниеля его матери было уже сорок лет. Да, поздновато как-то. Дальше шли многостраничные наблюдения врачей. Из них я понял, что Даниель был ребенком с задержкой в развитии: поздно стал держать головку, сидеть, ползать, а первые слова произнес только в возрасте пяти лет. Дальше я читать не стал. Зло постепенно стало распирать меня изнутри. Сара хочет мне подсунуть какого-то

недоразвитого пацана, сама помрет, а я должен с ним валандаться до конца моих дней. Да будь он хоть десять раз её внуком! С чего вдруг я должен так портить свою жизнь? «Это изменит твою жизнь полностью. Это лучшее, что могло с тобой случиться. Бросай работу!» — про себя передразнил я Сару. Спина моя устала сидеть без опоры на банкетке, ноги затекли, и я встал, чтобы размять их. И сам не заметил, как стал шагами мерить комнату, в двадцатый раз закладывая круги вокруг чайного столика. Возмущение теснило мой мозг, я готовил речь человека, которого только что оскорбили, сделав непристойное предложение. Хотя, наверное, с точки зрения здравого смысла ничего непристойного в нем не содержалось. Можно прямо сейчас встать и уйти. Да вот хоть выпрыгнуть в окно. Я отодвинул тяжелую оконную портьеру. Богатство, однако! Рукой нашарил запорную ручку и открыл окно. Осенний ветер, холодный и влажный, надул тонкую вуаль под портьерой пузырем. В комнате запахло детством и грустью. Я высунулся в окно почти по пояс, под окнами колыхалась высокая трава, какой-то стебель даже коснулся моей щеки, я увидел луну. Она была убывающей, тонкой, изогнутой, как Сарина фигура. А ведь это она, Сара, научила меня понимать, какая луна, растущая или убывающая. Как-то летом мы сидели с ней на крылечке и перебирали гречку к ужину. Сара взглянула на луну и сказала: «Луна прирастает!» «Как это — прирастает?» — спросил я. «А вот смотри. Если к лунному серпику приставить ручку, и получится буква «Р», значит — луна растет, а если «У» будет, то убывает». Как же это было здорово! И тут, взглядываясь в темноту двора и вспоминая детство, я вдруг успокоился. Да не может женщина, которая дала мне так много — знания, воспоминания, тепло и уют, счастье семейных вечеров, возможность просто выжить во враждебном мне мире — поступить со мной плохо. Вдыхая сырой воздух, я понял, что Сара еще не всё мне рассказала, вероятно, я еще не знаю и половины всего. Я успокоился

и передумал выпрыгивать в темноту за окном, повернул оконную ручку, закрыл раму. Расправив складки портьеры, поворачиваясь, я увидел, что Белла унесла чайную посуду и стояла в ожидании моего возвращения в комнату. Я посмотрел на часы, было почти девять. Скоро часы начнут бить. Прошел всего час, а моя жизнь уже не могла быть прежней. Всего час отделял меня теперешнего от беззаботного Рима, который пришел навестить свою крестную, будто тяжелая плита знания придавила меня, груз ответственности связал мои конечности, я даже медленнее стал передвигаться. Какой-то восторг перед происходящим пропал, осталось только тягостное волнение и ощущение чего-то неприятного, надвигающегося, того, что будем мучить и душить.

Сара ждала меня в соседней комнате. Она расположилась в кресле, которое Белла перевезла из гостиной. Наверное, это было единственное место, где ей было удобно сидеть. Комната, без сомнения, была столовая. Просторная комната, где не станут принимать гостей, но с удовольствием соберутся всем семейством за обедом или ужином. Только было непонятно, зачем Саре при её небольшой семье такая столовая. Вероятно, этот дом ждали изменения, которые или уже произошли, произойдут или уже никогда не случатся. В центре комнаты стоял круглый стол темного дерева, массивные ножки почти до самого пола были прикрыты голубой скатертью. В центре стола стояла супница, из которой торчала ручка поварешки. В глубокой вазе лежали малюсенькие закусочные пирожки. На стол были поставлены четыре прибора.

— Сара, почему четыре тарелки?

— Сейчас ты познакомишься с Даниелем. И я думаю, что твое вытянутое лицо приобретет прежнюю форму.

Сара была обижена, я видел это по тому, как она поджимала губы и кусала внутреннюю сторону щек. «Нервничает», — злоратно подумал я. Нет, я совсем не хотел доставлять ей неприятности. Но надо же было придумать такое, навязать мне своего

умалишенного внука, чтобы я до конца своих дней проклинал её. Неужели она хотела, лежа в гробу, знать, что сделала кого-то несчастным. «Боже, о чем я думаю, — одернул я сам себя. — Какой там гроб, может, Сара еще лет двадцать проживет, и этот вопрос с внуком отпадет сам собой!»

Я улыбнулся:

— У тебя шикарная столовая! Отличный дом! Откуда такое роскошество?

Сара вздохнула:

— Тоже скажешь — роскошество. Просто дом стал приличнее. И это всё благодаря Дане. Его присутствие в моей жизни дало мне возможность пристройку сделать, обставить новый дом, нанять Беллу в помощь. Иногда то, что кажется тягостным, привлекает в твою жизнь приятные вещи.

Сара намекала, что и моя жизнь может улучшиться, если я не стану упрямым и стану опекуном её внуку.

— Этот дом после моей смерти станет твоим и не только этот дом.

— Ты говоришь про пособие по инвалидности и опекуновское содержание от государства?

Сара рассмеялась, но смех её был тяжелым, будто камни падали с горы:

— Пособие? Ты считаешь, что я на свою пенсию и пособие могла бы построить дом? Не смеди меня. Государственное содержание слишком невелико, и я на него в своем старом доме, ведя скудное существование, еле-еле бы доживала от выплаты до выплаты. Я говорю сейчас совсем о другом.

Мне стало неприятно. Этот разговор походил на покупку меня. Передо мной собирались открыть некие финансовые тайны, которые должны были задушить во мне всякие возражения и склонить к опекунству. Заметно было, что и Саре это неприятно, она сама не ожидала, что ей придется своего любимого крестника покупать, что он сам не осознает своего долга и сам

с радостью не выражает желания опекать инвалида. Но, видно, что другого выхода у Сары не было, и последние аргументы она собиралась мне выложить за ужином. Заодно и показать мне предмет моих будущих мучений, своего Даниеля.

В гостиной зашипели часы. Девять. В доме Сары всегда было принято поздно ужинать, долго пить чай, смотреть телевизор, обсуждать последние события в мире и в собственной жизни. Именно вечерами в этом доме текла настоящая жизнь, а то, что происходило днем, было лишь подготовкой к вечеру. Так было всегда, так осталось и сейчас.

Сара подобралась в кресле, села прямо, поставила ноги на ступеньку. Верно, это был своего рода ритуал, знаменующий переход к новым действиям. Сегодня я это уже видел при нашей встрече. Сара пригладила прическу, смахнула невидимые крошки с подола платья:

— Белла, бросай свои дела и к столу!

Это не был приказ, это было приглашение, но Белла тут же закончила возню в соседней комнатке, вероятно в кухне, и поспешила к столу.

К тому моменту, когда часы пробили последний раз мы втроем уже чинно сидели за столом. Белла сидела возле меня. Место рядом с Сарой было свободно. Мы ждали.

Вдалеке послышался шум спешащих ног, топот был громким. Когда Даниель вошел в комнату, я понял, почему услышал его еще издалека. Ортопедические сандалии с широкой подошвой звонко хлопали по паркетному полу, как если бы лягушка поскакала на подкованных лапках. Даниель чудакливо ходил, чуть расставив ноги в стороны и почти не сгибая их в коленях. От этого его обувь опускалась на пол, на всю ступню и с громким стуком шлепала. Я думаю, что услышал бы его приход, даже если бы он шел по коврам. Даниель был похож на галчонка, и непонятным образом в нем угадывалась Сара, так что я сразу перестал сомневаться, что он её кровный

родственник. Хотя, и я видел такое, когда, не являясь генетической родней, живя под одной крышей, люди начинают походить друг на друга, муж с женой, например. Он был невысок, черноволос, черты лица ничем не приметные, только нос, маленький, остренький, с чуткими, чуть подрагивающими ноздрями, привлекал внимание. Я даже вначале не понял почему, но к концу ужина заметил, что мальчик не смотрит в глаза, поэтому обращаешь внимание сразу на нос. Всё в Даниеле было угловатое, выступающие колени, локти, даже ключицы под рубашкой заметно выступали. Ручки его постоянно шевелились, он или потирал ладонки, как Сара в минуты сосредоточенности, или перебирал пальчики, будто считал их. Даниелю ни за что нельзя было дать его семнадцать лет, ну тринадцать-четырнадцать от силы. Возможно, что его опрятность, а она сразу бросалась в глаза — белая рубашка, застегнутая доверху на все пуговицы, маленький галстук, вязанный жилетик, отглаженные брюки идеальной длины, носки в цвет сандалий — выдавала в нем зануду и маменькиного сынка, поэтому он казался младше, чем есть на самом деле. Если бы я встретил Сару и Даниеля на улице, я бы поморщился от такого идеализма и чопорности. Даниель кивнул нам головой, четко, как курсант военного училища, и сел за стол, ожидая команды приступить к ужину. Сара положила свою ладонь на спину внука, он взял ложку и опустил её в тарелку. Белла достала пирожок из вазы и вложила в руку Даниеля. Мальчик ел, прихлебывая и сопя. Было видно, что он голоден. Мы застыли, наблюдая за трапезой ребенка. Вдруг Сара, поглядев искоса на внука, ткнула его в спину. Даниель выпрямился и продолжил есть очень тихо, не издавая никаких посторонних звуков. Я и Белла, мы тоже взяли ложки и стали ужинать. Прием пищи прошел в полной тишине, только Сара изредка тыкала Даниеля в спину. Сама она не ела, наблюдала за мной. Я делал вид, что внимательно рассматриваю мальчика, хотя на самом деле я был больше сосредоточен

на себе и своих переживаниях. Да, я ожидал увидеть глубокого инвалида, дурачка или калеку, а это был вполне обыкновенный мальчик. В нем были странности, и они почти сразу бросались в глаза, но мальчик был совершенно обыкновенный. В конце обеда Даниель встал, еще раз церемонно кивнул нам головой, произнес: «Спасибо за обед, бабушка Сара! Было очень вкусно!» и вышел из комнаты. В коридоре раздались шлепающие шаги спешащих ножек.

Белла тоже встала из-за стола:

— Я дам ему конфет?

Сара отрицательно покачала головой:

— Нельзя, он и так съел весь торт, который принес Рим. Теперь ночью ему будет плохо.

Я удивленно повернулся к Саре:

— Это он украл мой торт и цветы?

Сара рассмеялась теплым смехом:

— Не переживай! Я знаю, что ты пришел с цветами и тортом. Цветы здесь, — и она указала на комод в углу. — Белла поставила их в вазу. А торт Даниель съел.

— Весь торт?

— Весь! Он большой сладкоежка, но мы сладкого ему не даем, ему нельзя. Вот он при любой возможности его подворовывает, невозможно ничего с этим поделать. Я готовила его к тому, что ты придешь, и, чтобы он не боялся тебя, сказала, что ты принесешь сладкое угощение. Даня караулил твой торт и в удобный момент утащил его и съел. Ты извини его. Это его слабость. Слабости надо прощать, малыш.

Сара опять назвала меня малышом, и я понял, что она смягчилась, хотя я так и не дал своего согласия стать опекуном её внука.

Белла опять принесла сладости и горячий потер. Мы с Сарой переместились из столовой назад в гостиную. Я перекатил Сарино кресло, она, видимо, предпочитала его всей другой

мебели для сидения, и приготовился к разговору. Время после ужина располагает к откровениям, так заведено в этом доме.

— Рим, я вижу, как тебе трудно принять мое предложение. И, знаешь, я только сегодня поняла, что мы с тобой совсем незнакомы. Ты ничего не знаешь обо мне, хотя знакомы мы, кажется, вечность. Конечно, твоя бабушка могла бы тебе обо мне рассказать, но, как я понимаю, она этого не делала, а теперь уже и не сделает по понятным причинам.

Сара смотрела на меня ласково, как на несмышленного ребенка, как опытный смотрит на попытки новичка, как учитель смотрит на ученика.

— Твоя бабушка была для меня единственной и верной подругой, и, я вижу, все мои секреты она унесла с собой на тот свет. Когда мы с ней увидимся, а увидимся мы скоро, я скажу ей свое спасибо. Ну, а теперь послушай меня и не перебивай. Я буду рассказывать тебе то, что никому никогда не рассказывала. Даже твоя бабушка не всё из того, что я расскажу, знала. Может, она и догадывалась, но наверняка точно не знала. Рассказывать мне будет трудно, ведь то, что долго скрываешь, потом трудно проносится.

— А Белла знает все твои тайны?

— Белла?

— Закрой дверь поплотнее.

САРА

Прозаично, но человек не то, что мы видим снаружи. Да и, справедливости ради, совсем не то, что нам мнится внутри. Человек — это тайны, сплетения судеб и проблем, нравственное начало и нравственный конец.

Вот Сара, обыкновенная женщина, сломавшая все мои представления о жизни, такая простая снаружи и совершенно непостижимая внутри. Человек ниоткуда, человек никогда, человек никто. Ведь если разобраться, её никогда и не существовало.

Сара так и не смогла мне внятно объяснить, откуда она, как её зовут, когда пришла на свет, и кем были её родители. Не смогла, потому что сама не знала.

Приемные родители сказали ей лишь, что взяли её в каком-то маленьком селе на востоке Украины в тридцать седьмом году, осенью, в октябре, и было ей уже года два, точнее женщина, родившая Сару, сказать не смогла. Приемные отец и мать Сары пробирались из Львова в Сибирь. Они были евреями, и Марк, так звали Сариного отца, боялся, что его почему-то должны «забрать», поэтому решил, что надо отправляться в Сибирь, ведь дальше Сибири его уже никто сослать не сможет, он решил так себя наказать за свое еврейство, спрятаться. Сам уложил свои немногочисленные пожитки в два чемодана, прихватил жену и отправился. Путь их был нелегким, да и лет им уже было достаточно, за сорок. Жена его, Захава, всё время причитала и отказывалась уезжать из теплых благодатных мест в холодную Сибирь, пусть даже безопасную, но такую далекую и страшную,

где лютый мороз, дикие звери, измученные заключенные, никакого просвещения и торговли, а только лишь желание как-нибудь продлить свои дни. Хотя зачем эти дни, если они так никудышны? В какой-то день, они даже и не помнили в какой, они оказались в маленьком селе где-то между Козельщиной и Кобеляками, наступил вечер, скоро должно было стемнеть, и они попросились переночевать у женщины, которая несла воду с реки. Женщина согласилась, но попросила не приходить вечером, потому что семья у неё большая, голодных ртов и так много, а мужа нет. Марк и Захава на ужин не рассчитывали, они лишь хотели выспаться не под открытым небом, а в доме. Захава проснулась рано, лишь солнце стало окрашивать восток в красный цвет. Она пошла в уборную. Возвращаясь, увидела, что их хозяйка сидит на крыльце и на коленях укачивает ребенка. Захава задержалась, присмотрелась к ребенку, это была девочка, светловолосая, прямо совсем белая, как снег. Хозяйка объяснила, что ребенок совсем больной, плохо ест, да и есть нечего, ведь у неё еще пятеро детей, мужа сбил поезд насмерть еще в том году, даже здоровый ребенок в таком случае обуза, не то что больной. И Захава загорелась. Ей очень хотелось родить ребенка, но у них с Марком почему-то не получалось. Врачи разводили руками и говорили, что это несовместимость. Захава любила мужа, и бросать его из-за какой-то неведомой несовместимости не собиралась. И вот им уже по сорок, Захаве сорок один, а Марку сорок три, а детей всё нет. У Захавы созрел план, она решила забрать девочку у этой бедной хозяйки и выдать за свою, тем более что девочка так сильно напомнила Захаве её саму в детстве. Захава тоже была болезненной и худой, бабка над ней вечно причитала: «Ой, дытына ты моя, дытына, худа да страшна як дрын из тына!». А еще девочка была светловолоса, а такие они все добрые да ласковые. Так размышляла Захава, решившая во что бы то ни стало уговорить мужа забрать девочку. Марк не сопротивлялся, он только спросил, а выдержит ли больной ребенок дорогу.

Захава была мужественной женщиной и умела выкручиваться из сложных ситуаций, вот и мужа поддержала в желании переехать, делала всё возможное, чтобы их скитания были наименее болезненными, знакомилась с людьми, подешевле выторговывала яйца и молоко у хозяек, искала избу для ночлега. Захава была уверена, что если удастся сговориться с несчастной женщиной о ребенке, то уж всё остальное пустяки. Она размышляла недолго, нужно было только подойти к крестьянке, пожалеть её, посочувствовать да и предложить свое решение проблемы. Женщины, особенно еврейские, без труда находят ключик к любому сердцу. Но крестьянка оказалась непростая, смотрела в лицо изучающим взглядом, ни на что не жаловалась, не плакала, не причитала. Она только слушала и смотрела, смотрела и слушала. Так умеют слушать только безграмотные женщины, битые судьбой, имеющие сухие неслезливые глаза.

— Ты говоришь, чтобы я отдала тебе свое дите?

— Тебе тяжело, у тебя их шестеро. Чем кормить станешь, во что одевать? Эта вот болеет, а с такой жизнью и другие заболеют. Тебе работать надо, много работать, чтобы всех прокормить.

— Дите-то мое! Моя кровинка, девочка, к тому ж остальные-то — мальчонки. А эта вырастет — подсоблять будет, работу в доме работать.

— Да не вырастет она у тебя, сгинет. А я любить её буду, пуще своей. Муж у меня добрый, специальность у него хорошая, он строитель. Строители всем нужны: крышу крыть, крыльцо чинить, избу ставить. Не будет девчонка голодать, любить будем, одевать, музыке станет учиться. А ты будешь ей письма писать. Вырастет — свидитесь, я про тебя ей стану рассказывать.

— Как же? Писать? Я букв вот ни одной не знаю, скажешь тоже — писать. Не отдам я тебе девчонку.

Захава ушла, пора было собираться в дорогу. Но поняла она, что женщина задумалась, нужно было только выждать. Захава

достала из чемодана блестящее ситечко из родительского приданого, как не жаль, а придется с ним расстаться, брала с собой на крайний случай, а вот он и наступил. С ситечком Захава отправилась в самый хороший дом в селе, только там могли оценить такую стоящую вещь. Из дома вышел мужчина, он долго слушал рассуждения Захавы о необходимости фильтровать чай, чтобы тот лился в стаканы чистый и прозрачный, и грубо рывкнул: «Я чаев не пью!». Схватив мужика за рукав рубахи, Захава доверительно прошептала: «Ситечко-то серебряное!». Мужик остановился и стал в руках крутить чудной предмет, поскоблил корявым ногтем: «Продаешь, значит? Что за него хочешь? Только много не проси — не дам, а станешь приставать — сообщу куда надо». Он грозно взглянул Захаве в глаза. Захава многого и не хотела, ей нужны были продукты. «Как стемнеет, приходи к забору за домом, всё сложу в мешок, но если что, то я тебя не знаю, и ни о чем с тобой не договаривался». — Воротина захлопнулась.

Уходя из приютившего их дома, Захава оглянулась, хозяйка смотрела им вслед, приподняв рукой белую занавеску. Вдоль улицы шли медленно.

— Не отдала ребенка? — спросил Марк.

— Пока не отдала, ей надо подумать. Подумает и отдаст. Нам нужно еще на день задержаться в селе. Вечером сходишь, заберешь мешок с продуктами, я выменяла. Тетка жилистая, нужен аргумент, чтобы она отдала ребенка. Убедительный аргумент.

— Самим есть нечего, а еще и ребенка кормить, — Марк вздохнул и обнял жену. — Может, зря я это всё придумал, с Сибирью?

— Может, и зря. Только выбор уже сделан. А девочку она отдаст, точно отдаст. А девочка хорошенькая, как куколка, большеглазая, беленькая, как я в детстве.

Расчет Захавы был верный.

Так Сара родилась второй раз: у других людей, под другой фамилией, в другом месте и с другой судьбой. Когда Сара

это рассказывала, голос её дрожал и она, стараясь незаметно, утирала слезы.

В сумерках Марк забрал у богатого дома мешок с продуктами, и муж с женой последний раз прошли по единственной улице села. Уже пела вечерняя птица, в небе показался рожок месяца и с реки потянулся туман. Крестьянка с завернутой в одеяло девочкой, тяжело дыша, бежала за ними. Как-то обмякнув всем телом, она протянула ребенка Марку. «Возьмите, только не измывайтесь, пускай она живет лучше, чем я жила», — мать перекрестила ребенка и поцеловала в лоб, будто хоронила. Захава протянула ей мешок с продуктами: «Вот, возьми, мы только буханку взяли и несколько яиц, остальное тебе». Постояли. Захава расстегнула ремень чемодана и достала платье, свое любимое, из тонкого батиста в мелкий цветочек: «В Сибири холодно. И это возьми! Может, еще мужчина тебе встретится, чтобы нарядной была, ведь ты такая славная. А за дочку спасибо, я её не у тебя, у Бога выпросила, любить и баловать стану лучше родной». Захава переложила оставшийся скарб в один чемодан, ребенка уложили на дно другого. Долгая дорога никого не страшила, ведь они нашли смысл жизни. Крестьянка, стоя посреди дороги с мешком в одной руке и с платьем в другой, роняла на дорогу слезы, ей хотелось, чтобы её дочка ни в чем не нуждалась. А как иначе?

Конечно, мысли своей родной матери Сара придумала, ей хотелось, чтобы так всё и было, чтобы обыденность приукрашивалась какими-то высокими помыслами. Так думал я. Что думала Сара, производя на меня нужное впечатление, мне было неизвестно. Нет, я догадывался.

Через месяц, в начале декабря тридцать седьмого года, Марк, Захава и Сара прибыли в Читу. Саре сделали метрику. Отсутствие документов объяснили просто: ребенок родился в деревне, долго болел, считали, что скоро помрет, поэтому метрики нет, есть только справка из сельсовета. Справку раздобыл Марк у загульного завхоза под Белгородом. Там значилось, что Сара

Марковна Прись родилась в феврале 1935 года, двадцать первого числа, в деревне Березовка, благо таких Березовок по стране было больше, чем берез. В паспортном столе сердобольная женщина за янтарный кулон предложила написать, что это была Читинская область. Мать — Захава Моисеевна Прись, отец — Марк Васильевич Прись. И жизнь покатила вперёд, не блестящая, но очень даже сносная. Читу променяли на Омск, поселились в маленьком городишке, Мышьегорске. Сара, получая хорошее питание, больше не болела и стала справным ребенком, умным и покладистым, любила сочинять сказки и училась играть на скрипочке. Марк очень любил свою дочь, так, что даже выдержанная Захава, испытывала приступы ревности. Сара тоже любила отца, и не было более идеалистической картинки, чем встреча отца и дочери по вечерам. Сара забиралась к нему на колени, ерошила маленькими ладошками волосы и тихонько рассказывала, как прошел её день. Марк довольно улыбался и слушал, слушал, как самые важные известия в его жизни.

Марк сам был сиротой, поэтому относился к девочке с большой заботой, он знал, что значит быть чужим и ненужным. Марк вырос в сиротском доме, где с пяти лет его отдавали строителям, чтобы они обучали его своему ремеслу. «Людам всегда нужна крыша над головой, тут я им и пригожусь» — так рассуждал маленький мужчина. В приюте ему сказали, что его подкинули, и его родители, как и его происхождение, неизвестны. После революции в семнадцатом году Марк работал в городском архиве, менял сгнивший пол. Работа была срочная, так что работали даже по ночам. Тогда Марка звали Василием, Василием Ивановичем Бездорожным. И тогда же он стал Марком. В архиве было много документов, в шкафах, на полу, их приходилось переносить, передвигать. И Марк увидел документы из сиротского дома, нашёл свои. Он был Марком Васильевичем Климе, отец неизвестен, мать Рахиль Яковлевна Климе. Она была танцовщицей и, вероятно, женщиной легкого поведения, заболела чахоткой и отдала

сына в сиротский дом, исправно заносила деньги на его содержание, а через два года, когда Марку было два, скончалась от болезни где-то в Базеле. Так он стал Василием Ивановичем Бездорожным, сиротой и подкидышем. Тогда в семнадцатом от такого известия у него внутри всё перевернулось, он почувствовал себя евреем, и, пользуясь своим пролетарским происхождением и неразберихой первых послереволюционных лет, заменил документы и стал зваться Марком Васильевичем Прись. Фамилия Климе очень уж ему не понравилась, она была какой-то нереволюционной, а Прись — императив, «иди, напирай, свергай» — очень даже звучала. Жену тоже себе Марк подыскал по статусу, чтобы не гойка была, а еврейка. Захава была девушкой с приданым, хоть и не красавица, а жене и не надо красоты, зато правильная, её семья поддержала новую власть. И всё у них должно было быть хорошо, кто же мог предположить, что евреи неуютны любой власти. Марка прощали за его еврейство, все считали его ненастоящим евреем, ведь он сменил имя и фамилию по какой-то своей прихоти, может, он и не знал, что стал жидом, может, еще одумается, полагали они. Но то, что жена у Марка настоящая еврейка, простить не могли. Эта национальная потерянности Марка, отсутствие корней вызывали в его сердце понимание и сочувствие к маленькой Саре, что в свою очередь выражалось в любви и желании заботиться и защищать.

Так проходил день за днем в тихих хлопотах, Захава шила на фабрике простыни и наволочки, Марк строил школу в совхозе, Сара ходила в детский сад. Марк перестал бояться, что его «заберут», Захава перестала писать семье письма, все делали вид, что их жизнь, которой они жили сейчас, такой правильной и размеренной была всегда.

А потом случилась война.

В июне Сару только записали в первый класс и купили ранец, мать сшила форму. Марк и Захава вечерами наряжали Сару в школьницу и любовались, как она кружится по комнате

с новым коричневым портфелем, такая радостная, такая милая. За лето Захава собиралась навязать крючком много белых воздушных воротничков к форме, а Марк соображал, что нужно смастерить для ученицы удобную парту, чтобы она не портила спинку, делая уроки. Сара уже умела читать и писать, считала до ста и сносно играла на маленькой скрипочке. Всему научил Сару Марк. Захава только удивлялась, сколько любви у этого взрослого человека, он казался ей нелюдимым, но эта маленькая дочка неизвестной крестьянки умела с ним обращаться.

Война всё переменяла. Сара всё так же собиралась в первый класс, Марку было сорок семь, и он собирался на войну, фабрика Захавы перестала выпускать постельное белье, а швеи стали шить грубые шинели и солдатское исподнее. Марк собирался на войну. За три года спокойной жизни в Мышьегорске он успел построить небольшой дом на окраине, и сейчас у него возникла миссия, он решил сделать в доме стену плача. Стена должна была быть из круглых камней-валунов, крепкой, в ширину и высоту внешней стены дома. На вопрос Захавы: «Зачем?» он ответил, что у этой стены она будет молиться за своего воина, ну, а если враги дойдут до Мышьегорска и начнутся бомбежки, то стена не даст дому упасть. Смешной Марк, он и сам не знал, чего в этом было больше, практичности или суеверия. Слово религия Марк никогда не произносил, говорил про суеверия, но все понимали, что это он о Боге, который хранит нас всех под этим небом. Нет, семья Сары не была религиозной, нет, они не молились перед едой, нет, не праздновали еврейских праздников, слово Бог не звучало в стенах дома, но это была очень ортодоксальная семья, религиозная по своим привычкам, поведению и отношению к себе и людям.

Все стройки в городке прекратились. Марк не работал. Он ходил в военкомат и записался добровольцем, ему сказали ждать повестки, но повестки всё не было. И он стал возводить стену. Днем, когда Захава была на фабрике, он бродил по городу

в поисках больших камней, откапывал их и складывал в кучи, после брал Сару, и они с маленькой тележкой отправлялись за его находками. Находки подчас были внушительных размеров, и тогда он долбил их молотком и пилил каким-то инструментом со специальными зубцами, инструмент Марк сделал сам и любовно называл его «маленькая пилочка», а Саре казалось, что это он про неё так говорит, и они дружно, как заговорщики, смеялись. Камни складывались в тележку и возились к дому. Сара видела, как Марку тяжело, и она по-детски подбадривала: «Ну, давай-давай, папочка, еще немножечко!». И Марк вторил ей: «Еще немножечко и будет стеночка!». Соседи непонимающе смотрели на мастерового еврея, у людей война, а он стенки строит, да еще и поет. Станный человек! Да, Марку было тяжело, но он ничего не мог поделать с этой проклятой войной, раз повестка всё не приходила, он так с войной боролся, оборонялся, укреплялся, защищал семью. Захава только улыбалась после тяжелого дня на фабрике, им удвоили, а затем и утроили норму. Болели ноги, на руках сухие мозоли и слезящиеся от мануфактурной пыли глаза. Зато Сара была счастлива. Ей нравилось искать камни, пилить их «маленькой пилочкой», а особенно было по душе, когда отец, весь сгорбленный под тяжестью камней, поднимал вверх голову, выпрямлял спину и сажал Сару на вершину кучи, насвистывая какую-то мелодию, он прокатывал тележку по своей улице, на тележке поверх камней гордо восседала Сара. В таких случаях Саре казалось, что отец совсем молодой, и от этого ей было радостно. Встреченные соседки качали головами и, как будто сговорясь, повторяли: «Марк, ты зачем посадил девчонку на камни? Простынет, а потом детей не будет, она тебе за это спасибо не скажет!». Марк смеялся, глядя на Сару: «Да у неё столько детей будет, что вы все завидовать будете? Правда же, доню?» Доню довольно шурилась и подтверждала: «Правда, папка!».

Потом отец месил заступом раствор, раскладывал по ведрам и носил в дом. Дело шло быстро. Дольше возили камни,

а стенка из них выросла за каких-то три дня. Еще несколько дней она сохла, в доме дышалось тяжело, мокрая глина и камни срастались, отдавая свою влажность дому, поэтому отец летом протопил печь. С тех пор у Сары запах влажной глины или штукатурки вызывал плохие мысли, эти мысли были связаны со смертью. Тогда это была смерть отца. От тяжелого ли перекатывания камней или от влажного горячего воздуха в доме, но ему стало плохо. Марк никогда не болел, Сара даже никогда не слышала жалоб на здоровье от него. Сидя ночью на крыльце, он сказал выбежавшей в ночной рубашке жене: «В груди печет!». А утром его не стало. Повестка из военкомата, которую так ждал Марк и из-за отсутствия которой стал строить стенку, пришла на следующий день после похорон, она лежала в ладони его жены. Такая страшная повестка, такая спасительная, но теперь уже не нужная. «Будь проклята эта война! Будь проклята эта стена!» Захава лбом билась о стену, она хотела разбить свое несчастье лбом, разрешившим мужу этот тяжелый труд, и эту стену, неожиданно страшную.

Осенью Сару в школу отвела одна мать. Они тихо шли по пустынной улице, все взрослые были на работе, слышалось лишь мычание коров да звяканье ботала. Сара была нарядная, мать связала ей воротнички, как обещала, портфель с тетрадками приятно хлопал по спине. «Вот, Марк сам хотел проводить тебя в школу, да не успел. Учись хорошо, детка!» — и Захава поцеловала дочь в щеку. Теперь она была на месте той бедной женщины, у которой она забрала Сару. Теперь она думала, что поступок её был неправильным, и дня не проходило, чтобы она не думала об этом. Захава привыкла жить за мужем, а теперь она была одна и ей стало казаться, что и ребенок ей в тягость, и этот маленький дом на окраине Мышьегорска, и сама её жизнь. Она бы уехала во Львов, вдруг там еще живы родители или другие родственники. Но шла война, долгие четыре года одна война и работа на фабрике, работа в доме, от дочери помощи совсем мало.

Захава решила всё бросить и бежать. Саре было десять, когда она проснулась в пустом доме: матери нигде не было, в школу никто не разбудил, обычного завтрака из холодной вареной картошки на столе не было. Сара сама собралась и побежала в школу. Но и после Захава не пришла, вначале Сара думала, что мать задержалась на работе, и ждала. Прошло два дня, а мать так и не появилась. Сара пошла к соседке. Соседка, которая иногда угощала Сару молоком, только пожала плечами, никто Захаву не видел. На следующий день, рано утром, еще до школы Сару увезли в интернат в Читу. Нет, она не плакала, она как взрослая заперла дом своим ключом и повесила его на шею на длинной веревке, калитку заперла на вертушку и села в телегу. Женщина в сером бушлате прошептала: «Мама найдется, и ты вернешься». Сара согласно кивнула головой. Домой Сара вернулась только через десять лет.

А пока шла война. Все силы и мысли были отданы фронту. Учась в интернате, Сара постоянно думала, что мать ушла на войну вместо отца и, вероятно, там погибла. И только потом, когда ей отдавали документы, в июне пятьдесят второго, директор интерната рассказала, что мать её жива и проживает, как и прежде, в Мышьегорске.

— Она была на войне?

— Не знаю. Может и была. Но теперь у неё другая жизнь и тебе возвращаться к ней не надо.

Видно было, что женщина жалела Сару. Но теперь она была взрослая девушка, ей уже было семнадцать, почти восемнадцать, и она была в состоянии сделать свой выбор. Директриса достала из стола папку на завязках с черной надписью «Дело», у Сары в груди похолодело.

— Это твое личное дело, там есть все ответы на возможные вопросы. Ты не торопись, сядь, прочитай и прими правильное решение. У тебя отличный аттестат, я могу оставить тебя в интернате воспитателем, у тебя будет своя комната и бесплатное

питание, будешь заочно учиться в пединституте, нам очень нужен словесник.

Сара открыла папку. «Дело» начиналось отказной бумагой от Захавы, знакомым круглым почерком крупными буквами было написано: «Заявление. Я, Прись Захава Моисеевна, сдаю своего единственного ребенка, Прись Сару Марковну 1935 г. р., в интернат и отказываюсь от него в виду трудного материального положения и невозможности воспитывать её без мужа. Второе апреля 1945 года. Прись З. М.». Сара была оглушена известием. Мать просто бросила её, бросила, как ненужную вещь. Далее в папке были табели об успеваемости, докладные учителей и воспитателей, характеристика, отчет о потраченных средствах на питание и одежду. И ключ. Сарин ключ от дома. Ключ, который выточил отец, маленький, белый, на длинной веревке. Он сохранился. И Сара решила навестить мать.

Дорога к дому оказалась трудной. Первоначальная радость от того, что мать нашлась, что что-то в жизни проясняется, исчезла, как только грузовик, на котором Сара приехала в город, притормозил у школы. Сара спрыгнула с борта, водитель снял её маленький чемодан и улыбнулся: «Дома?». Сара кивнула на всякий случай: «Дома». Но ощущения дома совсем не было, Сара подумала, что через пятнадцать минут окажется у знакомой калитки, пройдет по ровной дорожке, уложенной мастеровыми руками отца, откроет дверь своего дома заветным ключом. Только мать будет в том доме. Как не показать обиду? Как не расплакаться? Как не обвинять? Сара стояла у школы и крепко сжимала в руке ручку чемодана. Школьники, пропалывающие цветники в школьном палисаде, с удивлением смотрели на неё. «Надо вначале расспросить её обо всем, вероятно, у неё были какие-то причины отказаться от меня», — решила Сара и пошла по знакомой дороге домой. За семь лет здесь почти ничего не изменилось, только дома выкрасили, да фонари над дорогой были новые, а так всё по-прежнему, даже рытвины

на дороге были те же самые. Знакомая калитка. Притертая разбухшая от весенних дождей вертушка открывалась туго. Калитка скрипнула и распахнулась, встречая гостью. Во дворе никого не было. Чистые, сияющие окна, белые занавески, распахнутая дверь веранды — мать была дома. Сара, чуть наклонившись, какие, оказывается, в родном доме низкие двери, вошла в сенцы. Половик, чистый, незатоптанный, и цинковая ванна у двери. Именно этот половик и эту ванну видела Сара самыми последними, уезжая в интернат. Мать была дома, она мыла пол в большой комнате. В платке, повязанном по бабьи, обвивающими концами захватив голову в кольцо, а спереди — узелок, с подоткнутым подолом темной юбки, в линялой рубашке, Захаву было не узнать. Она перестала следить за собой давно, как только не стало мужа. Теперь она располнела, поседела, потеряла половину зубов и выглядела гораздо старше своих пятидесяти семи лет.

— А, приехала, значит?

Сара знала, что мать её ждала. Не могла не ждать. Саре даже показалось, что какая-то радость промелькнула на лице матери. Но это было лишь мгновение. Захава одернула подол и тяжело зашагала на кухню. Сара вошла в зал. Здесь тоже все предметы сохраняли на себе отпечаток старого счастья. Только модный фикус в кадке появился у окна, а так — всё по-старому. Даже фотографии в углу: Марк, Захава и маленькая Сара, еще Марк и Захава во Львове, и светлоголовая Сара летом перед первым классом, перед войной. Передняя стена комнаты была каменная. Стена плача стояла, и ничего с ней не случилось, никого от бомбежек она не защитила, а молилась ли Захава, положив на неё руку и склонив голову, теперь значения для Сары не имело. Стена была ухожена, выбелена, напоминала мостовую в доме. «Это, наверное, дорога, по которой отец ушел навсегда, — подумала Сара и провела рукой по стене. — Здравствуй, отец!»

— Сара! — позвала из кухни мать.

— Здравствуй, мама! — Сара знала заранее, что так скажет.

— Никакая я тебе не мама! Садись! Будем обедать.

Захава достала из буфета яйца, из печи вытянула кастрюлю со щами, нарезала хлеб.

— Чем богата.

Сара жевала корку и прихлебывала щи, Захава была неприветливой хозяйкой. Под тяжелым взглядом матери елось тяжело.

— Как только тебе кусок хлеба в рот лезет?

Сара отложила ломоть, отодвинула тарелку.

— А что не должен? Это и мой дом. Вот посмотри, — Сара показала матери справку, где была прописка.— Я дочь своего отца и своей матери.

Захава шлепнула по столу ладонями, этот её жест означал крайнюю степень возмущения.

— Твой дом, Сара? Нет, этот дом такой же не твой, как и ты не Сара.

Сара подумала, что мать, верно, сошла с ума. Даже точно сошла, еще тогда, в апреле сорок пятого. Она несчастная женщина, потерявшая мужа, родственников, время, раздавленная страной, обществом.

— Сара, я тебе всё расскажу. Только пообещай мне больше не появляться в этом доме до самой моей смерти, а жизни мне крайне мало осталось, поверь мне. А дом потом будет твой, распоряжайся им, как захочешь. Только меня больше не тревожь. Я знаю, всё в моей жизни плохо пошло через тебя, твоя мать, наверное, прокляла меня, тогда ночью, на дороге. Ни ситечко, ни хлеб, ни платье не помогли.

Сара смотрела на мать, как на умалишенную, та заламывала руки, бегала по тесной кухоньке, охала, причитала, выговаривала то, что за многие годы накопилось в её голове, в её душе. Она ни с кем не могла поделиться этим грузом, Сара была единственным человеком, которому она могла всё рассказать без утайки. Ведь это была и её, Сарина, тайна.

— *Мать рассказала мне всё, как я тебе сейчас, Рим. Одного она только не сказала, где искать мне мою настоящую мать, да и стоит ли мне её искать, ведь она тоже отдала меня. Я была дважды выброшенной. Меня выбросили, потом подумали, что еще могу сгодиться на что-то, потом присмотрелись, что все-таки я непригодная и опять выбросили. Нет, я не чувствовала себя вещью. Просто я тогда выросла, за те несколько часов, что провела у приемной матери, и решила больше ни от кого в жизни не зависеть.*

— Мама, а как называлась то село, где вы меня взяли?

— Я не знаю, — Захава поморщилась. — Даже примерно не знаю. Это село где-то между Козельщиной и Кобеляками. Мы тогда торопились, скрывались, шли то ночью, то днем, у меня голова шла кругом, не до названий было. Осталось только красное одеяло, в котором твоя мать принесла тебя и всё. Была еще какая-то одежонка, но она была сильно изношена, я её давно выбросила.

— А одеяло?

Захава ушла в другую комнату, вернулась с одеялом в руках. Странно, но я его не помнила. Наверное, пока я жила здесь, им не пользовались. Одеяло было маленькое, маленькое даже для двухлетнего ребенка, каким я тогда была, красное с белыми оленями. Ничего в нем не было особенного или приметного, детское одеяло, заботливо отстиранное Захавой, пахло мылом и домом. Сара открыла чемодан и положила в него рулик из одеяла.

— А можно я возьму фотографию отца?

Захава подумала, вышла, долго чем-то стучала, и принесла карточку, где мы были вместе, втроем: она, Марк и я.

— Не сердись на меня, я несчастная женщина. Я любила тебя, как могла. А Марк, он очень тебя любил, так любил, что я даже злилась на него за это. А потом во мне что-то порвалось, тянулось, тянулось и порвалось. Я очень несчастна,

Сара! — и Захава заплакала. Сара прежде никогда не видела мать плачущей. Она была всякая: злая, нервная, взволнованная, а плачущая — никогда. А сейчас она рыдала, уронив голову в ладони и раскачиваясь из стороны в сторону:

— Я молюсь за него, за тебя, за себя у этой стены каждый вечер. Эта стена сгубила его, но это последнее, что мне от него осталось.

— До свидания, мама!

— До свидания? Нет, прощай! Ты обещала никогда меня не беспокоить! Обещала?

Захава зло смотрела на меня, подняв голову от ладоней, лицо её было заплаканным. Как время состарило её! Но как же я любила это злое лицо, любила и прощала.

— Прощай!

Сара еще хотела поцеловать её, но Захава отвернулась. Сара коснулась губами платка, последний раз вдохнула родной запах.

Да, Сара вернулась в свой дом, но только через пять лет, когда Захава умерла. Сара сдержала слово и больше не побеспокоила мать, даже на похоронах не была.

Сара стала учителем русского языка и литературы, она закончила пединститут в Чите и потом там же работала в школе. После смерти матери она вернулась в Мышьегорск и поселилась в родительском доме. В новой школе, где учился и я в свое время, она много лет работала учителем, там она познакомилась с моей бабушкой. Бабушка была гардеробщицей, жалела маленькую учительницу, подкармливала овощами со своего огорода, приносила козье молоко. Учителя во все времена жили небогато. Так они и подружились.

А были ли в жизни Сары мужчины? Наверное, были.

— Сара, а откуда у тебя дети?

Сара засмеялась:

— Оттуда, откуда и у всех. От мужчины.

Мужчин в Сариной жизни было совсем немного. Неправда, что она была некрасива, нет. Просто мужчины стараются стороной обходить женщин-учительниц, они, как бы яснее выразиться, слишком совершенны или стремятся к этому, как правило, плохие хозяйки, потому что целый день на работе и любят повышать голос, когда надо и когда не надо. К тому же, в Саре поздно проснулась женщина. Она была миловидна, с длинной русой косой, небольшого роста, поэтому всегда носила туфли с каблукочком, даже галоши у неё были под такие туфли. Сара любила платья, и подбирала их в зависимости от того, какое произведение читалось на уроках литературы: Пушкин предпочитал длинное платье с рюшами, Маяковский был кумачового цвета, Толстой — простой белый с рукавом фонариком, Пришвин и Паустовский означали платья в цветочек, Чернышевский и Достоевский — черное приталенное с воротником-стойкой, Некрасов требовал рубище, но Сара надевала простое белое с рукавом фонариком, отнятое у Толстого. Сара была затейницей. Про ранние её увлечения говорить не стоит, они были совсем не серьезными. В Мышьегорске за ней ухаживал директор школы. Он был тихим и застенчивым, женатым, сорока с лишним лет. Сара морщилась, но ухаживания принимала. Жена директора работала там же, в школе, была завучем, и Сара более всего боялась, что она узнает и будет что-то страшное, у неё не было опыта встреч с женатыми мужчинами. Директор тискал Сару в кабинете, после уроков, закрыв дверь, они целовались, он гладил её колени и рассказывал, какая ужасная женщина его жена. «Она совсем не уважает меня, не видит во мне мужчину», — плакался он, припадая лицом к Сариным пухлым ножкам. Сара жалела его и гладила по лысой голове. Дальше поцелуев и поглаживаний у них дело не заходило, а Саре хотелось. Один раз она даже пригласила его к себе домой, в домик со стеной плача. Он пришел, но в домик заходить не стал. Стоя у ворот, он прошептал: «В начале улицы живет подруга моей жены, она видела, что я к тебе шел, давай сделаем

вид, что я приходил по делу». Он протянул Саре какую-то бумажку и ушел. Жена директора знала, что муж бегает к учительнице. И однажды, когда Сара закончила уроки, завуч появилась в дверях кабинета. Двери закрылись на ключ: «Всё знаю. Да и ты не первая, да и не последняя. Можете играть в свои игры, сколько хотите, только он от меня не уйдет. Никогда. Он импотент и вор, а я его единственная защита и опора. Так что даже и не мечтай!» Больше директор с Сарой наедине не встречался, хотя смотрел долгими взглядами. Но директор и его жена вскоре уехали из городка, говорили, что проворовались. Потом, вероятно, в жизни Сары были еще какие-то мужчины, но они были не главными, поэтому история про них умалчивает. А главным был отец её дочери, Ольги. Саре было уже немного за тридцать, когда её отправили на курсы в Москву. Он был профессором и старше её. Марк, и это сходство в именах с отцом привлекло её больше всего, тоже был с Украины. Его семья давно жила где-то там, где Захава и Марк нашли себе дочь. И фамилия у него была совсем чудесная — Волошко, василек. Он преподавал математику, но очень любил литературу, так читал стихи новых поэтов — у Сары от восторга и восхищения дрожали колени. Марк был сухой и темный, если так можно сказать о человеке, напоминал Саре галчонка, который сидит в гнезде и, разинув свой желтый рот, ждет, когда мать туда засунет еду. Их отношения длились долго. Каждый год Сара откладывала со своей небольшой зарплаты деньги, чтобы поехать в Москву и провести там два месяца с любимым. Марк не хотел, чтобы Сара перебиралась к нему. Закоренелый холостяк, он ценил свою свободу и возможность жить как хочется. Они гуляли по Москве, Марк читал стихи, знакомил с друзьями. Сара убирала его маленькую квартиру, варила обеды, штопала носки, он смеялся над её хозяйственностью и говорил, что она совсем не филолог, а простая еврейская баба. Интим у влюбленных случался не часто, то ли возраст Марка, то ли другие причины, но трясли они свой диван совсем не часто. Диван скрипел

и стучал всеми ножками, соседи снизу начинали греметь по батарее, Сара хихикала, Марк замирал, и секс часто заканчивался ничем. Марк шел курить на балкон, бубнил: «Как я с ними здороваться буду, я ведь их детям математику преподаю?». Сара оправдывалась: «Можно подумать, что они не были молодыми». Летом семьдесят пятого Сара купила Марку новый диван, это случилось в то лето, когда она забеременела. Сара решила, что новый диван решит её проблемы, — она скажет Марку, что беременна, аборт она делать не собиралась, ей было сорок, ей нужен был ребенок. И она сказала. Марк ни обрадовался, ни огорчился, он странно посмотрел на неё и произнес: «Я не знаю, что такое дети, но я их не люблю». Сара изумленно смотрела на него, она не понимала, как может человек, читающий Рождественского и Высоцкого, так сказать. Они не разговаривали два дня. Сара в одиночестве бродила по музеям, Марк курил и что-то решал в своих тетрадках. Лето было испорчено, перед Сариным отъездом он сказал: «Я уже старый, мне давно пора иметь детей, поэтому пусть этот ребенок останется. Я дам ему свою фамилию, я признаю его, но выращивать я его не стану, давай самостоятельно. И еще — на наследство мое пусть не рассчитывает. Оставлю всё, что буду иметь, ему, если только это будет мальчик». Сара опустила глаза, она была уверена, что родится девочка.

Да, родилась девочка.

Сара решила, что у девочки должно быть простое русское имя, и назвала дочь Олей. Отец и Оля увиделись, когда девочке исполнилось два года. Марк переписал её на себя, из Ольги Марковны Прись она стала Ольгой Марковной Волошко. Ольга была очень похожа на отца, тот же темный галчонок с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом. Марк при встрече спросил: «Дурочка, что ли?». Сара обиделась: «Почему дурочка? Просто она задумчивая, ей всё интересно, от любопытства она открывает рот. У детей так бывает, с возрастом пройдет».

Но Ольга действительно получилась дурочкой. Нет, она не была умственно неполноценной, но было в ней что-то не от мира сего. Она доставляла Саре массу неприятностей и в детстве, и в юности. Но к Саринуму облегчению, отец девочки внезапно воспылал к ней отеческими чувствами, и забрал к себе в Москву. Сара вначале переживала, но потом успокоилась, Ольга звонила и уверяла мать, что ей у отца очень хорошо. Сара понимала, что Марк, уже совсем старый Марк, может обеспечить дочери хорошую жизнь в Москве, когда она в своем Мышьегорске этого сделать не могла, всё, что у неё было, — работа и старый родительский дом — не могли быть хорошим стартом для девочки. Летом, в свой отпуск, Сара опять стала ездить в Москву, проверять, как живут дочь и отец. Марк не выходил из дома, Ольга вела себя примерно в роли дочери, училась в институте, где Марк много лет читал математику, оказывается, что ей передались отцовская способность к математике и любовь к стихам. Всё выглядело пристойно. Сара всё реже и реже стала посещать столицу. Но однажды дочь преподнесла матери подарок. Осенью двухтысячного, ветреным вечером, а дул такой сильный ветер, что даже телефонная связь была очень плохой, в трубке шуршало и булькало, Ольга позвонила и сказала, что едет в Мышьегорск. Через два дня мать встречала дочь на станции, Саре было шестьдесят пять, её дочери было двадцать пять. Ольга привезла матери ребенка.

— Прямо там, на вокзале, она сунула мне в руки ребенка и тяжелую сумку, поцеловала в щеку, заскочила в поезд и уехала. Я даже не успела ничего сказать, поезд был проходящим и в нашем маленьком городке стоял две минуты. Это был Даниель. Так он появился в моей жизни.

— Но, Сара, в документах Даниеля написано, что его матери было сорок. Его родила женщина более старшего возраста? Твоя дочь — не его мать?

— Нет, Ольга его мать, — возмущенно сказала Сара.

— Тогда я ничего не понимаю. Я не собираюсь опекать человека, про которого ничего не знаю. Твои секреты должны быть раскрыты, если ты настаиваешь на моем опекунстве.

— Рим, какая тебе разница, сколько лет было его матери, когда она родила ребенка. Бери и всё, и ты ни о чем не будешь жалеть.

Потом Сара немного помолчала.

— И почему ты решил, что матери Даниеля было сорок? Ей было двадцать пять!

— Сара, но я же не дурак, там было написано — Волошко Ольга Марковна, 1960 года рождения?

— Там было написано совсем по-другому. Это твоя невнимательность подводит тебя.

— Сара, не надо разыгрывать учительницу. Ты забыла, что я тоже учитель, и учитель математики, между прочим. Память на цифры у меня что надо!

— Белла! — закричала Сара раздраженно. — Белла, принеси нам бумаги!

В комнату быстро вошла Белла, так быстро, будто только этого зова Сары и ждала.

— Белла, принеси нам папку с документами! — приказала Сара и тяжело задыхалась. — Принеси, этот... этот господин учитель математики не верит мне.

Сара разволновалась неспроста. Я понял, что эта путаница с документами испугала её. Свидетельство о рождении: Волошко Ольга Марковна, 1975 года рождения.

— Сара, извини, я действительно невнимательный.

Сара снисходительно посмотрела на меня.

ЛОВУШКА

Я вернулся домой поздно, почти в час ночи. Ранетка под моим окном раскачивалась, маленькие плоды падали на металлические подоконники, стучали по подъездному козырьку и крышам припаркованных на ночь машин. Я стоял под дикой яблоней, думал и давил ботинком маленькие бугорки на асфальте. Скоро выпадет снег, первый снег, потом он растает, выпадет еще один, а, может, и не один, и лишь спустя какое-то время уже будет настоящий снежный покров. Поздняя осень в Мышьегорске — явление затяжное. Вначале думаешь: «Зима!». Ан нет, не зима — зазимок. Зима накроет снегом вот эти красные бугорки на асфальте, а потом вместе с весенним таянием они вновь покажутся, выглядящие так, будто только упали с дерева, а когда снежная вода утечет, станет понятно, что это уже не плоды, а так — непонятные лепешечки на грязном асфальте. Приблизительно так я себя чувствовал сейчас, раздавленной, высушенной лепешкой. Домой идти не хотелось. Придя домой, я лягу под одеяло и до утра в голове буду гонять мысли о Саре, Марке, Захаве, Даниеле, Оле, странностях с метриками. Короче, заснуть не получится.

Я отправился в табачный киоск. Я не курю сейчас. Был студентом — баловался. А сейчас я учитель, человек нравственного примера, поэтому не курю. Но после посещения Сариного дома очень хотелось курить, втянуть в себя дым, поддержать минуту и выпустить в воздух, вверх, в пространство над собой маленькое расплывающееся облачко. И пусть нравственность

подождет. Заспанная женщина в окошке подала мне ментоловую пачку, такую, которую обычно берут девушки и курят, элегантно зажав ароматную белую палочку между указательным и средним пальцами. Девушки, впрочем, оказались неподалеку. Они стояли у края дороги, смеялись и держали в руках именно такие дымящиеся палочки.

— Здравствуйте, Рим Иванович! — одна из них вихляющейся походкой направилась ко мне. — Нужна девочка на ночь?

— Тамара? Что ты здесь делаешь? — я изобразил на лице изумление, будто ничего не понял. — Играешь на улице допоздна? А как же комендантский час?

— Я не играю, к тому же комендант — мой знакомый, его час мне по барабану, — Тамара была пьяной и бравировала этим. — Курите?

Я знал, что Тамара из неблагополучной семьи, и, чтобы выжить их семье, она и сестры выходили на трассу. Весной она обычно пропадала с дальнобойщиками, оставив семье сумму на проживание. В школе об этом способе её существования знали, но предпочитали закрывать глаза, Тамаре оставался до выпуска всего год, отправлять её в приют никто не хотел, а протекцию её еще требовалось доказать.

— Курю! — я достал из пачки сигарету, щелкнул ментольной капсулой, Тамара поднесла к моему лицу синеватый огонек зажигалки. — Я тебя не видел. Ты меня не видела.

— Конечно, только курить плохо.

— Несомненно, но стоять на трассе в сетчатых колготках и короткой юбке при холодном северном ветре — тоже ничего хорошего. Береги себя!

— И вы... — засмеялась Тамара.

Ну вот, теперь я буду думать не только о Саре и её истории, но еще и о Тамаре. Я направился домой. Хотелось домой, под одеяло, а не стоять на трассе и ловить похотливых мужиков, возможно извращенцев, возможно маньяков. Повесив пальто

и сняв ботинки, я обнаружил, что совсем продрог. Обняв себя за бока, я стоял у окна, смотрел на ранетки, политые дождем. Я думал, что вон там за домами на трассе стоит пьяненькая Тамара, а в другой стороне, противоположной, куда не глядят мои окна, сидит в комнате старая тетя Сара и смотрит на спящего Даниеля, решая, как убедить меня взять на себя груз опеки. От мысли о таких мирных картинах, может, и неправильных, но очень жизненных, мне стало тепло, я снял одежду, лег калачиком под одеяло и быстро заснул.

Утро началось скомканно. Звонил телефон, кто-то пинал мою дверь. Поднял трубку, попросил подождать чей-то возмущенный голос. Натянул брюки, пошел к двери. В дверях стояла неизвестная девушка и говорила, что Тамару убили. Я не знал, что первым предпринять, говорить с девушкой, звонить в полицию, к тому же сегодня еще на работу к первому уроку. Я посмотрел на часы в коридоре, была половина десятого — я проспал уже два урока, поэтому в телефоне должен быть завуч. Я проводил незнакомку на кухню и стал искать телефон. Повторно набрал номер, долго извинялся, соврал что-то про внезапную болезнь, обещал отработать, загладить вину всеми возможными способами, завтра быть к восьми у директора. Проехали. Так. Теперь — Тамара. Девушка сидела на табуретке и смотрела невидящими глазами в пространство перед собой:

— Знаете, он был какой-то непонятный. Коротышка в темных очках. А машина? Машина зеленая, вся заляпанная грязью, то ли издалека ехал, то ли по такой дороге. Ну, темно, мы не разглядели.

— А ты в полицию сообщила?

— В полицию? Нет. Уже утром, еще было темно, было часов шесть. Эта машина, в которую села Тамарка, притормозила возле нас, и Тамаркино тело, голое, истыканное, выбросили в грязь. Мы побежали за машиной, но номеров не увидели, темно и всё заляпано грязью. А еще Тамарка грязная, голая. Со мной тоже так могут сделать?

Она смотрела на меня, будто я был Богом и мог ей гарантировать волшебное занятие проституцией без маньяков и извращенцев, а только лишь по любви и доброй воле.

— Продавец из табачного киоска вызвала скорую и сказала, чтобы мы расходились, вроде как нас там и не было. А я знала, где вы живете. Вы же учитель из Тамаркиной школы? — девушка заплакала. — Вы сообщите Тамаркиным родителям, только не говорите, что это я вам сказала.

Случайные события, несчастливые мысли толпились в моей голове. Надо было идти в школу, на работу. Но вначале... Вначале я набрал номер социального педагога школы:

— Але? Это Рим Иванович. Тамару убили.

Степановна, соцaped, помолчала, прошуршала бумажками.

— А ты где?

— Бегу в школу!

— Вот прибежишь и поговорим.

Душ. Паста. Бритва. Костюм. Я шагал по лужам к зданию школы. Вчерашний день был тяжелым, сегодняшний день обещал быть невыносимым. Ветер, дувший вчера, усилился, небо было свинцовым, казалось, еще чуть-чуть и пойдет снег. Я не ощущал непогоды, уши горели, хотелось всё бросить, сесть в поезд и уехать, уехать куда глаза глядят, и начать всё сначала, чтобы ни Сары, ни Тамары, ни этого ветреного осеннего дня.

У порога школы меня встретили директор с завучем, с каменными лицами они взяли меня под руки и повели. Я думал, что они начнут мне пенять, что я не явился на работу, но они молчали. Директор держал меня под один локоть, в рукав плаща на второй руке вцепилась завуч.

— А что, собственно, происходит? — просипел я.

— А это вы нам сейчас расскажете, — также сипя, ответила мне завуч.

Мы зашли в помещение, где обычно по четвергам заседал инспектор по делам несовершеннолетних и работал с трудными

подростками, с такими, как была Тамара. Сейчас там тоже сидел полицейский, но не тот, что обычно. Меня усадили на стул перед ним. Полицейский указал на дверь, директор и завуч вышли.

— Рим Иванович, скажите, какие отношения вас связывали с Тамарой Васильевной Пеговой, двухтысячного года рождения?

Господи, опять эта цепочка: имя, отчество, фамилия, год рождения. Я устал.

— А какие ко мне вопросы?

— Есть информация, что вчера ночью вы с ней встречались. Вы были её клиентом?

Я истерично засмеялся:

— Я? Я был её клиентом? Как я мог быть её клиентом? Я же её учитель!

— Рим Иванович, это совсем не смешно. К нам поступила информация, что вы с ней вчера ночью встречались. К тому же покойная неоднократно, говоря о вас, восхищалась вами, говорила, что вы настоящий мужчина.

— Я? А кому она это говорила?

Мне только сейчас пришло в голову, что меня подозревают в убийстве Тамары.

— Так вы с ней вчера встречались или нет?

— Что значит «встречался»? Встречался случайно? Или вы намекаете как бы на секс? — я начинал горячиться, ведь меня обвиняли не только в убийстве, но еще и в связи с несовершеннолетней ученицей, и в случае крайнего исхода я мог лишиться не только свободы, но и работы, и уважения людей.

— Ну, я не знаю, — полицейский откинулся на спинку стула и смотрел на меня каким-то странным взглядом, будто понимал меня и даже хотел скрыть это недоразумение. — Рим Иванович, вам лучше рассказать всё, как было.

— Как было? Что было? Ведь ничего не было! Я просто... просто захотел покурить и пошел за сигаретами. Да, я видел

у трассы Тамару и еще каких-то девочек, но мы перекинулись парой слов, потом я пошел домой.

— А Тамара?

— Тамара? Откуда я знаю? Она осталась у табачного киоска. А может, она пошла к подружкам этим, с которыми была. Я не знаю. Попрощался с ней и ушел. Всё!

— Вы не нервничайте, если вы тут ни при чем, всё выяснится — полицейский похоже намекал на презумпцию невиновности, но его поведение, взгляд и изогнутые в ухмылке губы говорили как раз об обратном.

Он не сомневался, что я в чем-то виноват, если и не в убийстве Тамары, то уж в вожделении несовершеннолетних точно. Мне припомнился давнишний случай с соседкой. Когда я поступил в педагогический, наша соседка сказала бабушке: «Голубушка, зачем ты его в педагогический отправила? Это совсем не мужская профессия. Телевизор что ли не смотришь? Там показывают, что все мужики-учителя извращенцы, у них с головой непорядок». И теперь мне припомнились эти слова. Вероятно, в нашем обществе есть такое предубеждение. Теперь я сидел на стуле перед полицейским в своей родной школе, меня обвиняли черт знает в чем, а я думал об обществе и системе. Наверное, мне стоило думать об алиби и адвокате, но я думал о себе и школе. Да, в школе много соблазнов: молоденькие девочки с нежной кожей, такие глупые, такие неопытные, длинноногие, улыбчивые, в коротких юбках. Будучи студентом, я не раз задумывался над тем, как избежать соблазна очароваться молодостью. Странно, но, работая в школе, я не вспоминал об этом своем переживании, дети были детьми, а я был учителем, ничего больше. Да, конечно, старшеклассницы смотрели на меня долгими взглядами, хихикали и задавали свои каверзные вопросы о возрасте и жене. Но это происходило первые два-три года моей работы в школе, а потом все привыкли, что я молодой, и успокоились. Я был простым

учителем, который ругал и хвалил, рассказывал учебный материал, со мной можно было общаться на сленге и говорить о всяких молодежных глупостях, но никто, так мне, по крайней мере, казалось, не рассматривал меня как объект желаний. К тому же я не был красавцем, в которого можно серьезно влюбиться, а еще я отличался редким занудством.

— Рим Иванович, прошу вас проехать с нами в отделение, — полицейский стал засовывать свои бумаги в портфель. — В школе работать неудобно, звонки отвлекают, дети кричат, а разговор нам с вами предстоит долгий.

— А можно я позвоню? — я засунул руку в карман пиджака, нащупывая телефон.

— Конечно, но только при мне — полицейский деловито похлопал рукой по собранному портфелю.

Я опешил. Мне стало страшно, показалось, что сейчас на меня наденут наручники, посадят в серенькую машинку, и больше меня никто никогда не увидит.

— Почему при вас?

— А вы хотите без свидетелей? — полицейский окинул меня испытующим взглядом. — Есть что скрывать?

— Нет, мне скрывать нечего, но мне как-то странно слушать ваши предупреждения, ведь вы мне пока не предъявили обвинения?

Полицейский потер ладонь, будто размышляя, ударить меня сейчас или лучше потом, в отделении:

— Нет, мы пока ведем дознание, но возможно, что скоро, возможно, что даже уже сегодня, это обвинение будет вам предъявлено.

— Откуда такая уверенность?

— Опыт подсказывает.

Я передумал звонить, да и некому было. Кому мне можно было позвонить? У меня была только школа, где я учился, а теперь преподавал, но она на меня сейчас смотрела с осуждением,

застыв в ожидании — виновен или нет. Еще была Сара, но чем она мне могла помочь? Когда я попросил о звонке, то думал именно о ней. Но сейчас, после слов полицейского об обвинении, я передумал звонить, вернее, я знал, что мне придется сообщить ей о происшествии, ведь только она могла подтвердить, что вчера вечером я был у неё, но звонить ей мне не хотелось.

Дорога до машины мне показалась вечностью. Звонок на урок уже был, но где-то у кабинетов стояли ученики, ожидая учителя, пятиклассники в гардеробе толпились, получая куртки и переобувая сменку, родители пришли за своими детьми, и они все смотрели на меня, смотрели так, будто моя вина была доказана. Стоя у машины, я посмотрел на окна школы, и мне показалось, что вся школа из окон наблюдает, как меня увозит полиция. Я был на эшафоте, школа казнила меня. Директор школы вышел меня проводить, он, молча, засунул мне в руку характеристику и визитку с номером адвоката.

— Вы думаете, она мне пригодится? Вы считаете, что я убил Тамару?

— Рим Иванович, я ничего не считаю. Просто я слишком давно вас знаю, поэтому у меня есть сомнения.

— Сомнения в моих поступках? Вы считаете, что это я Тамару?

— Сомнения в обвинении. Мне кажется, вы — совсем другой человек, хотя в наше время никому верить нельзя, даже себе, — он похлопал меня по плечу. — Если вам нужна будет помощь, наберите этот номер, это ваш бывший одноклассник, я думаю, он вам не откажет.

Школа пыталась мне помочь, но и она не была во мне уверена. Она выжидала. Люди гуманной профессии хотели оставаться гуманными. Или только хотели ими казаться? Пока я размышлял о профессии, полицейская машина остановилась у подъезда отделения.

В отделении пахло казенщиной: сигаретный дым, гнилые полы, кресла из кожзаменителя, парфюм и кофейный аромат,

слежавшаяся бумага создавали этот запах. Для меня этот запах всегда ассоциировался с государственными учреждениями. Я затрудняюсь сказать почему, но он всегда вызывал во мне какой-то трепет, так если бы меня сейчас проверяли на полиграфе, то не знаю, были бы мои ответы оценены правильно. Сердце стучало где-то у горла, казалось, еще секунда и я смогу выплюнуть его.

Длинный темный коридор впереди, длинный темный коридор позади. Дежурный зажег свет, лампочки зажигались медленно и не все, долго моргали, щелкали, наконец, молочный свет залил всё помещение. Мы с полицейским прошли вначале в один конец коридора, он подергал дверную ручку — закрыто, потом вернулись к дежурному, взяли ключ и пошли в другой конец. Кабинет был небольшой, там был только обшарпанный письменный стол и несколько стульев. Полицейский жестом пригласил меня сесть на один из стульев, сам же долго доставал бумаги из портфеля, потом читал вслух мою характеристику из школы. Характеристика была длинная, учителя старались, они написали не только, какой я человек и коллега, но и подробно написали о моих школьных годах. Оказывается, я всегда был хорошим человеком, и в детстве тоже, столько хвалебных слов в свой адрес я никогда не слышал, лишь одно было плохо — я был скрытным человеком, о своей личной жизни никогда никому не рассказывал и не имел друзей среди коллектива учителей. И это была сушая правда. Я считал последним делом смешивать личное и общественное, поэтому на работе только работал, с учителями не дружил, назойливые и благообразные люди. Да, я был махровым интровертом, но это не говорило о моей червивости или извращенности, просто я любил одиночество.

— Характеристика очень подробная, — задумчиво произнес полицейский.

— Это плохо?

Он был равнодушен:

— Говорят, что Чикатило тоже характеризовался положительно, — заметил полицейский.

— Только я не Чикатило. Девушка же не была зверски изувечена?

— Почему — не была? Была... По всему телу колото-резаные раны, предположительно нанесенные горлышком разбитой бутылки. И потом еще кое-какие подробности, — он задумчиво смотрел на стол. — Вы извините, что мы с вами так круто, но сами понимаете, убийство несовершеннолетней, должностные несоответствия и сокрытие фактов.

— Вы о чем?

— Оказывается, вся школа знала, что Тамара стоит на дороге, но куда надо не сообщала. Вот вы, Рим Иванович, почему сразу после встречи с ней не позвонили в полицию и не сообщили о таком факте? Вы не понимали, что так должны поступить, или вы знали, но сами пользовались её услугами? Если мы докажем, что вы были с ней в интимной близости, то вам кроме увольнения из школы по статье светит лет десять строгого режима, но это если вам удастся доказать, что вы её не убивали.

— То есть вы абсолютно уверены, что я с ней спал, только сомневаетесь, убивал ли?

— Все факты говорят об этом.

— Какие факты? Ну, встретил я её ночью, покурили, пообщались и разошлись — я к себе домой, а она обратно на трассу, ну или еще куда, я не знаю. А что не сообщал, так никто не общал. Весь город знал, чем она и её сестры занимаются в свободное от учебы время, и никуда не сообщал. Вы можете всему городу на таких основаниях предъявить обвинения.

— Могу. Люди стали безразличными, социальными язвами их не пугаешь. Но вы-то — учитель, вы обязаны были просигнализировать.

— И что бы тогда?

— Тогда бы её забрали в приют, и она, и её сестры смогли бы спокойно, в нормальных условиях закончить школу.

— А потом?

— Потом они бы нашли работу и работали, как все люди, а не телом торговали.

— Это разговоры в пользу бедных. Знаете, сколько раз этих детей изымали из семьи? Только на моей памяти — больше трех раз! И каждый раз они снова возвращались к матери и стояли на трассе. Думаю, что вы про это тоже в курсе. А школа? Школа к девочкам не имела никаких претензий, они все прекрасно учатся, занятий не пропускали, были вежливы и чисто одеты. Да, они бедные, да битые жизнью, но это был их единственный способ выживать. Такую же жизнь вела их бабка, а потом и мать, а теперь вот они. И я не могу их осуждать или тыкать в них пальцем.

— Вы оправдываете их проституцию?

— А вы — нет? Вы могли им предложить другую мать, другую жизнь?

— Государство могло...

— А вам не приходило в голову, что эта жизнь их устраивала, и они не хотели в детдом или в приемную семью? Не думали, что они любят свою мать? Тамарка вон, хотела в институт после школы, мечтала, наверное, чтобы её дети жили не так, как она. Теперь уж всё, отмечталась. Жалко девочку, очень жалко, только я тут ни при чем.

— Шли мимо?

— Да, шел.

Мы сидели напротив друг друга и думали об одном, о Тамаре. Я как подозреваемый, он как власть.

— Я сегодня вас задержу до выяснения всех обстоятельств.

У полицейского был такой вид, что он передо мной извиняется за доставленные неудобства:

— Вам придется переночевать в отделении, потому что начальник распорядился вас не отпускать.

Его поведение было странным, учитывая, что полтора часа назад он убедительно меня изобличал. Что-то изменилось в его отношении или появились факты, о которых я не знал?

— А на каких основаниях? Вы предъявляете мне обвинение?

— Нет, мы пока не можем вам ничего предъявить, но идут следственные мероприятия. Мы имеем право вас задержать до трех суток, до выяснения всех обстоятельств. Не стану скрывать, вы — один из подозреваемых.

— А что еще есть подозреваемые?

— Не имею права вам об этом говорить. Утром придет следователь и побеседует с вами более подробно.

— А мне завтра на работу. Я живу на одну зарплату, и если вы меня задерживаете, то как я буду выживать? Или это вроде как больничный? Социальное пособие предусмотрено?

— Какое пособие, задержанный? Хотя, если вас признают виновным, тогда у вас и правда будет государственное содержание, — он хохотнул. — Хотя, оно вряд ли вам будет по нраву. А вот по поводу работы... По поводу работы вам и правда будет тяжело. Даже в том случае, если с вас снимут все обвинения и выдадут документ, где будет написано, что вы кристальной души человек. Вы же учитель? А к биографии учителя сейчас отношение трепетное, а вы подозреваетесь в таком преступлении против детской неприкосновенности.

Ночь в отделении тянулась бесконечно. Я лежал на жесткой лавке и рассматривал трещины в углах потолка, иногда дремал, но тусклая лампочка не давала мне окончательно забыться.

— Дежурный, а можно свет потушить?

— Не положено!

— Давай потушим и подремлем до утра, ты ведь тоже устал на сутках... И я устал. Как я устал!

— Не положено.

И я стал вспоминать, как вышел от Сары, как встретился с Тамарой. Память — интересная вещь, но я абсолютно не помнил,

как я добрался до своего дома, помню только, как стоял у подъезда, как думал о ранетке, как шел к киоску и дальше, а вот промежуток между Сариним домом и своим подъездом не помнил совсем. Как это было возможно? Кажется, мне вызвали такси. Да. Сара сказала что-то про такси. Или нет? Она сказала Белле: «Надо вызвать ему машину». Какую машину? Я не был готов поклясться, что это было такси, хотя не помнил и ничего другого. Впервые со мной такое происходило. Но я не помнил, какая была машина, кто сидел за рулем, платил ли я за проезд. Невроятно, но про факт оплаты я должен был помнить, я очень трепетно отношусь к деньгам, которые имею в школе, они — мое единственное средство к существованию. Может, я задремал, ведь я привык рано ложиться спать, а время тогда было позднее. Но я не помнил даже дороги, по которой мы ехали. Я был пьян? Нет, ничего кроме чая у Сары не пил, хотя последняя чашка чая мне показалась совсем невкусной. Сара еще рассмеелась, это, мол, чай с анисом, просто я не привык к анису, у него специфический запах, как у лавровишневых капель. Сара что-то мне подсыпала в чай? Зачем? Ну, хорошо, подсыпала, но зачем? Я не помнил во сколько я ушел из домика на окраине, но точно помню, что приблизительно в час ночи я стоял у своего подъезда и хотел курить. А почему я хотел курить, ведь я уже давно не курю, и таких приступов желания покурить у меня до этого не возникало. Да, странности... И вот еще. Я вернулся домой, лег в постель и уснул, причем очень крепко, хотя не должен был уснуть, а должен был думать о разговоре с Сарой. С утра голова болела. А я списал это на поздний сон. Мне показалось, что я понял суть происходящего со мной, но что понял, я додумать так и не успел. Визитка, которую мне сунул в руку директор, больно уперлась мне в ребро. Я вытащил желтый прямоугольник, нет, он был не бумажным, пластиковым. Дела адвоката, видимо, шли хорошо, поэтому он мог позволить себе солидные визитки. Я вспомнил слова директора об однокласснике. Точно,

Александр Святогорович Гращ, адвокат по уголовным делам. Саша Гращ, мой одноклассник, был всегда мною особо не любим. Он был красив и умен, им восхищались и девчонки, и учителя. Саша знал о себе много, поэтому к одноклассникам всегда относился как к людям второго, а то и третьего сорта. Он никогда никому не пожимал руки при встрече, громко говорил, а еще громче смеялся, не боялся выступить перед залом. Да, у него были причины так себя вести, природа наградила его всеми необходимыми мужскими чертами, одного пожалела — человечности. Узнав, что Саша стал юристом, адвокатом по уголовным делам, я удивился. Удивился и понял, что к кому-кому, а к Саше я уж точно обращаться не стану, пусть уж государственный защитник будет, только не Саша. Если мне понадобится защитник, если понадобится... С этой мыслью я задремал.

Солнце не светило в моей тюрьме, поэтому проснулся я не от солнечных лучей, а от сияния своего телефона на столе у охранника. Телефон вибрировал и сиял, кто-то решил мне позвонить, я подумал, что это Сара ищет меня. Наверное, из школы ей уже позвонили и сообщили об этом ужасном, отвратительном моем поступке. Ведь Сара до пенсии работала в школе, где я учился, где сейчас работаю. Как же всё в моей жизни невероятным образом завязано на школе. Всё, все радости, все беды, Сара, бабушка, средства на жизнь, всё имеет отношение к школе. Или не школа этому причина?

Дежурного на посту не было. Я сел на топчане и стал ждать, когда он вернется, чтобы спросить, кто мне звонил. Телефон всё продолжал вибрировать и звонить, а дежурного всё не было. Я даже решил обнаглеть и громко крикнул: «Эй, дежурный, ты где?». Но ответом мне было только эхо пустых коридоров. «Наверное, пошел покурить», — подумал я. Свет, исходящий от телефона, манил меня. Я будто ощущал, что этот звонок важен. «Эй, дежурный, мне надо в туалет!» — в конце коридора на этаже что-то брякнуло, послышались шаги. Дежурный шел

неторопливой походкой, подойдя к решетке, он вопросительно кивнул головой. «Мне в туалет очень надо!» Дежурный снова мне кивнул, только теперь утвердительно, и закричал кому-то в коридор, откуда только что пришел: «Семён, отведи задержанного в уборную». Семён пришел и перекинулся с дежурным парой тихих слов, оба посмотрели на меня изучающе, вероятно, они знали, по какому делу меня задержали. Я постарался принять независимый вид, вроде мне всё равно, кто и что обо мне подумает. Дежурный открыл металлическую решетку, выпуская меня в коридор: «Ты, учитель, веди себя спокойно, мы наручники надевать тебе не станем, только не подведи!». Боже, мне доверяют, мне не наденут наручников, какой барский подарок будущему урке! Проходя мимо стола дежурного, я незаметно, как делают мои ученики в школе, поднял рукавом свой телефон. Кажется, ни дежурный, ни Семён этого не заметили. Мы шли по темному коридору, впереди маячила еще одна тусклая лампочка, вероятно, это был туалет. «Курить будешь?» — спросил почти по-дружески Семён. «Я не курю!» Да, не курю. «После этого случая с Тамаркой сигареты в рот не возьму!» — дал я себе обещание у тюремного туалета. «Правильно, учитель курить не должен, он должен подавать пример ученикам, например, как насиловать и убивать молодых девчонок», — зло поддакнул Семён. Я понял, что если бы они с товарищем были уверены в моей молчаливости, они бы меня здесь у этого туалета помяли, но они чего-то боялись, думаю, их всерьез предупредили. На удивление, казенный туалет оказался чистым. Я быстро сделал свои дела и вынул из рукава телефон. Номер на экране был незнакомый. Не отвечали. Я набрал еще раз. В трубке раздалось шуршание:

- Рим Иванович?
- Угу!
- Это Тамара.
- Тамара?

В трубке опять зашуршало, и раздались гудки. Мои ноги сделались мягкими, так что пришлось сесть на толчок и отдышаться. Тамара? Какой глупый розыгрыш!

По дороге в камеру я также ловко вытолкнул из рукава свой телефон на стол дежурного. Чтобы никаких вопросов! Подумать только, Тамара! Вспоминая шепот в трубке, я вспомнил, что забыл стереть свой вызов! А телефон, наверняка, станет смотреть следователь. Да и ладно, пусть смотрит. В конце концов мне скрывать нечего.

Ближе к обеду следующего дня пришел следователь с государственным адвокатом и начался допрос.

— Где вы были в день убийства с 00:00 до 02:00?

— У знакомой, Сары Марковны Прись по адресу...

— Да-да, мы знаем.

— А потом?

— Потом ехал на такси к себе домой, номер такси, цвет машины, лицо водителя не помню. Да, не сам вызывал, хозяйева.

— Затем?

— Стоял возле подъезда, смотрел себе под ноги и размышлял. Нет, меня никто не видел. Думаю, что никто, поздно было, приблизительно половина первого, к тому же — холодно.

— Хорошо, мы проверим. А потом?

— Потом я пошел в киоск, купил сигареты с ментолом. Нет, не курю, но в тот вечер очень захотелось. Продавец в киоске меня видела, такая женщина средних лет, полная. Да, встретил Тамару, перекинулись парой слов о моральном облике, и я пошел домой. Один. Я не знаю, куда пошла Тамара, я об этом не думал, но, наверное, к товаркам на трассу. Нет, больше её я не видел. Пришел домой в час, разделся и лег спать, потому что устал. Нет, живу один, никто подтвердить не может. Да, спал всю ночь, не вставал, никуда не ходил, даже в туалет.

— Значит, спали до утра спокойным сном?

— Спал. С утра пришла подружка Тамары и сказала, что её убили, просила сообщить родителям.

— Подружка? Как её зовут?

— Понятия не имею. Она пришла, всё это мне рассказала, и ушла. Я даже забыл спросить её имя, но если увижу, то узнаю. Нет, в нашей школе она не учится. Нет, я её видел впервые. Нет, я не знаю, откуда у неё мой адрес, она сказала, что им Тамара обо мне рассказывала. Нет, я не пользуюсь услугами проституток. Как снимаю напряжение? Душ холодный принимаю, и вообще, что это за распросы!

Адвокат и следователь смотрели на меня такими глазами, будто уже прошел суд, и меня признали виновным в убийстве Тамары. Тут я понял, что всё серьезно, и придется мне тревожить и Сару, и Сашу, моего одноклассника и специалиста по уголовным делам:

— Мне нужно сделать телефонный звонок!

Сложилось впечатление, что Сара только и ждала этого моего звонка. Я путался, вспоминал про Сашу, хорошего адвоката, и попутно старался убедить крестную, что я никого не убивал.

— Малыш, ты успокойся, я всё уже знаю. Саша был в отделе полиции, где тебя задержали, в прокуратуре, везде, где надо, мы сделали всё, что смогли, тебя ближе к вечеру отпустят под домашний арест. И ты должен сразу приехать ко мне! Обещаешь?

Я молчал. Её спокойствие, уверенность, передающиеся и мне, показались мне очень знакомыми. Мне казалось, что эти слова я слышал совсем недавно, в какой-то опять повторяющейся ситуации. Сара всё знала, всё видела, всё понимала, находила выход и подтаскивала меня к нему. Но сейчас этому обучению слепого кутенка я был рад, чрезвычайно рад. «Рим, приезжай ко мне немедленно!» — эти слова я слышал от Сары два дня назад. Как поменялась ситуация за каких-то там сорок восемь часов! Сорок восемь часов от рутинности до неожиданности, сорок восемь часов от отчаяния до надежды! Сорок восемь часов — и ты больше не учитель. Сорок восемь часов — и ты заключенный

со страшной статьей. Сорок восемь часов и долгие раздумья завершились.

После звонка Саре прошло мгновение, а я уже пообещал себе стать опекуном её внука, даже если она не поможет мне выбраться из этого, даже если просто попытается. Хотя, нет, я хочу незапятнанную репутацию. Но... Но почему Сара поверила в мою невиновность? Или не поверила? А захочет ли она теперь иметь со мной дело? Как много непонятного, у меня даже заболела голова. В любом случае именно Саре я расскажу об этом странном телефонном звонке от Тамары.

Из отделения меня отпускал следователь. Я подписал все необходимые бумаги, получил личные вещи, телефон и сверток с бутербродами. На мой удивленный вопрос, кто принес еду, мне никто не ответил, только недовольный следователь буркнул: «Ну вот, теперь можете сказать своей родственнице, что вас вкусно покормили». Мне хотелось расспросить следователя о многом, но я понимал, что вряд ли он станет отвечать на мои вопросы, я ведь подозреваемый.

— А можно вопрос?

— Это, смотря какой, — он недоверчиво покосился на меня.

— Я не о следствии.

— Если не о следствии, то спрашивай.

— Вам уже приходилось ловить маньяков?

— Маньяков? Приходилось...

— А я, по-вашему, похож на маньяка?

Следователь продолжал недоверчиво коситься, но после моих слов о маньяке, так мне показалось, стал менее напряженным.

— Тамару мог убить не маньяк, а просто нормальный человек из каких-то своих побуждений. Не маньяк, понимаете?

— То есть, это мог быть психически здоровый человек?

— Мог. Это мог быть человек в состоянии сильного возбуждения, аффекта. Ну, и маньяк тоже не исключается.

— А убитая это точно Тамара?

— Точно! Её опознала мать и другие проститутки с трассы.

— А сестры? У неё же еще есть сестры. Они её опознали?

— Сестры? Думаю, что нет. То есть они не опознавали убитую, они несовершеннолетние, мы их не стали лишней раз дергать. А старшая сестра в Мышьегорске не живет, мы её даже и искать не стали. Зачем? Мать опознала и достаточно. Тамару многие в городе знали. Ну, а потом, её лицо не было обезображено, только тело. Страшно смотреть, конечно, бедная девчонка, натерпелась.

— Над ней издевались, когда она еще была живой?

— Я больше не буду отвечать на ваши вопросы. Не забывайте, вы основной подозреваемый. Пока подозреваемый, — он нажал на слово «пока», давая мне понять, что мой статус дает мне право лишь на немного. А может, он всего лишь попрощался со мной: «Пока, подозреваемый!». Как часто в жизни мы понимаем слова буквально или ищем в них смысл, которого там вовсе нет!

С этими размышлениями я вышел из полицейского отделения. Погода была такая же, как два дня назад, холодная и ветреная. Я держал в руках сверток с бутербродами и глазами искал такси, которое мне вызвала заботливая Сара.

РИМ И ДАНИЕЛЬ

Зачем мне нужно было ехать к крестной? Я жевал бутерброд и боялся себе признаться, что ехать к Саре сегодня совсем не обязательно. Вначале я мог принять душ и выспаться у себя дома, но неведомая мне сила и телефонный звонок от неё, давящее чувство долга заставляли меня в эту осеннюю стынь немедленно мчаться в домик на окраине, чтобы сказать... А что, собственно, мне требовалось сказать? Спасибо? Уверять её в своей невинности? Или рассказать о звонке псевдо-Тамары?

Подъехала машина. Теперь я увидел лицо водителя, рассмотрел номера, спросил, из какой он фирмы и какой способ оплаты предпочитает. Я был предусмотрителен, так предусмотрителен, что в таких случаях говорят — обжегшись на молоке, дуёт на воду. Я не называл адреса конечного пункта своей поездки, водитель уже всё знал.

— Я часто езжу по этому адресу. Сара Марковна и её внук — наши постоянные клиенты.

— А куда они ездят?

— Раньше всё ездили в поликлинику и школу, а теперь, то в магазин, то гулять, то еще куда. Она наша давнишняя клиентка. Очень культурная женщина, даже иногда «на чай» дает, жаль только, что внук ей такой достался. А вы её родственник?

— Знакомый.

— Да, она говорила, что родственников у неё уже не осталось, только мальчик. Как он жить будет, когда она помрет?

— Не знаю.

— А два дня назад Сара Марковна вызывала у вас машину?

— Два дня назад? Я не работал два дня назад, это нужно узнывать в конторе, у них там всё фиксируется.

Дальше ехали молча. Раздавалось лишь тихое журчание машинного организма, шуршание шин по асфальту, да дорожный термос постоянно стучался о спинку моего сиденья. От размерности ли движений или от уютного тепла, но я впал в забытьё. Я дремал, а мысль о том, что огурцы в бутербродах пахнут анисом, неспешно бродила в моей голове.

Проснулся я утром следующего дня не слишком рано. Вокруг была незнакомая обстановка. Я попытался вспомнить, что со мной было, но кроме разговора с водителем такси, я ничего не помнил. Опять очевидный провал в памяти, но бутерброды с запахом аниса мне вспомнились быстро. Чай, бутерброды? Всё же Сара подпаивает чем-то меня?

За дверью комнаты раздались звуки, похоже, ко мне шли. Дверь тихонько открылась, я увидел Сарин профиль и изучающий левый глаз:

— Уже не спишь?

Медленно Сара вкатила в комнату тележку с едой:

— Пора обедать?

— Да, уже двенадцать. И сегодня в моем доме тебя первого кормят обедом как самого дорогого гостя. Осознаешь?

— Осознаю.

Я свесил ноги с кровати. На мне была моя привычная пижама.

— Откуда здесь моя пижама?

— Понимаешь, твой домашний арест, Рим, будет проходить в моем доме. Я за тебя поручилась, я за тебя отвечаю, мне надо, чтобы ты был на глазах. Белла вчера съездила в твою квартиру и забрала необходимые вещи.

— А я сам надел пижаму на себя?

— Как же! Ты спал как убитый! Намаялся. Саша мне помог тебя занести и переодеть. Ты же не имеешь ничего против?

Я в детстве частенько переносила тебя сонного на кровать и переодевала в пижамку. Так что ничего ужасного не произошло.

— Сара, я ничего не помню!

— Ешь!

Сара указала рукой на еду. Там была каша, чай и несколько тостов с джемом. Я принял. Мой нос не уловил никаких посторонних запахов от еды, анисом уж точно не пахло. Но мне хотелось всё тщательно перенюхать, прежде чем есть. Сделать этого в присутствии Сары я не мог, пришлось попросить её уйти:

— Сара, можно я побуду один, поем и приму душ. Мне надо собраться с мыслями.

— Хорошо. А потом мы поговорим?

— Поговорим.

— Душ в коридоре. Там есть всё необходимое. Ешь и приходи.

Она тяжело вздохнула и тихо вышла из комнаты, неспешные шаги удалялись.

Перенюхав всю еду и чай, я пришел к выводу, что запах аниса не ощущается. Ел медленно, тщательно прожевывая, старался почувствовать все оттенки вкуса. Потом мне пришло в голову, что если пищу так основательно поглощать, то эффект от лекарств или еще чего, что мне подсыпали, может оказаться сильнее. Я хотел уже выплюнуть еду и бежать полоскать рот, но решил не преувеличивать риски быть отравленным или опоенным, смысла в этом не было никакого. «Надо будет спросить Сару про анис» — решил я и дожевал последний тост. Полежав на кровати бессмысленно глядя в потолок, я пришел к выводу, что мой организм совершенно адекватен и можно двигаться навстречу дальнейшим событиям, а что они предстояли, я не сомневался.

Сара сидела в кресле в самой большой комнате дома, в гостиной. У её ног расположился Даниэль. Вытянув свои длинные ноги по направлению к входной двери, он положил на колени

лист бумаги и что-то торопливо на нем писал. Вокруг кресла, тут и там, были ручки и карандаши, остро заточенные и одного цвета — синие. Сара перебирала волосы внука и что-то мурлыкала себе под нос. Мне показалось, что это была какая-то простая песенка, вроде: «А мы Даню не дадим, пригодится нам самим». Когда я вошел в комнату, только Сара подняла на меня глаза. Даниель же продолжал заниматься своим делом — увлеченно что-то писал.

— Даниель! — Сара ткнула пальцем юношу куда-то в район ключицы. — Поздоровайся с Римом!

Даниель молниеносно вскочил, будто толчок Сары был подобен удару плеткой, и резким движением совершил кивок головой, как тогда, при первой нашей встрече:

— Здравствуйте, Рим! Как поживаете?

— Спасибо, хорошо. Я рад тебя видеть!

— У меня тоже всё хорошо!

Этот обмен фразами показался мне наигранным. Вероятно, мальчик заучил, как надо вести себя с людьми при встрече. Сара опять ткнула внука в спину:

— Иди к себе в комнату, Даня, поиграй там!

Даниель встал, оправил свою одежду, собрал с пола ручки и карандаши, прихватил лист бумаги, на котором писал, церемонно сделал прощальный кивок и вышел из комнаты.

— А теперь ты, Рим! Почему среди бела дня бродишь по дому в пижаме? У нас так не принято, днем должна быть дневная одежда, в пижаме будешь ходить у себя в комнате, вечером. Порядок для таких людей, как Даниель, очень важен!

— Но, Сара... — от таких нападков я даже опешил, нельзя же в самом-то деле так резко перемениться. Помнится, в своем детстве я мог бегать по дому в трусах и майке целый день и Сара мне ничего не говорила.

— Рим, ты — педагог! Ты должен понимать, что для Даниеля важны ритуалы! Ритуалы — основа его здорового самочувствия!

— Но, Сара, — возразил я. — Я же здесь совсем по другому вопросу, мне сейчас совсем неважно, кто и что про меня подумает, я хочу обсудить с тобой убийство Тамары.

Сара смотрела на меня исподлобья, мне на какой-то миг показалось, что она совсем забыла, зачем я в её доме. Я чувствовал себя должным, должным ей обо всем рассказать без утайки, но она странным образом совсем этим не была озабочена.

— Сара, у меня жизнь рушится, а ты мне про пижаму. Давай, ради наших прошлых отношений уже забудем про этикет и нормы и примем меня в пижаме так, как если бы я был во фраке и бабочке.

Мы стояли друг напротив друга, сумасшедшая старуха и маньяк-убийца, и старались сделать вид, что внимаем друг другу. Но это была видимость, мои мысли крутились вокруг Тамары, Сара же, вероятнее всего, думала о Даниеле.

— Рим, мы еще поговорим о тебе. Я обещаю. Я знаю, что всё случившееся вывело тебя за рамки привычной жизни. Малыш, ты покинул зону комфорта и начал учиться жить во взрослом мире, с его проблемами, желаниями, печальным финалом. Мы будем помогать тебе. Я не оставлю тебя одного с этой твоей проблемой. Но сейчас, уж поверь мне, Даниель куда важнее всего остального, даже важнее того, что ты сейчас в статусе убийцы. Саша Грац сейчас делает всё возможное и невозможное, чтобы, как это говорят, отмазать тебя.

— Сара, убийство неважно? Ты ли это? Как можно такое сказать?

— Неважно, я настаиваю. Забудь про себя хотя бы на сегодняшний день, обрати внимание на мальчика. Ты никогда не был эгоистом! Или твоя свободная жизнь изменила тебя?

Я соображал. Хмурое лицо могло выдать мое недовольство, а я не хотел, чтобы мы ссорились. Сара была ко мне очень гостеприимна. Сара внесла за меня залог и нашла отличного адвоката, который сейчас занимается моими проблемами вместо меня, и, конечно же, не бесплатно. А я, маньяк-убийца, сижу у неё дома

в тепле, сытый и обласканный, хозяйка пытается развлечь меня, а я, оттопырив нижнюю губу, смотрю на неё презрительно. Нет, я не хотел, чтобы она видела мое недовольство.

Я развернулся и хотел выйти из гостиной.

— Рим! — Сарин голос звучал участливо. — Рим, мне очень неприятно, что ты оказался запутанным в этой истории с убийством, но делай так, как я прошу, и ты не станешь ни о чем жалеть. Просьбы мои, мое поведение иногда кажутся странными, но ты всё поймешь со временем. Давай, ты познакомишься с Даниелем, постарайся расположить его к себе, а потом мы будем говорить о тебе. Просто забудь о последних днях, будто их и не было, юристы и правосудие всё сделают сами, твое вмешательство и твое волнение ничем не могут помочь делу.

Сара смотрела на меня. Я распрямил спину. Ну, раз уж она меня просит и обещает помощь, то я буду подчиняться.

— Я только переоденусь и вернусь, мне надо полчаса.

Сара смотрела в мою прямую спину с довольной улыбкой человека, умеющего заставить подчиняться.

Я вернулся к себе в комнату. Проходя по коридорам, я не встретил ни одной живой души. Похоже, в доме мы находились втроем — я, Сара и Даниель, хотя Белла тоже могла быть здесь. Просто тишина, просто никто не шумит. Ковры на полу поглощали звук шагов, работающий телевизор не производил шума, такого привычного для современного человека, суматоха уличной жизни тоже сюда не долетала. Тишина баюкала меня голосом Сары, я спал наяву, и анис был тут ни при чем. Действительно, и Сара здесь абсолютно права, события последних дней лишили меня покоя, но следовало образумиться, душевное равновесие и трезвый рассудок — лучшие помощники в борьбе с неприятностями. Почему бы мне не познакомиться поближе с Даниелем, ведь я уже пообещал себе стать его опекуном?

Душ, бритва, одежда. Интересно, Сара будет против джинсов? Ну, надо надеть, чтобы это понять. Было бы глупо, если бы

я побежал к ней с вопросом: «А можно я сегодня буду в джинсах?». Я надел черные джинсы и рубашку, подумал, и достал жилет. Жилет сделает из меня человека, достойного общения с Даниелем. Сара любит уместную одежду. Несмотря на свой выбор одежды, мне казалось, что я сделал это под влиянием Сары. Бог знает почему, но крестная хотела видеть меня учителем, даже — нет, её внуку нужен был гувернер, опекун-гувернер. Когда-то в студенческие годы я смотрел пьесу Лопе де Вега «Учитель танцев» и сейчас ощущал себя обманщиком Альдемаро. Меня вроде позвали оказать определенную услугу, и я её оказываю, как могу, но при этом имею свои цели. Посмотрел в зеркало — сделал реверанс. Пора познакомиться с Даниелем поближе.

Пока шел по коридору в зал, где ждала меня Сара, я старался припомнить, что мне о нем известно. Во-первых, Даня — внук Сары, сын её дочери Ольги, а во-вторых, он ненормальный. Вот, пожалуй, и всё. Как же я невнимательно слушал крестную! Главное правило любого учителя — вначале узнай, с кем будешь иметь дело, хотя, я как всегда что-то путаю, меня же зовут стать его опекуном, а не учителем, да и большой он, чтобы учиться, почти совершеннолетний.

Сара сидела в своем кресле, подобрав ноги и откинув назад голову на маленькую подушку. Вначале мне показалось, что у неё что-то болит, она закусила губу и смотрела сосредоточенно в потолок, было полное впечатление, что она так превозмогает муки болезни, на которую мне намекала в первый день. Потом я подумал, что она может так симулировать, и специально перед моим приходом приняла такую позу.

— Сара, тебе плохо?

Она с трудом посмотрела на меня. Этот взгляд искоса, не поднимая головы, казался очень для неё несвойственным. Она выглядела старой жабой, которая подышает на дне высохшего пруда. Я испугался этих своих мыслей, как если бы крестная могла читать их.

- Плохо, мигрень. Хочу закрыть глаза, но боюсь, вдруг помру.
- Тебе врача?
- Не надо, давай лучше посидим в тишине. Выключи свет.

Минут пятнадцать — и всё пройдет.

Я погасил верхний свет, потом выключил ночник в углу и встал у занавески. За занавеской был двор, старый знакомый двор. Я сделал небольшую щель между складками ночных штор и стал рассматривать его. За время моего отсутствия в жизни Сары двор почти не изменился, только лавочка другая, широкая и длинная, да качели, наверное, для Даниеля. Ветер дул — качели поскрипывали. У забора росло растение с высокими желтыми метелками, оно было на этом месте и во времена моего детства. Сара называла его мимозой, однако я точно знал, что это не мимоза, сейчас метелки под порывами ветра вытягивались в струну, а когда ветер утихал, мерно качались из стороны в сторону. За периметром двора росла старая рябина, сейчас она выглядела старушкой, её ствол почти до середины был покрыт зеленым мхом, а там, где начиналось разветвление, он треснул. Рябина качалась под порывами ветра вместе с качелями и тоже скрипела, осыпая двор узкими резными листиками и забрасывая алыми ягодами. Я вспомнил про ранетку под окнами своей квартиры и осознал природу своей любви к ней, эта дикая яблоня напоминала мне рябину у дома Сары. За прошедшие годы, несмотря на перестройку помещения, во дворе мало что изменилось. В плохую погоду я, тогда и сейчас, выглядывал в окно и видел, как качаются метелки мимоз, как гнется крона молодой рябины, любил рассматривать красные ягоды, исчезающие под снегом и появляющиеся во льду при первых же оттепелях. Думая про схожесть ранетки и рябины, я не заметил, как во дворе появился мальчик. Это был Даниель, я не сразу его узнал, он был в пальто, но это был, несомненно, он — остренькая фигура, смешное шлепанье ног в ортопедических ботинках. Мальчик сидел на скамейке, я видел, как он перебирает худыми

пальчиками, будто ведет счет. Я хотел было спросить Сару о прогулках ребенка в такую непогоду, но вовремя вспомнил, что ей плохо. Сара вздохнула в глубине комнаты, и мне показалось, что мысли материальны. Мальчик достал из кармана что-то темное, скомканное, встряхнул его и надел себе на голову. Шапка? Нет! Это был шиньон, точнее — парик, коричневый парик, выглядящий очень прилично, будто новый. Поймав себя на мысли, что этот парик уже где-то появлялся, я задернул занавески плотнее и повернулся к Саре.

Крестная чувствовала себя лучше, она села прямо и попросила зажечь ночник.

— Ну, вот, всё и прошло. Эта проклятая боль часто мучает меня по вечерам. Доктор сказал, что это последствия работы в школе, учителя в старости часто страдают головными болями, у них чаще других бывают опухоли мозга. Рим, у меня опухоль!

— Сара, у тебя опухоль?

— Нет, я это сказала, чтобы проверить, слушаешь ли ты меня. Хотя, может, у меня и опухоль, я не знаю. И знать не хочу! Мои дела пока не отпускают меня. Даниель не отпускает меня на тот свет. Ты капризничаешь, не хочешь помочь старой тетке.

— Я? Сара, ты так много делаешь для меня! Это всё из-за Даниеля?

— Да, это всё из-за внука. И еще это из-за тебя.

— Из-за меня?

Никогда не думал, что Сара жалеет меня. Я считал, что мое существование для неё не так уж и важно, так — багаж от старой подруги. Сейчас, мне так казалось, она вытащила меня из моей жизни только ради Даниеля, то есть абсолютно в своих интересах. Её словам я не верил, это была просто красивая подводка, делавшая меня пластилином в её умелых руках. Она продолжила:

— Вы так похожи, ты и мой мальчик. Вы, оба — просто малыши в этом холодном мире. Вам нужен провожатый, но его больше нет, я скоро умру, твоя бабушка давно умерла. Ты — недееспособный

юноша, как и Даня. Ты даже себе девушку не нашел. Живешь один, в жизни — одна работа. Ты же знаешь, работа не согреет холодной ночью, не испечет пирожка. Я решила устроить твою жизнь более выгодно, поэтому тебе нужен мой Даниель, а Даниелю нужен ты. Так я покину этот мир со спокойной душой. Но прежде ты должен кое-чему научиться.

«Всё речи да речи, — подумал я.— Сколько можно это слушать, пора уже всё мне рассказать». На деле же я улыбнулся и ласково объявил Саре:

— Сара, я согласен стать опекуном Даниеля. Я понял, что для меня это будет лучше, ведь скоро я сяду в тюрьму лет на десять или, что еще хуже, я останусь на свободе, но все будут считать меня убийцей Тамары, а это не позволит мне работать в школе. Ты же хорошо знаешь эти законы... Кстати, если меня посадят, ты всё равно оставишь мне внука? Ты будешь ждать десять лет? Ты передумала помирать?

— Тебе не идет. Ты не паяц и не кривляка. Я умру в положенное время, не сомневайся, а ты заменишь меня в этом доме.

— Я?

— А как ты хотел? Это всё будет твое. Всё это твое, а еще у тебя будет приличное содержание и неплохое вознаграждение за каждые пять лет заботы о Дане. Чувствуешь?

— Я смогу не работать?

— Работу в школе — к чертям! Работой твоей станет твоя жизнь, но только в ней появится Даниель.

— Ты мне расскажешь о нем?

— Конечно, всё как на духу, мне нечего от тебя скрывать, а кота в мешке я тебе тем более не дам. Я понимаю, насколько ответственным для тебя будет этот шаг. Рождение этого бедного ребенка стало для меня большой неожиданностью, шоком, но я поразмыслила и смирилась, дети — большой дар, который не всякому дается. Ты уже знаешь, дочка моя, Оля, жила в Москве у отца, но здесь, в Мышьегорске, у неё оставалась большая

школьная любовь — Толик-алкоголик. Впрочем, алкоголиком он стал не сразу, семья у него была такая, вся сплошь пьющая. Толик-то и не виноват был, что в такой семье ему пришлось родиться, он был добрым, хорошим мальчиком в школе, очень вежливым и старательным. Моя Ольга сидела с ним за одной партой с первого класса, он носил ей портфель, она делала с ним уроки. Дружили-дружили и додружились. Когда я Ольгу отправила в Москву, подальше от этого Толика, он сперва всё ходил, выспрашивал, когда Оля вернется, какой у неё адрес, а потом и перестал. Ну, я обрадовалась, думала, прошло наваждение. А оно не прошло. Родной отец Толика жил где-то в Подмоскowie, а он здесь, с матерью и её новым мужем. Когда Ольга уехала, Толик стал письма отцу писать, просить забрать его, вроде как мать с отчимом жизни ему не дают. Ну, отец его и забрал, правда, и с отцом жизнь у него была не сладкая, отец тоже пил. Зато Толик мог встречаться с моей Олей. Вот тогда они Даню и состряпали. Состряпать — состряпали, а как с ним жить не придумали. Толик Олю скоро бросил и прикатил обратно сюда, в Мышьегорск, а та, недолго думая, следом за ним. Ребенка привезла и Толику подкинула, а тот — своей матери, мать Толика отнесла ребенка в милицию и рассказала, что ребенок Ольги и что Ольга — моя дочь. Вот позору-то было по городу! Я мальчишку забрала, а Ольгу обратно в Москву к отцу в тот же вечер и отправила. А Данька, то ли от отсутствия матери, то ли от ненужности своей, то ли еще от чего, но перестал развиваться. И нам поставили диагноз — аутизм. Сколько в школе работала, думала, про детей всё знаю, оказалось — нет. В наше время таких деток не было, я даже его в интернат для умалишенных сдавала, поэтому ты и не знал о его существовании, а потом забрала. Чего позориться, при родной бабке и — в казенном доме! Научилась с ним управляться кое-как, так что он тебе в хорошем состоянии достается, я тебя всему научу. Его диагноз — это образ жизни, это не болезнь.

— Сара, а почему ты говоришь, что у него кроме тебя никого нет? А Оля? А Толик?

— Толик умер, повесился. Ты, наверное, не помнишь, маленький еще был. Случай тогда приключился: в нашей школе кочегар в кочегарке повесился, мы пришли на работу, а в школе холодно, директор — в кочегарку, достучаться никак не получилось, милиция приехала, а он — висит. Вот это и был Толик. Что ему в голову взбрело, не знаю. Только следователь мне сказал, что его повесили. А кто? Неизвестно.

— Господи-и-и!

— Да, так вот. А Ольга в Москве сейчас. Плохую жизнь ведет, испортил её этот Толик. Так еще бы ребенка признавала, так, может, и за ум взялась, а то ведь не признает, говорит, не было и нет у неё детей. Так что Даниель — сирота, он и пенсию получает за сиротство свое от государства.

— А родственники Толика с ним общаются?

— Родственники Толика? Да какой нам Толик родственник? Что был, что не был! Они ославили меня и мою дочь на весь наш городишко, людям в глаза, да что людям, — ученикам смотреть не могла долгое время. Да и теперь, как подумаю, внутри всё от стыда и страха сжимается. Вот и мучаюсь. Вот и здоровья нет. Не доведу внука до ума, не выучу! А ты за меня всё это и сделаешь.

— Сара, ты собралась его учить? Умственно неполноценного ребенка ты собралась учить?

Горькая складка залегла у губ Сары:

— Рим, никогда так больше не говори. Даниель — гениальный ребенок! Он еще удивит мир, ему только надо дать правильное образование, ему нужен поводырь в этом мире, а я больше уже не смогу.

Так вот оно что! Гений и его поводырь — такие роли нам распределила Сара. Занятно! Я смотрел на свою крестную как на шаровую молнию. Я знал, что она — молния, что она может

меня ударить или даже убить, но отвести взгляд — было выше моих сил.

— Сара, что в твоём внуке гениального? Ты отдаешь себе отчет в своих словах?

— Больше, чем ты думаешь. Даниель, он... — Сара понизила голос до шепота, будто нас мог кто-то подслушивать. — Ты слышал про задачу тысячелетия — теорему Пуанкаре?

— Ну?

— Что — ну? Слышал или нет?

— Конечно же, слышал, я ведь учитель математики! Это гипотеза о математической формуле Вселенной, её доказал какой-то математик Перельман, безумный гений, отказавшийся от Премии тысячелетия. Это, если я ничего не путаю!

— Не путаешь! Именно он!

— Ну, а какое отношение имеет твой Даниель к Перельману и его доказательству?

— Имеет. И самое прямое! У них один гений на двоих! Дая гениально считает, просто дух захватывает, как он гениально считает! Ты это оценишь! Только ты — прямо сейчас, у истоков, а люди — позже. И сделать его гений чистым, ясным и понятным для людей — твоя задача.

Я не верил Саре, и знал, что она подозревает о моем неверии. Она всегда сама была слишком реалисткой, такой, что предпочитала один раз пощупать, чем сто — услышать. Я ждал её доказательств, в полной уверенности, что они будут.

— Сара, а где сейчас Даниель?

— У себя в комнате. Белла пошла к нему. В четыре часа Даниель обычно занимается развитием речи. Он плохо говорит, вернее, говорит только определенные фразы, поэтому Белла читает ему и заставляет говорить, учит с ним стихи. Барто вот купили совсем недавно, Даниелю нравится.

Конечно, в семнадцать лет Барто — самое оно: «Идет бычок качается!». Да, сложная ситуация, когда невозможно отказаться,

но и согласие давать — очень опрометчиво. А Белла говорит о Пуанкаре! Гений, читающий Барто наизусть!

— Да? Учит стихи? А мне показалось, что он гуляет во дворе, — странное дело, но мне почему-то хотелось уличать, доказывать, что черное есть белое, а белое — не белое, а серое.

— Гуляет?

— Ну да, вон посмотри в окно!

Сара устало поднялась из кресла, постояла, собираясь с силами, и устало зашаркала к окну. Она резким движением откинула занавесь, на улице было пасмурно, создавалось впечатление, что тучи всего мира собрались над маленьким домиком на окраине. Она смотрела в окно:

— Снег пойдет!

— Вероятно ... — я вытянул шею, силясь рассмотреть, что она видит в окно, но ничего не видел, только кусочек забора и метелки мимозы.

— Там нет никого. Ты уверен, что он гулял?

— Конечно, — само собой я ни капли не сомневался. — Мальчик был в саду, он сидел на скамейке и перебирал пальцы.

— Тогда и правда — он. Даниель, он всегда считает. Это его особенность. Он считает всё, что видит: камни, листья, машины, окна, лужи на дороге. Если пойти с ним погулять, то в конце прогулки он расскажет, сколько людей он встретил, сколько из встреченных были мужчинами, сколько — женщинами, у скольких были сумки в руках, а у скольких — висели на плече. Интересно, правда?

— Нет, совсем не интересно, странно и болезненно. Сразу начинаешь думать о болезненном гении, злом ангеле.

— Значит, гулял? — Сара задумалась. — Позвони Белле по телефону, пусть она с Даниелем придет к нам.

Пока я набирал длинный номер и передавал Белле просьбу крестной, Сара стояла у окна и задумчиво смотрела на клубящиеся тучи и качающуюся крону рябины.

— Сколько раз я видела этот двор из окна — не сосчитать, а как построили новый дом, мне всё время кажется, что это не мой двор, я не узнаю его. Почему?

— Угол обзора другой, вероятно, — я продолжал стоять за спиной Сары.

— Вот, ты прав, — она повернулась ко мне лицом, стояла так близко, что я чувствовал её тепло, запах дыхания и видел каждую морщинку. — Я хочу, чтобы ты посмотрел на Даниеля под другим углом. Не надо настраивать себя на плохое, и тогда ты согласишься в нем признаки незаурядного человека.

— Я буду стараться!

— Не надо стараться, надо просто увидеть за толстой броней болезни хрупкий мир моего мальчика. Просто посмотреть и увидеть, будто зажмурился, а потом быстро открыл глаза, мир качнулся и открылся с другой стороны, — Саре хотелось преподнести мне внука в восхитительной оболочке, окруженной ореолом гениальности. Но мне с трудом верилось в её слова.

Она опять перешла на то, что я видел в окне:

— Значит, гулял? С Беллой?

— Не знаю, я видел только его, он сидел на скамейке и играл.

— Играл?

— Ну, или не играл, не знаю, что и сказать, он вертел в руках какой-то парик.

— Парик? Откуда у него парик? В доме нет париков!

— Не знаю, может, и не парик, а что-то похожее на парик. Я сильно не рассматривал.

В комнату вошла Белла с Даниелем. В руках у мальчика была какая-то доска, я даже успел испугаться, что сейчас начнется демонстрация талантов мальчика и это будет скучно, натужно и мучительно долго. Но Сара, похоже, была зациклена на гуляющем Даниеле.

— Белла? Даниель ходил на прогулку? — голос Сары зазвенел, я вспомнил, как она была строга с учениками в школе.

Именно с такой интонацией она ругала детей за провинности и невыученные правила.

— Нет, Сара Марковна, Даниель не гулял, — Белла была убедительна. Или она привыкла к подобным выволочкам от Сары, даже бровь на её лице не дернулась, нам полагалось поверить в её честность.

— Белла, но я видела!

— В прошлый раз вы говорили, что Даня прыгал по крыше сарая, а он сидел у себя в комнате и перебирал рис, — Белла намекала, что Сара выжила из ума. И я бы легко поверил Белле, если бы сам не видел, как Даниель гулял во дворе.

— Белла, это не Сара видела гуляющего мальчика, а я.

— Вы?

— Да, я. Это было примерно пятнадцать минут назад, он сидел вон там, на скамейке, — я указал рукой на незашторенное окно.

Белла торопливо подошла к окну и задернула занавеску:

— Даниель не гулял, это, наверное, какой-нибудь соседский мальчишка забрался в сад, хотел покачаться на качелях, и всё. Скажете тоже, Даниель гулял, у нас ведь режим.

Всё то время, что мы выясняли, был ли Даниель во дворе, мальчик стоял у двери и смотрел на узор обоев, словно это было что-то очень интересное. Сара позвала внука:

— Даня!

Реакции никакой не последовало. В комнате стояла тишина: я ждал, что мне начнут демонстрировать, Белла, надув губы, поправляла шторы на окне, Даниель рассматривал стену, Сара устало следила за всем. Прошло какое-то время, и она сердито дернула Беллу:

— Хватит уже этими пылесборниками трясти, скажи ему, — Сара указала подбородком на Даниеля, — чтобы он сел.

Белла ткнула Даню пальцем в спину:

— Садись на стул!

Мальчишка быстро пересек комнату и сел за столик возле Сары, за этим столиком в первый день мы пили чай. Теперь же чаю никто не предлагал, и это было скучно, нарушало Сарины традиции гостеприимства, помнится, раньше чай в доме распивались постоянно, чайник не успевал остывать.

— Дай сюда! — Сара протянула руку к доске, которую принес мальчик.

Даниель весь сжался, он не хотел отдавать свою вещь. Держа её обеими руками и прижав острыми коленками к животу, он противился. Сара ткнула Даниеля в спину и вынула у него предмет. Что-то щелкнуло, покатилося, застучало, как костяшки бухгалтерских счетов, как шарики на пружинке, как щеколда в деревенском туалете.

— Ну, Даниель, — Сара гладила внука по плечу, — какой стих ты нам сегодня расскажешь?

— Дело было в январе, — отчетливо произнес мальчик, слишком отчетливо, я даже удивился, ведь Сара говорила о плохом развитии речи.

— Молодец, скоро зимние праздники, стихи о зиме нужно знать обязательно. Ты слышишь меня?

Даниель утвердительно кивнул головой.

— Давай, читай, мы слушаем тебя, — и Сара склонила голову, готовая выслушивать и критиковать. Я не раз видел этот поворот головы в сторону выступающего в школе на уроках и улыбнулся — Сара оставалась учительницей даже на пенсии. Мне вспомнилась фраза: «Бывших учителей не бывает», это было про крестную.

Даниель молчал.

— Ну же, Даня, — подбодрила Белла, — читай уже!

Даниель молчал и смотрел на свою доску в руках у Сары. Сара постучала костяшками пальцев по доске:

— Если сейчас не прочитаешь, то мобиль свой не получишь!

Даниель запыхтел и стал перебирать пальцами, как пианист. Мальчик играл гамму раздражения. Поиграв так на воображаемом инструменте, он встал, оправил одежду и начал декламировать. Взмахивал руками, сжимал ладони в кулаки, играл мышцами лица, видимо, передавая нужные чувства, и издавал странные гортанные или воющие звуки, ничего человеческого я не услышал, тем более знакомых стихов поэтессы. Странно было даже думать, что от этого мальчика я мог слышать правильную человеческую речь. Это был выраженный деградант. Мое лицо, думается мне, передавало дикое удивление, потому что Сара и Белла смотрели не на Даниеля, а на меня. Я вовремя спохватился и убрал со своего лица это выражение.

— Ничего себе! — выдохнул я после того, как Даниель закончил свое так называемое чтение наизусть.

— Ты бестактный, — прошипела Сара, глядя поверх моей головы. — Но я тебя прощаю, к подобному надо привыкнуть. Я видел, что Белле хотелось смеяться, только над кем — непонятно, и, чтобы скрыть свои эмоции, она вышла из комнаты, сказав, что приготовит нам всем чаю. «Наконец-то чай», — подумал я и натянуто улыбнулся Саре.

— Даниель сегодня совсем не старался, Даниель огорчил Рима, Даниель был смешон, Даниель расстроил Сару, — произнесла крестная, сообщая внуку, что она им недовольна. Внук вздохнул и опять заиграл пальцами свою гамму, только сейчас это была мольба, он выпрашивал свою доску у бабки: «Отдай, ну отдай! Она мне очень нужна!».

— Хорошо. Рим отдаст Дане мобиль, — с этими словами Сара протянула мне доску.

Доска была тяжелая, вырезанная из листа древесностружечной плиты. На доске располагались разные приспособления, наверное, для развития мелкой моторики: шнурки, спирали, лабиринты с крошечными шариками, цветные резинки, счеты, кубики, пазлы и много всего прочего.

— Рим, посмотри, это любимая игрушка Даниеля. Он может проводить за ней целые дни, ни на секунду не отвлекаясь, нужен только кто-то, кто будет приводить в беспорядок все её части. Создай на доске беспорядок, не бойся.

Я начал развязывать, запутывать, разбирать, перемешивать, закручивать и увидел радостное возбуждение на лице мальчика — ему не терпелось начать. Выполнив свою часть задания, я подсел за столик к Даниелю. Мальчик улыбался, он знал, что ему делать. Быстро защелкали щеколды, закрылись замочки, шнуровка зашнуровалась, пружинки закрутились, костяшки застукали, железки забрякали. Даниель колдовал, тонкие пальцы скользили быстро, почти бесшумно проделывая все операции, на мгновение застывали, размышляя, за что следующее приняться и опять торопились. Быстрые, ловкие движения рук, каждого пальца и каждой фаланги можно было сравнить разве что с мельканием крылышек ночного мотылька. Мне показалось, вся операция заняла у Даниеля какие-то считанные секунды, вероятно, так оно и было. Я был зачарован колдовством момента, смотрел, как человек, совсем недавно поразивший меня своим слабоумием, доказал обратное, нет, он вовсе не слабоумен, просто он не может делать то, что умею я, и вместе с тем виртуозно и просто совершает абсолютно для меня непостижимое.

Сара смотрелась победителем, она горделиво подняла голову, как бы вопрошая: «Ну что, убедился?». В глазах её был восторг, то ли за Даниеля и его безумный гений, то ли за собственный педагогический талант, его я, впрочем, не оспаривал — Сара могла любого научить грамоте, но я сомневался, что добиться такого можно лишь путем длительных упражнений, несомненно, для таких успехов требовался какой-то гений.

— Блестяще! — Сара любила, чтобы ею восторгались, так почему бы не позволить себе небольшое подхалимство. — Сара, браво! Как ты добилась такого эффекта? Это твоя находка — такая вот доска?

— Мобиль? Нет! Знал бы ты, что я прошла прежде, чем обучилась этим премудростям общения с Даниелем.

— Могу себе представить!

— Нет, не можешь — она качала головой, точно говорила о подвиге Прометея, принесшего огонь людям, она намекала на свои терзания и терпение.

— Первый модуль мне дали в Израиле. Ты же знаешь, что я некоторым боком еврейка? — Сара улыбнулась мне, намекая на тайну своего детства. — Я долго мыкалась с Даней по разным коррекционным школам, но мне везде отказывали в его обучении. А потом я встретила одну женщину, она-то мне и подсказала выход, сказала, что в Израиле есть курсы для семей с детьми-аутистами. Эти курсы были очень дорогими, я их не могла себе позволить. Где я только не была, кому только не писала! А потом встретила своего бывшего ученика, у него бизнес в Чите, и он совершенно даром дал мне денег. И мы с Даниелем поехали: купались в море, учились на курсах, мне даже показалось, что я помолодела, похорошела, поумнела, мне было снова двадцать, и я вернулась с новыми силами, готовая учиться и учить. Мне пришлось вновь понять этот мир и его устройство. Чтобы помочь аутисту, нужно на время самому стать аутом. Это трудно, но ты сразу понимаешь, как ему нелегко.

— А как связана эта доска с гипотезой Пуанкаре?

— Рим, я ничего не понимаю в этих ваших математических подробностях, да мне и не надо. Я — филолог, и это его неумение говорить, выражать мысли через слова, невозможность читать даже простые детские стишки сводят меня с ума. Но он понимает в математике, он считает, он очень хорошо считает, большие числа в уме перемножает, а правильно называть числа не может, поэтому постоянно пишет. Порой мне кажется, что если бы он мог, то общался бы со мною цифрами. Когда мы были в Москве, один профессор нам сказал, что у Даниеля математический гений, что он — еще один Перельман,

что он сможет разгадать не одну загадку тысячелетия. Мобиль стал для него окном в мир, через мобиль он общается с людьми! Посмотри на его устройство, в нем всё рационально и уравновешенно, как в человеческом мире.

Я смотрел на доску, над которой колдовал Даниель. Она, конечно, впечатляла, но вряд ли я был готов приписывать ей какие-то особенные педагогические качества. Я просто видел, как нравилась мальчику эта доска, как горели его глаза в предвкушении, с каким удовольствием он любовался проделанной работой. И эти его руки быстрокрылые, которые завораживающе порхали над доской. Нет, его надо было учить не математике, а музыке. Хотя... Ничего еще не поздно, можно попробовать. Ведь музыка — это математика, а математика — музыка.

— Сара, а ты не думала, что из Даниеля мог бы получиться гениальный музыкант? Ты видела его руки?

— Руки? Да, он неуклюжий, руки длинные, временами они ему мешают.

— Да я не про то! Посмотри, как они порхают! Длинные пальцы! Просто мечта пианиста.

— Нет, он не сможет играть на фоно, ему надо что-нибудь другое. Вот ты и займись, подбери ему инструмент.

— Сара, я пошутил.

Всё то время, что мы с Сарой обсуждали особенности Даниеля, тот сидел, сосредоточенно рассматривая доску. Он даже не пошевелился, как кузнечик в осенней траве, остренький и трогательный.

— Даниель! — позвал я.

Никто мне не ответил, такая была глубокая задумчивость у человека, живущего вразрез с миром.

— Он слышит тебя, просто не показывает этого, у него слабо развит эмоциональный фон, — подтолкнула меня Сара. Она наблюдала за нами, ей было важно, как мы будем общаться.

Честное слово, я не знал, как мне себя вести с Даниелем, что говорить, что делать. Сара видела мои затруднения, но не торопилась

мне помогать, может, она ждала, что я разработаю свой стиль общения с мальчиком, отличный от её собственного.

— Знаешь, мне было трудно с ним общаться, он меня не слышал, я не могла его заставить сосредоточить внимание. В Израиле мне сказали, что нужно найти чувствительное место на его теле, которое будет своеобразным звоночком, нажимаешь его и общаешься: «Дзынь! Даниель! Это я, твоя бабушка, давай говорить!». Это звучит дико на первый взгляд, но именно это помогло нам наладить с ним связь, сломанный телефон постепенно становился редко работающим, а теперь в большинстве случаев он действует безотказно.

— А что это за место такое? На спине? Я смотрю, ты его постоянно в спину тыкаешь.

— Заметил, да?

— Да как же не заметить! Ты только через это и выводил его из задумчивости.

— Это не задумчивость, это — маска. На самом деле он всё видит и слышит, просто не умеет нам этого показывать, и не понимает, что мы от него чего-то ждем. Ты говори с ним, он может производить впечатление глухого и слепого, занятого своим делом человека, но он тебя слышит и в большинстве случаев понимает. Если тебе понадобится обратная связь от него, надо тихонько, но ощутимо толкнуть его вот сюда, под лопатку или чуть выше, но где-то сюда.

Сара погладила Даниеля по его чувствительному месту, Даниель поднял лицо и посмотрел на Сару:

— Даниель сегодня был хорошим мальчиком?

— Да, Даниель сегодня молодец, только стихи нужно учить сначала. Даниель плохо выучил стихи.

— Рим, ругайся на Даниеля! Ведь он плохо рассказал стихотворение?

— Да, плохо! Я ничего не понял.

— Рим, ругаться надо по всем правилам и хвалить тоже, то,

как ты сейчас это сделал, совсем не подходит. Всё, что ты говоришь, говори мне, а Даниеля называй по имени, это делать надо только в его присутствии. Слова, обращенные к нему, мальчик плохо воспринимает.

— То есть?

— Смотри на меня и говори: «Даниель сегодня был плохим, он не выучил стихи, я очень зол, я ругаюсь!».

— А зачем?

— Этот ребенок воспринимает мир через меня, он заиклен на мне. Ругая или хваля меня, ты доносишь нужную информацию до него. Твоя задача научиться этому общению, а потом мы совместными усилиями будем переносить цикл с меня на тебя.

— Как всё трудно!

— Совсем не трудно, нужно просто понять систему и освоить её. Ты справишься.

Даниель сидел за столиком возле Сары, видно было, что он устал и даже любимый мобиль перестал его развлекать. Вначале он просто сидел, зажав ладони между колен, потом стал раскачиваться, а после накрылся с головой одеялом, которое принесла Белла, и затих. Сара тоже выглядела уставшей, но её глаза блестели. Еще бы! Ей удалось заполучить меня, осталось только заполучить мое согласие на опеку.

— Давай расходиться по комнатам, Рим. Дане пора спать.

— Да, я тоже порядком устал.

Сара сдернула с Даниеля одеяло. Я считал, что мальчик спит, но — нет. Он просто сидел под одеялом как в шалаше и перебирал своими пальчиками, мне показалось, что он играет что-то минорное, успокаивающее, может, колыбельную.

— Спокойной ночи, Даниель! — произнесла Сара.

Даниель церемонно кивнул головой:

— Спокойной ночи, бабушка! Спокойной ночи, Рим Иванович!

Ботинки зашлепали по коридорам дома, мы расходились по своим комнатам.

НОЧЬ ДАНА НЕ ДЛЯ СНА

В выделенной для меня комнате было душно. Стоило мне только открыть дверь, как я понял, что в ней был кто-то кроме меня, может, заходил, а может, и сейчас сидит. Запах туалетной воды был чужой и, что удивило меня больше всего, мужской. Нет, не непонятный унисекс, а именно — мужской, шипровые ноты были слишком сильными. Я разволновался. Стоя посреди темной комнаты, я судорожно соображал, стоит ли выйти из комнаты и пойти жаловаться Саре, начать кричать и звать на помощь или начать самому справляться с ситуацией. Я выбрал последнее, нашарил на стене еле заметную педаль выключателя и зажег свет. Было тихо, пусто и спокойно, где-то на потолке зуммерила лампочка, слышался глухой лай собаки на улице и более ничего. Но парфюм был чужой и мой нос передавал мозгу тревогу. В моих апартаментах было два помещения: собственно комната и душевая. Никаких тебе ниш и потайных дверей, всё основательно и просто — стены и потолок. Чтобы удостовериться, я заглянул в душевую, обошел комнату по периметру — всё оставалось как и до моего ухода, только запах был чужой. Я считал, что в доме присутствует из чужих лишь Белла. Сейчас мне стало не по себе, что я не расспросил Сару о жильцах и гостях её дома, не обошел весь дом, не осмотрел, это была оплошность, которая в итоге могла выйти мне боком. Кто знает, что прятала старая Сара в этих стенах, семейные тайны или не только? Моя комната — моя защита, решил я и заглянул под кровать, в шкаф и за шкаф, осмотрел окна и портьеры, заглянул

даже во все ящики комода, изучил потолок, вдруг какой-нибудь ниндзя наблюдает за мной с потолка. Было успокаивающе пусто. Я вставил ключ в замок и повернул его один раз, вынимать не стал, на тот случай, если кто-нибудь попытается проникнуть в мою комнату с внешней стороны при помощи ключа или отмычки. Теперь можно было расслабиться. Из зеркала напротив кровати на меня смотрело незнакомое лицо, мое, но сильно изменившееся: мешки под глазами, заострившийся подбородок и глаза — усталые и настороженные. Я не осознавал, но, вероятно, я выглядел бледным интеллигентом, загнанным жизнью. И этого эффекта удалось достичь всего за каких-то три дня: обвинение в убийстве, внезапная потеря средств к существованию, старуха с ненормальным малолетним гением и — вуаля — вы уже Бродский, социопат и хотите к морю.

Невозможно успокоить мое обоняние, оно упорно сигнализировало: «В комнате чужой!». Я обнял себя за плечи и лег на кровать, хотелось выть в голос и требовать вернуть мое прежнее существование. Я подумал о Даниеле, он нашел для себя выход из непонятных и тревожных ситуаций — перебирал пальцы или пальцами что-то воображаемое. Я последовал его примеру: поднял руки к потолку и стал играть тихую мелодию, в воздухе перебирая то ли клавиши рояля, то ли аккордеона. Это занятие очень увлекло меня, я даже не мог и предположить, что от него будет такой эффект, постепенно тревога исчезла, и я даже смог простить незнакомый запах в моей комнате. И, правда, — приходил какой-то человек, просто побыл в моей комнате, постоял, посмотрел, как я живу, и вышел. Ничего неприятного не произошло, ничего не украли, даже с места не сдвинули. Да и вообще, запах мог появиться через окно или его натянуло в вентиляционное отверстие, тем более что и одно, и другое в комнате было.

Я стал стягивать с себя одежду, хотелось переодеться в пижаму и лечь спать. Я точно помнил, что повесил пижаму на крючок в ванной, но сейчас он был пуст. Я бродил по комнате голый

по пояс, джинсы оставались на мне. Намереваясь снять и их, я присел на край ванны, напротив белого унитаза, над которым висело непонятное устройство, похожее на передатчик. Я протянул к нему руку. Неожиданно, но устройство стрельнуло в меня облачком душистого воздуха, вокруг еще сильнее запахло мужским парфюмом. Мне стал понятен источник происхождения запаха, это был освежитель, он заботливо орошал воздух в комнате. Я кончиками пальцев сыграл туш — тревога улеглась. Пижамы тоже нашлась довольно быстро, она висела на крючке, но только за дверью. Все непонятности определенно прояснились. Волнение прошло, и меня стало клонить в сон. Я выключил свет и подошел к окну. На улице шел дождь, и капли скатывались по стеклу, оставляя после себя пунктирные дорожки из микроскопических лужиц. Белая человеческая рука стерла капли с обратной стороны стекла, и лицо вплотную притиснулось к нему. Это было лицо Даниеля. Бесстрастные глаза смотрели через меня. Я закричал.

Когда я открыл глаза, передо мной сидела Белла и гладила меня по руке. Я смотрел в её лицо и видел глаза Даниеля, смотревшие на меня из-за оконного стекла. Ужас не позволял мне даже шевелиться, живот свело, я почувствовал — еще мгновение и я больше не смогу смотреть в глаза этой женщине — и опрометью бросился в туалет. Так из меня вышел ночной страх. Я всегда знал о себе, что я порядочный трус, но в эту ночь нервы бы сдали у любого.

Я вышел из ванны, вытирая лицо. Это давало возможность не смотреть в лицо Саринной прислуге.

— Вы перепугали весь дом! Кричали, упали. Что случилось?

Белла спрашивала меня так участливо, что мне захотелось ей всё немедленно рассказать и попросить не уходить, я боялся оставаться один. Но что-то удержало меня. Я подошел к ужасному окну сбоку и чуть приоткрыл занавеску — была также ночь и шел дождь. Интересно, сколько времени я был в забытьи

и почему в комнате нет Сары? Было бы логично, чтобы я при пробуждении увидел её лицо, а не лицо Беллы.

— Как вы попали в комнату, я запер дверь на ключ?

Белла указала на дверь, снятая с петель, она лежала у стены.

— Мы вызвали аварийную бригаду, они сняли дверь. Саре жаль было её ломать, поставили-то совсем недавно. Пока бригада ехала, пока мы объясняли, чего хотим, пока снимали дверь, Сара так разволновалась, что у неё поднялось давление, пришлось вызывать врача и вам, и ей. Так что случилось?

Я молчал. Что я мог сказать этой женщине, что на меня из темноты улицы смотрело лицо?

— Белла, а Даниель тоже проснулся от всего произошедшего?

Я описал в воздухе рукой круг, как бы пытаюсь очертить масштабы и место происшествия.

— Нет, он не проснулся, у него обычно крепкий сон.

— А сейчас?

— Что сейчас?

— А сейчас он тоже спит?

— Конечно, два часа ночи — самый сон, крепкий и глубокий.

В комнату вошла Сара, она еле держалась на ногах, было видно, что сегодняшняя ночь очень трудно ей дается:

— Римушка! — она упала мне на руки, на мои худые трясущиеся руки. Я обнял её, какое-то неизбывное горе мучило нас. — Римушка, почему ты так кричал?

— Я помню, что закричал, но не думал, что так сильно. Ты не переживай так, всё ведь хорошо.

— Где хорошо? Плохо всё. Ты так кричал, будто случилось что-то ужасное, я бросилась к тебе, сама не помню, как добежала, а тут — дверь закрыта изнутри, я думала — тебя убили — Сара заплакала, она всхлипывала, как ребенок, вздрагивая плечами и прижимая ладони к лицу.

Я оглядел комнату. На полу валялись осколки вазы, за которую я, падая, очевидно схватился. Предполагаю, что я хотел

кинуть ею в лицо, смотревшее на меня сквозь дождевые потеки, но упал и разбил её.

— Я... Я наступил на осколки вазы. Было очень больно. Ты же знаешь, я боюсь боли.

Заплаканные глаза Сары смотрели на меня, я видел в них недоверие.

— Ты разбил вазу и так ужасно закричал?

— Нет, разбил не я. Не знаю, кто разбил. Но я босыми ногами наступил на осколки.

— Кто мог кроме тебя быть в твоей комнате? Ты разбил? Признавайся!

Я сам с трудом верил в свою ложь, но до Сары, кажется, стало доходить, что я совершенно из-за пустяка переполошил засыпающий дом. Она злилась и пыталась скрыть свое недовольство:

— Ты всегда был трусом и невротиком!

Сара, опираясь на руку Беллы, покинула мою комнату. Мне хотелось броситься за ними и умолять отпустить меня домой. Дом Сары перестал мне казаться безопасным.

Ночь продолжалась. Я опять стоял посреди пустой комнаты, горел свет, и я никак не мог собраться с мыслями и решить, как же лучше поступить. Я взял подушку и через весь дом отправился на поиски Сары. Я решил, что лягу спать только в её присутствии. Это было очень не по-мужски, но я хотел, чтобы старуха охраняла мой сон, раз уж я вынужден мириться со всем происходящим и жить в её доме.

Коридор был темным, лишь тусклые ночники освещали узкое пространство, свет шел откуда-то из-под потолка. Я поднял голову, потолок был высоким, его своды уходили вверх под углом, мне стало понятно, что изначально эта проходная комната и наши маленькие комнатухи представляли собой одну большую, но затем её раздробили на небольшие комнаты-спальни и вот этот самый коридор, по которому я сейчас шел. Вероятно, что звукоизоляция здесь не очень хорошая, хотя

лично я не слышал ни звука, но оно и понятно — ночь, все жители дома спят. Я немного потерялся, днем я выходил из этого узкого коридорчика в зал, где ждала меня Сара. Я прошел вперед и толкнул дверь. Вот он, этот зал. Там было темно и только свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь ночные шторы, едва обозначил очертания предметов в комнате; ни Сары, ни Беллы здесь не было. Я закрыл дверь и стоял в полной растерянности, опираясь спиной о стену и держа в одной руке подушку. Подушка была тяжелая и моя рука даже несколько онемела, наверное, Сара сложила в неё все имеющиеся в доме перья. Признаться, подушка мне мешала передвигаться по дому, но я четко решил лечь спать рядом с Сарой, пусть даже и на полу. Мне очень хотелось выспаться, сделать это в своей комнате я не мог, лишь только я представлял, что засыпаю, как перед глазами вставало бледное лицо Даниеля за оконным стеклом, оно отливало синевой, а по поверхности стекла стекали быстрые капли дождя. Ничего неприятного в этом видении не было, но мне было очень страшно, я даже не мог определить почему. Просто мальчик вышел среди ночи погулять, может, он — лунатик, и решил заглянуть в мое окно. В общем-то это было вполне разумное объяснение, но оно меня не устраивало, вернее, здравым рассудком я понимал, что за этим случаем ничего необычного не кроется, но какое-то мое внутреннее чувство шептало мне, что случившееся — не простое стечение обстоятельств. Чувство самосохранения приказывало мне бежать из дома, бежать очень далеко и быстро, чтобы ни полиция, ни Сара с её идеями не могли больше поколебать моего спокойного существования. Я двинулся в другую сторону от своей комнаты. Непонятные двери, тонкие и массивные, две, нет — три, все заперты. А вот и еще одна дверь, приоткрытая. Я почему-то решил, что это комната Сары и, вероятно, был прав. За дверью слышался разговор, тихий, на два голоса, не похоже было, что говорящие особо таились, нет, они просто разговаривали.

— И что теперь?

— Теперь? Теперь ничего не поменялось. Он придет в себя. Недельку-другую и он освоится в этой роли, ты не переживай.

— А если он не сможет?

— Почему не сможет? Время всё расставляет по своим местам, и он — не исключение. Ждать долго не будем. Просто надо дать ему чуть-чуть времени прийти в себя. Он — слишком чувствительный, а потом эта детская травма дает о себе знать. Мальчику многое пришлось пережить.

Я подумал, что это Сара и Белла обсуждают меня. Хотя, когда одна из женщин упомянула детскую травму, я засомневался. Меня ли обсуждают? А кого же еще? Я уже собирался войти в комнату, но услышал шорох ткани и решил, что Сара раздевается. Минута была выбрана неправильно, стоило переждать, пока она уляжется в постель, а Белла уйдет. Я стоял в нерешительности. Что подумает обо мне Белла, увидев меня в коридоре? Хорошо ли то, что я сейчас вроде как подслушиваю? И как я объясню свое поведение этим двум женщинам, войдя ночью в их комнату? Я услышал, как Белла произнесла: «Спокойной ночи!», и запаниковал. Мне стоило вернуться к себе, тем более, что в моей комнате не было двери, и, если Белла заглянет в неё и не увидит меня спящим, то поднимется еще одна суматоха. Обняв подушку обеими руками, я быстро засеменял к себе в комнату, ковер на полу был толстым, я передвигался почти неслышно, не сомневаюсь, что меня никто не заметил.

Я не стал ложиться в постель, положил подушку на кровать и накрыл её одеялом, будто кто-то спит. Сделав так, я прислонился к стене у снятой двери, оставалось надеяться, что Белла не пойдет меня проверять. Совершая эти действия, я осознал, что в любой непонятной ситуации стремлюсь убежать. Бег — инстинкт зайца: бежать сломя голову от всего непонятного. Не бег ради бега, а бег ради спокойствия. Прибежишь, спрячешься, замрешь и кажется, что всё прошло, что смог справиться.

Но сейчас было совсем другое дело — бежать некуда. Верхний тусклый свет в коридоре погас, послышались шаги, Белла вышла от Сары и направилась куда-то, хотелось верить, что не в мою комнату. Помещение осветилось, Белла подсвечивала фонарем, стараясь издали, не заходя в комнату, разглядеть мою спящую фигуру. Вероятно, увиденное её вполне удовлетворило, и она направилась по коридору дальше.

Дом погрузился в темноту.

Я продолжал стоять у стены, размышляя и прикидывая. С одной стороны, мне хотелось лечь в кровать под теплое одеяло, закрыть глаза и проспаться всё это наваждение. С другой — чувство, неподдающееся описанию, что-то среднее между любопытством и страхом, толкало меня продолжать исследовать комнаты в коридорчике. Белла ушла куда-то туда, возможно, в старую часть дома, ведь кто-то же должен вести жизнь снаружи, сообщаясь с входной дверью, улицей, соседями. Сара спала по соседству со мной. Я вышел из своей комнаты. Было темно, идти на ощупь я боялся, вдруг я упаду или наткнусь на что-то, признаться, я не любил темноту, в ней таились неизвестность и неподконтрольность состояния, которые могут привести в душевный трепет любого человека, даже у которого нервы крепче канатов. К моей радости, Сара включила в своей спальне свет, неяркий, тусклый, как тот, что еще несколько минут назад освещал стены коридорчика, узкая полоска зыбкого света пробивалась в щель неплотно закрытой двери. Этого было достаточно — я смог разглядеть ковер под ногами и двинулся дальше исследовать помещение: моя комната, три двери, Сарина комната и рядом еще дверь, а потом стена. На противоположной стене дверей не было, вероятно, коридорчик был между двумя комнатами, весьма большими, но я мог и ошибаться, противоположная стена могла быть и внешней стеной дома. Я терялся в этих переплетениях старого дома с новым, и мне отчаянно хотелось увидеть весь дом, и снаружи и внутри,

только это могло успокоить меня. Осмотр дома входил в зону моих интересов, но это немыслимо было ночью, похоже на то, как вор ищет драгоценности при зыбком лунном освещении в богатом доме. Я сам удивился, что это сравнение, именно это, сейчас мне показалось наиболее точным, я действительно ощущал себя человеком, посягающим на чужое, скрытно, воровато. Здесь, в коридорчике, неожиданно для себя самого я признался своему внутреннему «я», что всеми силами своей душонки я желаю этой другой жизни, беззаботной, сытой и спокойной, без необходимости каждое утро в промозглой утренней свежести бежать на работу, жить на грошовую учительскую зарплату, грызть сухую гречневую кашу и мечтать о чем-то несбыточном. Признался и разозлился, ведь к этой жизни прилагался Даниель, необычный юноша, существование с которым могло стать невыносимым до такой степени, что я бы и пожалел, и пожелал вернуться к своей прежней жизни. Да, только существование Даниеля мешало мне сказать Саре, что я безумно счастлив стать опекуном наследства, именно, наследства, но не её внука.

Прежде чем отправиться в свою комнату, я все-таки решился зайти к Саре и посидеть с ней. Стучать в дверь при входе — школьная привычка. Я слегка стукнул в приоткрытую дверь и вошел. В комнате горел ночник, постель была раскрыта, на прикроватной тумбочке лежал открытый ежедневник Сары, самой Сары нигде не было. Я огляделся, вероятно, Сара вышла в ванную или в туалет. Я подошел к тумбочке и взял в руки ежедневник: список дел на завтра был составлен крупным правильным почерком Сары. И первым пунктом значился разговор с Римом, то есть со мною, о Даниеле, а потом шла встреча с Сашей Грац, моим адвокатом, а потом разнообразные хозяйственные хлопоты. Ничего любопытного. Я прислушался: ничего необычного услышать не удалось, впрочем и обычного — тоже. В Сариной комнате не было окон, тишина нарушалась только моим дыханием, неровным, обеспокоенным. Никаких порывов

ветра, звуков секущего по окну дождя, лая собак, скрипа деревьев, всего того, что было в моей комнате. Это была комната затворницы, которая устала от мира и его чудес. Я ждал. Сара не возвращалась. Я прошел от стены к стене и тихо произнес: «Сара!». Никто не ответил, оттуда, где по моим расчетам, должна была быть ванная с туалетом, тоже не было слышно никаких признаков жизни: ни шума льющейся воды, ни стука, ни шороха. Я аккуратно, боясь увидеть Сару в непотребном виде, потянул ручку двери и одним глазом заглянул внутрь ванной комнаты. Это был сюрприз, но комната не была ванной, а была еще одной комнатой. Я вошел: комната была пуста и тоже не имела окон, я увидел блестящую ручку еще одной двери и тоже аккуратно потянул за неё. В большой комнате посередине стояла кровать, на кровати лежал Даниель, он спал. Сара стояла на коленях перед кроватью, заботливо подтыкала одеяло, и что-то пела, прислушавшись, я услышал слова знакомой с детства колыбельной: «Птички уснули в саду, рыбки уснули в пруду». Сара баюкала свое сокровище, выражение её лица говорило, насколько ей дорог этот мальчик.

Я вернулся в комнату Сары. Мне не хотелось тревожить её в этот интимный момент. Когда я попал в дом Сары, то решил, что Белла была нанята, чтобы присматривать за Даниелем. Сейчас же я понял, что всё, что касается Даниеля, выполняет или контролирует сама крестная, Белла была просто помощницей. Двери между моей комнатой и комнатой Сары были дверями в апартаменты её внука, поэтому они были заперты, вход в них был возможен только через комнату Сары. Я поискал, куда можно присесть в Сариной комнате так, чтобы войдя, она сразу увидела меня и, не дай Бог, не испугалась, волнений этой ночью было достаточно. Я ничего лучшего не придумал и сел на край кровати, если бы Сара была прежней, я бы мог даже лечь в её кровать и заснуть, но что-то меня напрягало, Сара уже не была прежней Сарой. Сара вошла в комнату, невидящим взглядом

обвела пространство, она о чем-то думала. Я чуть слышно прошептал: «Сара!». Казалось, она меня не заметила, села на кровать и сбросила с ног тапки.

— Сара!

— Рим, иди к себе и ложись спать. В моем доме тебе ничего не угрожает, перестань принюхиваться и прислушиваться, тебя здесь любят и желают только хорошего. Спи, спи как младенец на руках у матери. Сегодня был суматошный день.

— Я не могу спать без двери, мне тревожно.

— Днем придет рабочий, он поставит твою дверь на место. И заметь, если бы ты не закрывал дверь на ключ, нам бы не пришлось её ломать. Малыш, в этом доме тебе ничего не угрожает. Нет надобности прятаться!

— Хорошо, Сара!

— Мы любим тебя, Рим. Ты — мой спаситель.

Сара положила свою сухую сморщенную ладонь поверх моей дрожащей коленки. Её руки были холодны, будто кровь уже начала стечь в её теле. Я посмотрел на её профиль: Сара о чем-то размышляла, было видно, что я мешал её этим размышлениям.

— Хорошо, Сара!

Я поцеловал такое родное лицо и пошел к себе — спать.

В комнате я не стал ложиться, сердце стучало, и было ясно, что уснуть мне не удастся. Я подошел к окну и отодвинул штору. Небо было в тучах, но именно в тот момент, когда я выглянул, они разошлись и луна осветила бледным светом двор. Мне было жутко, в это окно несколько часов назад на меня смотрело лицо Даниеля. Я пошарил рукой по раме, пытаюсь найти запор, и он, конечно, нашелся. Я открыл оконную створку и выглянул во двор. Было холодно, кое-где на земле были снежные лепехи, ветер принес не только дождь, но и некоторое подобие снега, напоминание о том, что зима не за горами. Я с трудом протиснул свое тело через раму и опустил ноги на землю. Подошва

коснулась не земли, под ногами было что-то ровное, я посмотрел вниз, это был деревянный настил. Вдоль периметра всего дома шла деревянная галерея. С этой стороны было всего несколько окон: зал, моя комната и какое-то окно в самом конце. Я постоял, обхватив себя руками за плечи, ветер трепал мои волосы, то закидывая их на лицо, то гладко зачесывая назад. По небу быстро бежали тучи, и вот-вот луна должна была опять скрыться, надвигалась плотная туча. Я решил пройтись по галерее в сторону последнего окна. Тапки скользили, я совсем продрог, но мне очень хотелось заглянуть в неизвестное окно. Стараясь производить как можно меньше шума, я пробрался к окну. Чего и стоило ожидать, ничего в этом окне я не увидел, оно было закрыто и зашторено. Эта галерея внушила мне покой, я объяснил себе, как Даниель подобрался к моему окну. Я предположил, что мальчику было интересно, кто поселился в его доме, поэтому он вышел во двор и заглянул в мое окно, он не мог знать, что именно в этот момент я тоже смотрю в него. Сара права, я слишком нервный и ищу подвох там, где его нет.

Ночь заканчивалась.

Я влез обратно в свою комнату и лег в теплую постель, после ночной прогулки она казалась необыкновенно уютной, мягкой и теплой. Сон пришел сразу.

НОВОСТИ

Ночью мне снился сон. Говорят, что перед рассветом сны самые яркие и запоминающиеся. Не знаю, правда ли это, но мой сон был именно таким. Мне снилась бабушка, она сидела и смотрела на меня, причем так участливо и жалостливо, без слов, без действий, просто сидела и смотрела. Не знаю, что я прочитал в её взгляде, но слезы лились на мою подушку безостановочно. Бабушка протянула ко мне сжатую в кулак руку, я знаю, что в её кулаке было что-то нужное. Я раскрыл ладони и вытянул их вперед, принимая дар, бабушка разжала кулак и мне в пригоршни упало что-то такое тяжелое, что я его не удержал и выронил, предмет с громким стуком упал на пол. Я вздрогнул и проснулся.

Передо мной стоял рабочий с отверткой в руке.

— Сара просила навесить дверь. Извините, что разбудил вас.

— Ничего. Наверное, пора уже вставать. Она говорила, что вы придете, но я сегодня разоспался что-то.

Я поискал взглядом часы, они показывали ровно восемь. Рано, однако.

— Я думал, вы придете ближе к обеду.

Рабочий осматривал дверь.

— Ближе к обеду не получится, в школу привезут оборудование, до второй смены надо успеть установить.

— Вы работаете в школе?

— Да, и в школе тоже. Зарплата-то маленькая совсем в школе, вот и приходится совмещать — то тут, то там подработаешь.

Жизнь сейчас такая, крутиться приходится. Сара меня зовет иногда, когда надо что-нибудь прибить-прикрутить.

— Ну, и как там школа?

— Школа?

— Какие там новости? Знаете, я там совсем недавно работал.

Рабочий удивленно посмотрел на меня и ничего не ответил. Он поднял дверь и пытался навесить её на петли.

— В школе как в школе. Помогите мне лучше, приподними другой край.

Я поднял дверь и ждал продолжения ответа на свой вопрос, но рабочий молчал, только брякала отвертка, закручивая шуруп.

— Ну, вот, теперь можешь запираешься.

Мужчина проверил замок, покрутил ручку, вставил ключ в замочную скважину и несколько раз щелкнул запором. Видимо, результат ему понравился.

— Принимайте работу!

— А к Саре часто приходят из школы?

Не знаю, почему я задал этот вопрос, мне показалось, что Сара живет, тесно общаясь со школой.

— Конечно, часто. У неё и Даниеля никого нет, помочь никому, а Сара столько лет проработала в школе, вот мы к ней и приходим по старой памяти. Мы ей помогаем, и она нам помогает.

— А она вам чем помогает?

— Учеников иногда берет на занятия, тех, которые совсем не могут учиться. Убедит, поругает, смотришь — а он уже и учится хорошо. Сколько раз так бывало!

— Да, Сара — хороший учитель.

— Она и внучку мою учила. Хорошая учительница, таких уж теперь не осталось.

— Спасибо за дверь!

Рабочий собрал свой чемоданчик, из ванны я слышал его удаляющиеся шаги по коридору.

Мне показалось весьма странным, что Сара, уже много лет не работая, продолжает поддерживать отношения со школьным персоналом. Хотя, о чем это я? Ведь Даниель только в этом году закончил школу, она, конечно же, имела прямое отношение к школе.

Выбирать одежду к завтраку мне совсем не хотелось. Не из-за лени, нет, мне просто были не очень по душе официальные церемонии, этикет, нормы морали и приличия, мне хотелось в удобной одежде устроиться за маленьким кухонным столом в старом домике Сары, ковырять ложкой теплую кашу и пить чай со всякими вкусами. У себя дома я любил помечтать, что живу где-то на Монмартре и под утренний говор голубей в шортах и майке бегу в ближайшую кофейню за круассанами, теплыми и уютными, а потом с ними пью кофе, сидя на голубом подоконнике. Кто знает, может, эти необходимые церемонии подарят мне жизнь, о которой я мечтаю. Именно поэтому, пусть нехотя, пусть с негодованием в душе, мне надо выбрать одежду к завтраку. Если бы кто услышал про «одежду к завтраку», то решил бы, что у меня целый гардероб, где есть наряды для любого жизненного случая, но нет, выбор мой был весьма ограничен, если не сказать — скуден. Костюм или джинсы? Рубашка или футболка? Свитер или жилет? Или пижама? И это всё. Выбор небогатый. Я решил не церемониться и надел футболку и джинсы. Было бы смешно, если бы я явился на завтрак в костюме.

В зале Сары не было, я прошел через зал в другую комнату, ту, где мы с крестной разбирали документы, но и там было пусто. Переходя из комнаты в комнату, я понял, что все помещения в доме выстроены по прямой и сообщаются друг с другом через сквозные двери. Это было похоже на поезд, старый дом был локомотивом и тянул за собой череду комнат, больших и маленьких вагончиков. Вероятно, это было удобно — не заблудишься, только сложно было каждый раз сообразить, где же выход. Двери часто отсутствовали, а были только дверные

проемы-арки, они маскировались портьерами или чем-то другим, типа жалюзи или занавесок. Это означало, что в моей комнате тоже есть проходная дверь, и она должна сообщаться с другими помещениями, только вот я осматривал помещение и никаких вторых дверей в нем не нашел. Может, я плохо искал? У меня возникло желание незамедлительно вернуться в свою комнату и начать поиск двери, я с трудом подавил в себе эту волнительную мысль. Сара нашлась в коридорчике, примыкающем к старому дому, она шла под руку с моим адвокатом и что-то вполголоса с ним обсуждала.

— Рим! — Сара улыбалась широкой улыбкой, — Римушка, у нас для тебя хорошие новости.

— Доброе утро! — несмотря на Сарино сияние, я был недоволен, увидеть Сашу с утра я не ожидал. — Еле тебя нашел, никак не пойму, где у тебя в доме принято встречаться по утрам?

— По утрам мы завтракаем на кухне. Поговорите пока с Сашей, а я разберусь с завтраком.

Сара вышла из комнаты. Она, видимо, желала увидеть от меня какую-то другую реакцию на присутствие адвоката, но мне видеть Сашу не доставляло абсолютно никакого удовольствия. Помимо детской неприязни к этому человеку, я чувствовал священный трепет перед людьми значимых профессий, к этой категории я теперь относил и все юридические специальности, а потом мне лишней раз совсем не хотелось вспоминать, что я главный подозреваемый в деле об убийстве моей ученицы.

Каким-то шестым чувством Саша наверняка понимал, что он мне неприятен, поэтому он обращался со мной очень осторожно, когда говорил, старательно подбирая слова.

— Здравствуй, Рим!

— Привет! Ты уже сегодня поработал?

— Нет, просто дознаватель по твоему делу мой бывший стажер. Мы вчера с ним вечером выпивали.

Выпивали? Саша выглядел очень свежим, будто спал не менее десяти часов и вел исключительно здоровый образ жизни. И в отличие от меня он не боялся надевать костюм с утра, хороший дорогой костюм, подбородок подпирала безупречно белая рубашка с идеальным узлом галстука. Только так в моем представлении должен был выглядеть успешный юрист.

— Саш, а ты по международному праву не специализировался?

— А что? Есть проблемы?

Саша смотрел на меня с удивлением. Согласен, мой вопрос удивил и меня самого. Такого Сашу я должен был бы встретить где-нибудь в Страсбургском суде, а не здесь, в Мышьегорске.

— Нет, пока нет. Но вдруг...

Я не знал, о чем с ним говорить. Наверное, надо спросить про дознавателя и новости. Ах да, новости. Сара сказала про хорошие новости, может, они нашли убийцу Тамары.

— И как дознаватель? — я старательно делал вид, что совершенно не волнуюсь по поводу расследования. — Они решили, что я невиновен?

Саша состроил непонятную гримасу на лице:

— Не совсем так... Они просто нашли машину, в которой, предположительно, увезли Тамару, установили владельца машины.

— И это оказался не я?

— Да, не ты. Но не всё так просто. Машина была в угоне уже около трех лет и это проверено в инспекции, поэтому кто на ней ездил — неизвестно. Но главное не это...

— То есть на машине мог ездить даже я?

— Теоретически и практически — мог.

— Но у меня нет прав!

— То, что у тебя нет водительского удостоверения, не означает, что ты не умеешь управлять автомобилем. Но и это не главное...

— И это не главное?

— Ну, ты дослушай!

Саша смеялся. Он смеялся надо мной, как опытный взрослый над неуклюжими попытками ребенка. Бешенство начало закипать где-то внутри моего неблагоприятного организма.

— Мы нашли подружку Тамары, которая смогла составить словесный портрет человека, который увез девушку. И этот портрет совсем не похож на твою внешность. А потом какая-то твоя соседка, Оля Невструйло, подтвердила, что видела, как тебя ночью привезли на машине к подъезду, как ты там стоял, ходил за сигаретами, а главное — она поминутно подтвердила, что ты быстро сходил до киоска и быстро вернулся. Следствие подсчитало и посчитало, что ты остаешься свидетелем, но домашний арест с тебя снимают.

— Я могу вернуться в свою квартиру?

— Можешь, но на твоём месте я бы не стал этого делать.

— Почему?

— Машина, на которой тебя привезли от Сары, и машина, на которой увезли Тамару, предположительно, одна и та же машина.

— Предположительно?

— Да, есть некоторые признаки. И потом, желательно, чтобы у твоей теперешней жизни были свидетели. А уйдешь к себе, и никто ничего не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть. Ты же одинокий?

Как ни печально было это, но пришлось согласиться. Да, я был одиноким. Еще удивительно, что Оля меня видела ночью. Тетя Оля Невструйло — местный асоциальный элемент, алкоголичка. Она имеет привычку не доходить до своей квартиры и ночевать где-то около, невзирая на время года и погодные условия. Сейчас Оля спасала меня, я просто должен был проставиться — купить бутылку водки своей спасительнице.

— Да, я одинокий. И свидетелей моего существования практически не имеется.

— А ты женился?

— Женился. Давно, еще в университете.

— И удачно?

— Мне так часто кажется, — Саша засмеялся. — Да ты знаешь мою жену, это Белла, помощница Сары.

— Белла — твоя жена?

Я был удивлен этим сообщением, даже, пожалуй, больше, чем известием о свидетелях и машине. Я думал, что Саша расскажет о какой-то успешной женщине, богатой и знаменитой, но никак не ожидал, что жена юриста может быть прислугой в доме Сары.

— Любовь зла?

Саша засмеялся очень громко, так громко, что я вздрогнул. Сомневаюсь, что это был смех от души. Просто, делая так, он демонстрировал свое превосходство. Он понял, что своим вопросом я хотел сказать ему свое «фи», а он форсировал мое чувство пренебрежения.

— Любовь прекрасна, когда она — любовь!

— Высокопарно, однако...

— Отнюдь, батенька, отнюдь.

— Белла, она не служанка, не помощница по хозяйству, она — учительница Даниеля. Просто иногда по доброте своей душевной она помогает Саре.

— Учительница? Разве Даниель не посещал школу?

— Почему же? Посещал! Белле тяжело работать в школе, дети такие шумные и дерзкие, а тут Сара предложила ей эту работу, ну она и согласилась. Видишь, теперь и я вхож в этот дом. Сара помогла Белле, Белла помогает Саре и её внуку. Я люблю свою жену, хочу, чтобы ей здесь хорошо работалось, поэтому консультирую старуху по юридическим вопросам.

— А зачем тебе, чтобы жена работала? Ты плохо зарабатываешь? — я с сомнением оглядел Сашу. — По тебе не видно...

— Знаешь, друг мой, — прищурившись, Саша изрек прописную истину. — Каждый человек живет сообразно своим

представлениям. Белле нравится работать с Даниелем, это её выбор, к тому же Сара щедро платит за хорошую работу.

— И тебе?

— И мне.

— Боюсь, что мне с тобой не рассчитаться.

— А тебе и не надо. За тебя уже всё сделали, — Саша посмотрел на меня с презрением, посмотрел как на человека, живущего за чужой счет, — живи в свое удовольствие!

Я чувствовал себя размазанным. Этот успешный человек укачивал мне на мою несостоятельность, так давно в школе он молча, лишь одним только взглядом выражал свое пренебрежение тем, кто не мог правильно произнести фразу или решить задачу.

Завтрак прошел в молчании. Точнее, мне показалось, что в молчании, ведь я не проронил ни слова. Я ждал, когда уйдет Саша и его жена, мне хотелось обсудить с Сарой мое освобождение.

За столом кроме Сары с внуком, меня и Саши с Беллой был еще и школьный рабочий, который вставлял в моей комнате дверь. Они смеялись и обсуждали темы, понятные только им одним, я для них был чужаком. У меня сложилось впечатление, что эти люди Саре очень близки, гораздо ближе, чем я ей. Мне было обидно, но я сам был виноват, я сам решил не общаться с крестной, не приезжал, не навещал, неудивительно, что Сара нашла замену моему обществу. Это было уроком для меня, своим настоящим положением дел Сара как бы говорила мне: «Смотри, что бывает с людьми, забывающими своих друзей!». Но, тем не менее, опекуном Даниеля она хочет назначить меня. Значит, я ей не чужой. Значит, она верит мне больше, чем кому-то другому.

Завтрак закончился. Саша отправился в свой офис, Белла повела Даниеля на занятия, рабочий ушел в школу. Мы с Сарой были за столом одни, она что-то писала в своем ежедневнике, виденном мною в её спальне прошлой ночью, я пил чай и всё никак не решался начать разговор.

— Сара, я хочу к себе домой!

Сара молчала и продолжала делать записи.

— Сара!

Сара посмотрела на меня долгим взглядом. Я затрудняюсь сказать, чего было больше в этом взгляде — опасения за меня или опасения за себя, но что точно, так это то, что она беспокоилась. Она не хотела меня отпустить, хотя и понимала, что удерживать взрослого человека в неволе она тоже не может. Домашний арест был идеальным выходом для её планов. А теперь — вот: «Сара, я хочу домой!».

— Рим, ты же понимаешь, что тебе нельзя домой! Саша тебе рассказал, что частично с тебя подозрения сняты?

— Поэтому я тебе сейчас и говорю, что еду домой.

— Я не знаю, как тебе запретить это сделать...

В её глазах и правда было беспокойство. Нет, не эта молодая суетливость и желание что-то немедленно предпринять, а мудрое беспокойство, которое некоторые называют предвидением. Мне хотелось ей крикнуть: «Не каркай! Не каркай, старая ворона!». Но, опять-таки я понимал, как она права. Нет, она не станет меня удерживать, она прижмет меня интонацией и взглядом, как умеют это делать только матери.

— Пообещай, что ты сегодня вернешься?

— Обещаю!

Мне показалось, что Сара поверила мне. Она отвернулась от меня и продолжила писать в своем ежедневнике.

— И еще один вопрос! — Сара подняла голову от своих записей. — У тебя все комнаты в доме сообщаются между собой?

— Заметил? Да, это всё из-за Даниеля, он время от времени убегает, так его проще контролировать.

— И моя тоже сквозная?

— Твоя? Твоя — да, а та комната, в которой ты живешь, — нет.

— Не понял...

— Фу, Рим! Какое убожество! Надо говорить: «Мне непонятно»!

— Мне непонятно!

— У тебя в доме есть своя комната, а та, в которой ты живешь, — гостевая. Она абсолютно изолированная.

— А где моя комната?

— Твоя комната — последняя дверь в коридоре, рядом с моей и комнатой Даниеля.

— Если так, то почему я живу в гостевой комнате?

— Рим, ты пока не член моей семьи, а гость. Ты ведь еще не дал мне свое согласие стать опекуном Дани?

Она повернулась ко мне и пытливо смотрела в мое растерянное лицо:

— Я ведь права? Ты не согласен?

— Сара, дай мне время созреть, я уже близок к окончательному ответу.

— Ну, дозревай. Только поторопись, мое время уходит. Не опоздай!

— Я услышал тебя.

— Ужинаем мы в девять. Тебе вызвать такси?

Такси я боялся теперь как огня. К тому же денег на проезд в такси у меня тоже не было, а признаться Саре в несостоятельности было выше моих сил, она и так многое для меня сделала, еще не хватало — кланчить деньги. Но Сара не была бы Сарой, если бы не была заботлива во всем, до конца. Провожая меня из ворот старого Сариного дома, помощница Белла сунула мне в руку портмоне: «Сара сказала, чтобы вы взяли». Дверь с тихим скрипом закрылась. Я стоял на окраине городка, щурился на холодное осеннее солнце и разглядывал под своими ногами первый снег.

В доме Сары я провел почти три дня, но мне казалось, что прошла целая вечность. Вот уже и снег выпал. Из окна моей комнаты не видна была улица, я видел лишь, что погода не улучшилась. В тонкой куртке и осенних ботинках было холодно, но я решил добираться до дома пешком, надо было

освежиться и подумать. Я чувствовал себя выздоравливающим после болезни, когда долго не был на улице, не знаешь, сколько всего произошло, и окружающий тебя мир принимаешь с восторгом первопроходца. Отойдя немного от дома, я оглянулся, Сарино жилище выглядело привычно милым и ухоженным. Мне показалось или нет — кто-то тайком смотрел на меня из-за занавески.

Дорога в мой район была неблизкой, но мне она не казалась обременительной. Мои ноги с детства привыкли проходить её несколько раз в неделю, тогда бабушка сэкономила деньги, и мы ходили на окраину пешком через весь город, минуя автомобильные трассы и многолюдные места. Все дорожки и тропинки на пути были протоптаны моими детскими ногами. Я шагал, глядя себе под ноги, холод забирался за ворот, с веток деревьев на мою босую голову постоянно сваливались шапки снега. Я ежился и старался как можно быстрее дошагать до пункта назначения.

— Рим Иванович!

От неожиданности я вздрогнул. Передо мной стояла школьная учительница Светлана Михайловна. Это очень трепетная женщина, которая считала своим долгом всех всегда поддерживать.

— Рим Иванович, как вы?

— Как я? Нормально, спасибо.

— А я всё думала, как вы? Надо же, так, с бухты барахты, обвинили человека. Разве так бывает, чтобы учитель убил свою ученицу?

Я с жалостью смотрел на учительницу. Бедная птичка, субтильная и возвышенная, уж кто-кто из учителей, а она точно была феей. Даже не феей, нет! Эльфом! Маленькая, нежная, на тонких ножках, колокольчика в руках для полноты картины только не хватало. В школе учителя между собой называли её трепетной ланью.

— Светлана Михайловна, в человеческой жизни чего только не случается! Я — обычный человек, мог и убить. Полиция должна работать, вот она и работает.

— Так это вы убили Тамару?

— Я? Вы думаете, что я бы сейчас разговаривал с вами на улице?

— Ах, ну да, ну да! Говорят, вы скрываетесь?

— Кто говорит?

— А вот бабушка этого ненормального ученика. Бабушка Даниеля. Говорят, она когда-то в школе нашей работала, еще до того, как я туда устроилась. Она приезжала за документами и рассказывала всем, что вас выпустили под домашний арест, а вы скрылись.

— Бабушка Даниеля?

— Да.

— А она откуда знает?

— Сказала, что общается с кем-то из следствия, но мы не верим, что это вы Тамару...

— Мне всё равно.

Я повыше поднял ворот куртки и, спрятав руки в карманы, быстро зашагал прочь.

— Рим Иванович, а вы куда?

— Домой. Прощайте, Светлана Михайловна!

Я шел по дорожке, тяжелыми ногами приминая первый снег, ботинки скользили и оставляли после себя смазанные следы. Я знал, что Светлана Михайловна смотрит мне вслед, вытянув маленькую головку, как любопытная пугливая птичка. Значит, Сара появлялась в школе и распространяла про меня слухи. После её слов, что она не хочет отпускать меня в мое жилье, я стал подозревать, что она играет свою собственную игру. Она во что бы то ни стало хотела сделать меня опекуном Даниеля. И этот случай с Тамарой оказался очень ей на руку. Я хотел побыстрее добраться до своей квартиры, привести свои мысли

и чувства в порядок. После встречи со Светланой Михайловной я решил в дом Сары не возвращаться. Но, что следовало сделать в первую очередь, я хотел зайти к Оле Невструйло, которая спасла меня своим пьянством. С пустыми руками Оля бы меня не приняла, и я зашел в ближайший супермаркет за бутылкой.

Среди батареи блестящих водочных бутылок я выбрал самую дешевую водку, но зато — две бутылки. У кассы я достал портмоне и застыл. Все два отдела портмоне были до отказа набиты деньгами, причем крупными купюрами. Сара покупала меня, покупала беззастенчиво и грубо. Мне захотелось укусьить себя за руку, за предательскую руку, которая взяла у Беллы протянутый кошелек. Здесь мне почему-то вспомнился сон, который приснился мне у Сары, про бабушку, протягивающую мне нечто неизвестное и тяжелое, про то, что этот предмет выпал из моей руки и громко стукнул об пол. А я думал, что это рабочий уронил инструмент, разбудив меня, оказывается, это упала моя совесть. Продавец ждала, когда я протяну ей деньги, но я протянул не деньги, а портмоне: «Возьмите сами, сколько необходимо». Девушка нимало не удивилась моей просьбе, проворно достала купюру из моего кошелька, отсчитала сдачу и протянула мне пакет с водкой: «Приятных покупок!». Дежурная улыбка делала её лицо малосимпатичным. Современные девушки чужды условностей и комплексов. Кошелек, полный денег, мог смутить только такого придурка, как я.

Оля Невструйло жила рядом со мной, в моем доме в соседнем подъезде. Дверь я знал, впрочем и знать наверняка было необязательно, её дверь была самой страшной на площадке. Я позвонил, потом подумал, что звонок мог и не работать, и для верности еще постучал. За дверью раздались тихие шаги, не сомневаюсь, что в глазок на меня смотрели. Этот осмотр длился достаточно долго, так долго, что я даже подумал, что шаги мне слышались, и постучал в дверь возмутительно громко. Кто-то с той стороны долго гремел ключом, а потом дверь тихонько

открылась. На меня робко смотрел один Олин глаз, второй скрывала дверь, хозяйка чуть слышно, одними губами, прошептала: «Входи!». Как ни странно, но Оля была трезвая и по всей видимости уже не первый день. Лично я видел Олю трезвой впервые в своей жизни.

Оля прошла в одну из комнат и поманила меня рукой. Я безропотно последовал за ней, надеясь, что ничего страшного меня в той комнате не ждет. Нет, всё было спокойно. Оля закрыла за нами дверь. В комнате был полумрак, окна зашторены, даже старый телевизор не работал.

— Спишь?

— Прячусь.

Оля была намного старше меня. Я был мальчишкой, а она уже тогда была горькой пьяницей. Весь двор звал её Олькой-алкашкой, а она не возражала. Она никогда нигде не работала, денег ни у кого не занимала, и весь двор удивлялся, на какие деньги Олька пьет. Моя бабушка жалела её, она помнила пьянчугу еще молодой девчушкой. Бабушка говорила, что у Ольги пьянство наследственное, так же пили мать и бабушка женщины. Олька была доброй и часто играла с детьми во дворе, за что соседи еще называли её ненормальной. Кто знает, может, она такой и была. Так что увидев сейчас Ольгу трезвой, я очень удивился. Удивление за последние несколько суток стало моим естественным чувством. Мне казалось, что я каждую минуту чему-то удивляюсь, и даже внутренне готов к подстерегающим меня новостям.

— Оля, я так тебе благодарен. Ты даже не представляешь как!

Олька смотрела на меня потухшими глазами. Мне даже показалось, что она не понимает, кто я и зачем пришел. Её сторбленая фигурка в темной комнате на краю неубранной кровати выглядела совсем пришибленной.

— Ты извини, но я принес тебе водки. Еще денег могу дать, если хочешь.

— Денег мне не надо, у меня уже есть, — она вынула из-за пазухи мятые купюры, показала их мне и спрятала обратно, — а водку давай!

Мне показалось или Олькино лицо и впрямь засияло?

Я положил две бутылки на кровать. Оля на цыпочках вышла из комнаты и быстро вернулась обратно, неся в трясущихся руках два граненых стакана.

— Разливай!

— Нет, я не буду.

— Будешь!

Я открыл крышку на бутылке и неловко, расплескивая содержимое на кровать, налил Ольке полстакана, а себе чуть на дне. Мне и вправду вдруг захотелось выпить. Оля посмотрела, как я пью, потом запрокинула голову, и её горло пришло в движение, пила она жадно, как пьют воду в жару, мне показалось, что остатки из стакана она выльет себе на голову и размажет по лицу стекающие капли. Но она просто жадно выпила и налила еще.

— Больше не буду! — я накрыл ладонью стакан.

— Будешь! — она выдернула стакан и налила мне.

Мы опять выпили. Я пил. Пил вместе с Олькой-алкашкой и ничего не мог с собой поделаться. После третьего стакана Оля закрутила крышку и поставила бутылку на кровать.

— Ложись! — она указала на кровать.

Я послушно лег. Она легла рядом.

— Курить хочется, а нельзя! Водку пить хочется, а нельзя! Потрахаться с тобой и то — нельзя!

— Почему нельзя?

— Ничего нельзя! Я обещала, что уеду. Она мне даже денег дала, вот, — Оля показала на свою грудь, — но куда мне ехать? Затаилась я, пережду маленько, пока суматоха эта с Тамаркой успокоится.

Это её признание было для меня как ушат холодной воды. Я шел к Ольке, чтобы услышать именно это её признание,

я чувствовал, что Сара и здесь поработала. Оставалось надеяться, что проститутка с описанием внешности убийцы была настоящей.

— Значит, в ночь убийства, ты меня не видела?

— Видела! — Ольга медленно и уверенно повела головой вбок.

— А зачем тебе Сара денег дала?

— Какая Сара? Я Сару не знаю! — женщина отрицательно покачала головой.

— А кто?

— А ты никому не скажешь? Дай мне честное слово!

— Честное слово!

— Тамарка-покойница!

— Тамарка???

Я думал, что от удивления мой рот открылся шире положенного. Ольга даже рассмеялась пьяным смехом.

— Тамарка. Она посадила меня в кусты, чтобы был виден твой подъезд, и сказала, чтобы я ждала тебя и всё запоминала, а потом рассказала полиции.

— И что ты запомнила?

— Как Тамарка и сказала, тебя привезли на светлой Жиге, старой, разбитой. Положили на лавку, ты полежал, потом встал, стал бродить у подъезда, потом пошел за сигами, вернулся, курил, зашел в квартиру. Я еще проверила, точно ты зашел или нет, проследила до твоей двери и пошла домой, Тамарка дала мне водки.

— А Тамарка?

— А потом Тамарку убили и говорят, что ты.

— А ты веришь, что я?

— А мне что? Какая разница? Главное, Тамарку убили, а она была хорошей, красивой и молодой, столько трахаться еще могла...

Ольга вздохнула, было видно, что ей хотелось курить и трахаться.

— Так, а что ты прячешься?

— Боюсь! Тамарка сейчас ко мне ночами приходит и говорит, чтобы я не пила, не курила, на мужиков не залазила. Короче, опасаясь я её!

— Кого? Тамарку? Она же померла!

— Не померла!

— Как не померла?

— Её убили!

Я понял, что Олька-алкашка совсем пьяная и несет невесть что. Я повернул её на бок, накрыл одеялом и вышел из квартиры. Надо было возвращаться к себе.

ТАМАРКА

Когда я вернулся в свою квартиру, было уже четыре часа дня. До ужина у Сары оставалось всего пять часов, и я должен был решить, возвращаться ли мне в домик на окраине или нет. Итак, что со мной случилось? Мне требовалось время, чтобы свести концы с концами. Я достал из ящика стола лист бумаги и карандаш. Я математик, и стройные схемы мне всегда помогали привести разум в норму, успокаивали. Я был любителем списков, таблиц и разных схематических картинок. Стоило разложить непонятные события, происходящие со мной, на понятные элементы и оценить степень сложности и запущенности. Но прежде я осмотрел квартиру, все-таки неделю я здесь не жил. Ничего не вызвало никаких подозрений, всё как всегда, только слой пыли на столе и зеркале, плесень в кастрюльке с кашей, смятая постель, открытая форточка, в которую я дышал после Сариного утреннего звонка. Я включил чайник на кухне и отправился составлять схемы. Лист бумаги лежал точно посередине стола, карандаш был остро заточен, я снял обувь и куртку и уселся у стола. На листе крупным размашистым почерком, но с очень слабым нажимом, так, что буквы едва проступали, было написано: «Я живая». Я оглянулся по сторонам, мне показалось, что кто-то прячется в моей комнате. Я побежал на кухню, отыскал злополучную пачку сигарет и закурил. Руки ходили ходуном, я стал бояться за свой рассудок. Ключ от квартиры был только у меня, квартира находится на втором этаже, кто мог быть тут и написать мне это сообщение. Одно из двух — либо

кто-то целенаправленно сводит меня с ума или Тамарка на самом деле жива.

Я осмотрел квартиру еще раз. Открыл все ящики и шкафы, тумбочку, заглянул под кровать и под ванну, проверил за шторами и зимней одеждой. Квартира была маленькой, на осмотр ушло не более десяти минут. Никаких признаков чужих в квартире не обнаружилось. Потом я подумал, что несколько раз за эти дни находился в бессознательном состоянии и кто угодно мог взять мои ключи и воспользоваться по своему усмотрению. Телефонный звонок из полицейского участка мог оказаться правдой, и мне могла звонить Тамара, а мог и кто-то еще. Записку мог написать тоже кто угодно, тем более, что бумагой в квартире последний раз я пользовался очень давно, и любой, кто был у меня, мог написать эту записку заранее. Чайник на кухне грохотал, я сидел посреди комнаты и мял в руках сигаретную пачку. Привести в порядок мысли сегодня вряд ли мне удастся. Я боялся, до дрожи в коленях боялся, обнаружить еще какой-нибудь сюрприз. Единственный выход из своего состояния я видел во встрече с проституткой, которая описала убийцу Тамары, но я не знал ни её имени, ни даже того, а была ли она на самом деле.

Я посмотрел на часы. Было семь. Оказывается, я целых три часа метался по квартире, а казалось, что прошло совсем немного времени. За целых три часа я не сумел осмыслить всего того, что происходит со мной. Надо было решать, возвращаться ли к Саре. С одной стороны, я понимал, что возвращаться мне совсем не хочется и дело было совсем не в том, что я чего-то боялся, а в том, что, без сомнения, кто-то пытался мною манипулировать, и я боялся окончательно узнать, что это Сара. Но опять-таки мне не хотелось, чтобы она волновалась, переживала, изворачивалась, я ожидал, что она спокойно и честно расскажет мне обо всем. И в этот момент я должен быть у неё под рукой. Вопрос с Даниелем меня сейчас совсем не беспокоил,

ибо явно мое опекунство не могло стать причиной всех происходящих событий. Или могло? Может, кто-то против и пытается помешать мне. Так я с радостью уступлю ему свое почетное место, глупо думать, что я буду держаться за этого больного ребенка. Я твердо решил переночевать у Сары, а с утра отправиться на поиски проститутки, видевшей убийцу.

В доме была открыта входная дверь, то ли меня ждали, то ли еще что случилось. Я самостоятельно прошел в дом, на старой половине было тихо, я решил, что что-то серьезное случилось, возможно, с Сарой или Даниелем. Я ушел из дома и целый день не звонил, Сара могла разволноваться, что я не вернусь. Но по мере приближения к прихожей я мог уже слышать смех и разговоры. У Сары праздник? Я заглянул в комнату. Все были в сборе: Сара с Даниелем, Саша Грац с Беллой и еще какая-то девушка. Они слушали, как Даниель читает стихи. Парень с серьезным выражением лица шпарил Пастернака. Но это было совсем по-другому, нежели в прошлый раз с Барто. Это стихотворение он читал весьма осмысленно, я бы даже сказал — артистически. «Никого не будет в доме, кроме сумерек. Один зимний день в сквозном проеме незадернутых гардин...» Пальцы Даниеля парили в воздухе, казалось, что если дать ему в руки какой-то инструмент, арфу, например, то он бы смог сыграть чарующую мелодию. Я заслушался, впрочем, не только я. Все внимали Даниелю, словно он произносил важную речь. Последние слова были произнесены, рука Даниеля на секунду задержалась в воздухе и упала. На лицо мальчика вновь опустилась тень безразличия. Перевоплощение было полным, я готов был поверить в то, что мальчик не имеет никаких отклонений.

— Браво, Даниель! Браво, Белла! Это прекрасный стих о зиме! — я хлопал в ладоши, что есть мочи. — Почему входная дверь открыта? Это вы меня так встречаете?

— Добрый вечер, Рим! Ты опоздал к ужину! — Сара смотрела на меня с укоризной. — Есть хочешь?

— Очень. Я шел пешком, свежий воздух очень бодрит и пробуждает здоровый аппетит. Некрасов написал про меня: «Славная осень! Здоровый ядреный воздух усталые силы бодрит...». Правда, Сара?

— Правда, Рим! Это Некрасов, отрывок из «Железной дороги». Только мы читаем стихи про зиму. Зима на дворе. Как тебе первый снег?

— Холодный.

Все пили чай, хвалили Беллу, что она так здорово разучила с Даней стихи. Я рассматривал всех с любопытством, мне показалось, что эти люди предстали в другом свете передо мной. Я стал думать, что все они играют роли и более ничего: Сара — старая Прима, все перед ней заискивают, клянутся в любви и почтении; Даниель — умалишенный, которого обожает старая Прима; Саша Грац — хитроумный юрист, играющий разумом и капиталами старой Примы; и Белла — сообщница Саши, волк в овечьей шкуре. Один вопрос вызывал во мне понятный трепет: какая роль здесь у меня? Я казался себе чужеродным элементом, введенным автором в пьесу с неясною целью: ни паяц, ни герой, ни жертва. Может, я — инструмент? Только для чего? Глядя на группу этих единомышленников, мне казалось, что они в сговоре. Только вот в каком? Они хотят свети меня с ума или у них другие цели. Зачем я им понадобился? Они самодостаточны и без меня. Саша и Белла стали собираться домой.

— Белла, разве вы не живете в доме? — вопрос мой был настолько дерзким, настолько и неожиданным.

Белла удивленно моргнула:

— В доме Сары? Конечно, нет! У нас есть свой дом. Я иногда остаюсь ночевать, как в прошлую ночь, но только по необходимости. А так я предпочитаю свой дом. А почему вы спросили?

— Спросил, потому что считал должным это выяснить, ведь я ничего не знаю про вашу жизнь в доме. Вот если бы Сашка не сказал, что вы муж и жена, я бы до сих пор ничего про это не знал.

Саша, Белла и Сара переглянулись.

— Рим, не бузи! — Сара устало махнула рукой. — Просто не было времени и случая тебе про это рассказать. Да и какая разница, супруги они или нет. Я просто их люблю, они мне помогают, мы дружим.

Белла и Саша расцеловали Сару и Даниеля и распрощались. Мы остались в доме одни. Я закрыл все двери и запоры, мне предстояла еще одна ночь в доме крестной. Я устал и хотел спать, поэтому мне нужна была спокойная ночь, без происшествий.

Сара укладывала Даниеля спать, я сидел в зале и пил уже, наверное, десятую чашку чая. Вечер не обещал покоя. Прошло минут тридцать, и я отправился к Саре. Сара, как и прошлой ночью, стояла на коленях у кровати внука и тихонько пела ему колыбельную. Я подумал, что через какое-то время это станет уже моею обязанностью. Холодок неприязни кольнул мое сердце, я никого не желал нянчить. Вот у Саши есть Белла, и они давно женаты, а у меня нет никого. Если бы у меня была жена, она бы мне помогала управляться с парнем. Жениться? Но у меня даже и девушки не было. Да и не каждая жена захочет иметь в своей семье такую обузу. Кто он мне этот Даниель? Даже и не дальний родственник. Почему я должен взваливать на себя эту ответственность? Его присутствие будет не только ограничивать мою свободу, он будет при мне вечно, пока он дышит, пока я дышу. Смогут ли деньги окупить такие жертвы?

— Рим? — усталая Сара смотрела на меня с неудовольствием. — Почему ты еще не спишь?

— Я хочу поговорить с тобой!

— О чем? Мне кажется, мы уже всё с тобой обсудили. Дальнейшие разговоры возможны, только если ты согласишься стать опекуном. Если нет, то я для тебя чужой человек.

— Сара, а почему я должен стать опекуном твоего внука? Ты что-то придумала и хочешь, чтобы всё было, как ты мечтаешь?

— Мечтаешь? Рим, я давно уже ни о чем не мечтаю. Я хочу устроить жизнь двух дорогих для меня людей. Я знаю, что им будет хорошо вместе. Почему же я не могу этого сделать?

Сара смотрела на себя в зеркало, и то, что она там видела, мне так показалось, её не устраивало:

— Смотри, Рим, я уже старуха. Я — больная старуха. И такое положение вещей объясняет всё. Мне нужна замена. И этой заменой я вижу только тебя.

— Почему ты не предлагаешь этого Белле и Саше?

— Белла и Саша — чужие, а ты — родной, свой. Как этот дом, как этот запах, как эта рубашка на моем теле.

— Сара, мы не родственники с тобой, — я выдавил из себя эти слова, хотя знал, что Сара расสวิрепает.

Но нет, она смотрела на меня абсолютно спокойно:

— Не говори глупостей, ты и твоя бабка были для меня единственными родными людьми. Всегда. Если хочешь знать, вы мне даже роднее и дороже, чем мой внук. Он никогда не сможет ответить мне взаимностью, не поговорит со мной, я для него просто помеха слева, справа, спереди, я — дерево, стул, стол. Я просто знакома ему, по мне он сверяет свой мир, но он не любит меня, потому что к любви не способен.

Сара была несчастна и говорила мне об этом.

— А кто эта девушка, которая слушала стихи, а потом быстро ушла?

— Девушка — Мирра, она одноклассница Дани. Она иногда приходит побыть с ним, они с матерью живут неподалеку, её мать тоже помогает мне по хозяйству.

— Столько людей у тебя в доме, а ты выбираешь опекуном именно меня.

— Рим, я тебе уже всё объяснила.

— Знаешь, Даниель сегодня так хорошо читал стихи. Я даже не поверил, когда услышал. Белла все-таки молодец!

— Ты заметил, да? — Сара заметно оживилась. — Даня и вправду читал очень хорошо, а главное так быстро разучил, с таким чувством! Знаешь, у него бывают просветы в сознании. Когда Даниель был маленьким, такие просветы были частыми.

Это давало мне надежду на его выздоровление, но подростковый возраст всё забрал. Ясное сознание к нему возвращается очень нечасто, но когда возвращается, он очень разумен. Жаль, что это бывает редко и ненадолго.

— А так бывает? — я был удивлен.

— Бывает. Это что-то невероятное, но врачи говорят, что такое иногда случается со всеми. Он как бы становится обычным, таким, как все, с ним можно говорить и смеяться, как с обычным человеком. Такое его состояние может длиться несколько суток, а потом — раз — и всё прошло, как щелчок тумблера. Сумеречное состояние — это его обычное существование, но иногда он выходит из своих сумерек. Не знаю даже, радоваться этому или нет. Я хочу устроить ему нормальную жизнь, но знаю, что ему всего этого совсем не надо. Единственное, что ценит Даниель, — тишина. Ну, еще и цифры.

— Расскажи мне, какое богатство я получу, если соглашусь его опекать.

— Расскажу, но только когда ты согласишься и подпишешь все документы.

— Кот в мешке?

— Не совсем. Но близко. Таковы условия игры.

— Какой игры?

— Игры, которую придумал дед Даниеля. А я теперь вынуждена выполнять все его дурацкие условности. Саша Гращ следит, чтобы всё было по правилам.

— Значит, Саша здесь всё же неспроста?

— Правильно. Мы все здесь каждый на своем месте.

— Сара, а какая функция в этой игре у Тамары?

— Тамара? — Сара удивленно подняла брови. — Тамара не имеет к нам никакого отношения, кроме того, что ты мог её убить.

— Я её не убивал!

— И я тебе верю! — Сара была очень убедительна, если она и врала мне в чем-то, то сама свято верила в эту ложь.

— Ты думаешь, Тамара мертва? — этот вопрос я хотел задать крестной весь вечер и до конца не был уверен, что мне удастся спросить её об этом.

— Я верю полиции! — категоричный ответ должен был указать мне правильный способ мысли.

— Хорошо, я тоже буду верить полиции, — я поцеловал Сару в щеку. — Спокойной ночи, Сара! Извини, еще вопрос. Последний. Скажи, как зовут проститутку, которая описала полиции внешность убийцы?

Не думаю, что Сара ожидала услышать этот вопрос от меня. Перед ответом она чуть заметно прикусила губу:

— Я не помню, как её зовут. Но можно узнать завтра у Саши. Спокойной ночи, малыш!

Я отправился в свою комнату.

По комнате бродили тени. Ветер раскачивал во дворе фонарь. Тени деревьев и тень фонаря металась по стенам гостевой комнаты. Это было в духе Сары подчеркнуть воспитательный момент и поселить меня в комнате для гостей. Переход в статус «своего» я должен был еще заслужить, при всем этом она постоянно убеждает меня в своей любви и привязанности. Кажется, что она уже ко всем окружающим стала применять методы воспитания, отработанные на внуке: хочешь мобиль — читай стихи. Если бы не этот случай со смертью Тамары, я бы уже давно согласился стать опекуном Дани. Сара умело манипулировала людьми, в этом деле ей не было равных. Смерть Тамары выбивала меня из колеи и заставляла противиться судьбе в лице Даниеля. Хотя прямой связи между этими двумя никакой не было, но для меня эта связь существовала. Сара ставила мне условие: хочешь легкой жизни — возьми внука. Я ставил условие себе: хочешь внука — разберись со смертью Тамары. Оба условия сходились на одном, на внуке. У двух уравнений была одинаковая переменная, их нужно было решать системой. Объяснения, почему именно так,

у меня не было, поэтому я его так сформулировал для себя: жопой чувствую. Поразмыслив над этим, я лег на кровать, раздеваться не хотелось. Сара ночью меня не увидит, а если так, то я могу запросто поспать в одежде. Лень и дремота овладели мною, засыпая, я думал об анисе и о том, что завтра попрошу Сару не добавлять его в чай.

Проснулся я очень рано, часы над дверью показывали пять часов. Осенние сумерки еще не рассеялись, по комнате по-прежнему метались уличные тени. Я лежал на спине и размышлял, отчего же я проснулся так рано. Ветка ранетки терлась о стекло, качели скрипели. Тоска. Так думал я, слушая звуки природы, мерзнущей за моим окном в это осеннее утро. Стоп. За моим окном нет ранетки. Я в доме у Сары. Я на цыпочках подошел к окну и робко выглянул из-за тяжелой шторы. Воспоминания о бледном лице Даниеля в бледном лунном свете были еще очень свежи. Я не хотел посмотреть в окно и обалдеть от неожиданности. За окном никого не было, и это удивило меня больше, чем могло бы удивить появление чьего-то лица, к неожиданностям я стал несколько привыкать. Вместо лица в неверном утреннем свете на стекле белела бумажка. Я с осторожностью приоткрыл окно и затянул бумажный лист внутрь. Красная краска уже стала растекаться по листу. Автор послания, очевидно, боялся, что утром я не смогу уже ничего на этом листе прочитать, поэтому заботливо постучал в мое окно, от этого стука я и проснулся. Красным карандашом было написано: «Елена Беленькая». Я несколько секунд пытался сообразить что к чему. А потом меня посетила догадка, что так зовут проститутку, которая видела убийцу Тамары. Кто-то подтаскивал меня к правильному решению. Итак, что я имел? А имел я только имена людей, которым говорил про эту подругу Тамары. Кто из них принес мне это послание и почему таким способом. Это могли сделать Олька-алкоголичка, Сара, Саша, Белла и еще тот, кто знает о моих поисках и о существовании

кого я не знаю. Сару я отбросил сразу, она бы не стала так издеваться ни надо мной, ни над собой. Оставались все другие из списка и возможные неизвестные. Впрочем, выяснять что-то про информатора я не собирался, я должен был найти эту Елену Беленькую.

День прошел дежурно: завтракали, обсуждали погоду и новости в мире, Сара размышляла о новогодних и рождественских праздниках, обедали, после обеда я смотрел, как Белла занималась с мальчиком, потом — читал ему книжку про животных и слушал, как он виртуозно щелкает элементами мобиля, после ужина следовало пить чай и беседовать, но я сослался на усталость и отправился спать, размышляя, подлили ли мне сегодня аниса или нет. Ничего не почувствовав, стал собираться: я твердо решил отправиться на трассу и найти проститутку, составившую словесный портрет в полиции. Официально уходить через дверь, оповестив всех об уходе, мне совсем не хотелось, поэтому я решил вылезти в окно и, перебравшись через забор, пешком отправиться в свой район. Выждать время было почему-то мучительно, я ежесекундно смотрел на часы и размышлял, когда пора покинуть дом. Была половина десятого, я уже собирался надеть ботинки и вылезти в окно, но в дверь постучали. Это была Белла, она собиралась домой и принесла мне свежее постельное белье. Все мои возражения о том, что я не привык к прислуге, она восприняла абсолютно безразлично и перестелила мне постель.

— Я забыла сделать это днем, — она деловито поправила подушки. — Сара, если увидит, будет ворчать. Мы меняем постельное белье через три дня.

— Значит, я здесь уже три дня?

— Нет, больше, но я совсем забыла, что вы — член семьи и будете жить здесь долго.

— Я — член семьи? — я притворно удивился.

— Так по меньшей мере всегда говорит Сара.

— Интересно... — я изобразил на лице раздумья, — а мне она постоянно говорит, что я гость.

— Ну, да, — Белла улыбнулась, — но она ждет, чтобы вы стали членом семьи. Угловая комната для вас уже готова.

— Угловая? — мне нравилось прикидываться дурачком. — Какая угловая?

— Та, которая последняя по этому коридору, — Белла неоднозначно указала рукой направление нахождения этой комнаты, — ну, или первая, как вам больше нравится.

— А к чему эти условности?

Белла молчала, но я совершенно точно понимал, что она в курсе всего происходящего.

— Спросите у Сары, она это всё придумала, и все вопросы — к ней.

— Ах, да, естественно, — я картинно закивал головой, будто разгадал хитроумный замысел крестной, хотя у меня была масса вопросов, и я ничегошеньки не понимал. Догадки, которые я пытался строить, казались мне неуклюжими и внутренне неполноценными, мне требовались подтверждения, но я их не получал, и опровержения им я тоже не находил.

Белла перетрясала постельное белье и складывала его в ровную стопку на краю кровати, она направилась в ванную и вынесла в руках полотенца, большое — банное и маленькое — для лица и рук. Встряхнув большое, она ойкнула, что-то черное упало к её ногам. Я сделал пару шагов и склонился. Это был парик, который я не раз уже встречал в этом доме.

— Парик? — я вопросительно посмотрел на Сарину помощницу. — Это не мой.

— Я знаю, — Белла торопливо свернула парик и засунула в карман передника, как сделала это несколько дней назад, когда нашла его в переходе из старого дома в новый. — А чей он?

— Я не знаю, но он постоянно появляется в этом доме то тут, то там. Загадочный предмет.

Белла вроде как с извинением посмотрела на меня, я со своей стороны почувствовал необходимость поддержать её в её убеждении и понимающе хмыкнул:

— Да, уж... Но это не мой парик. Как он сюда попал?

— Теперь моя очередь говорить вам «Я не знаю», — Белла сгребла бельё в охапку. — Сладких снов, Рим!

Тихие шаги удалились по коридору.

Чужачество. Родственник или гость? Первая или последняя комната? Парик Даниеля или чей-то еще? Я почувствовал, что со мной играют в какую-то игру, где есть ограничения:

К вам приехала мадам,

Прикатила чемодан.

В чемодане сто рублей и коробочка соплей.

Велела: не смеяться, не улыбаться,

Черно-белое не носить,

Да и нет — не говорить.

Итак, вы поедете на бал?

От меня требовали ответов на незаданные вопросы, причем никто ничего не знал, и на мои вопросы однозначно не отвечали. Я ошибался, решив, что это — система уравнений с одним неизвестным, неизвестных было множество, и число уравнений двумя не ограничивалось.

Белла явилась в мою комнату неожиданно и с какой-то целью, и эта цель явно не была гигиенической. Неужели она должна была продемонстрировать мне этот парик? Или ей еще надо было что-то? Так или иначе, ко мне в комнату мог заявиться кто угодно, таким образом, мое отсутствие могли быстро обнаружить. Я отправился к Саре, чтобы пожелать ей спокойной ночи и сделать мое отсутствие по возможности незаметным.

У Сары опять был приступ головной боли, она лежала в своей комнате на груди подушек, на голове её было развернутое полотенце, оно прикрывало половину лица, так что я не мог видеть, спит она или нет.

— Сара! — я взял её за руку.

Сарина ладонь чуть сжала мою.

— Сара, тебе плохо? — я попытался приподнять край полотенца. Но Сара сжала мою ладонь сильнее.

— Ты что-то хотел? — голос крестной был чуть слышен, видимо, головная боль была сильной, и слова давались ей с трудом.

— Я хотел пожелать тебе спокойной ночи, — эта моя фраза была совсем уж детской, не это я должен был сказать в такой ситуации. — Тебе нужна моя помощь?

— Спокойной ночи, Рим! Боль уже проходит. Закрой двери за Беллой, она ночует сегодня у себя.

— Может попросить её остаться? — я боялся оставаться с Сарой и мальчиком один. — Вдруг тебе нужна будет помощь?

— Закрой за Беллой и ложись спать, мне уже лучше!

— А где она? — я и вправду не имел понятия, где следует её искать в этом доме.

— Укладывает Даниеля.

Если помощница укладывала мальчика, значит, её следовало искать в комнате смежной с Сариной. Я аккуратно, стараясь производить как можно меньше шума, чуть приоткрыл дверь. Белла была с Даниелем. Она сидела на краю кровати и рассматривала с ним какую-то книжицу, я бы даже сказал журнал, потому что формат книги был большой. Мальчик лежал в постели, на его тощей груди строго вертикально стояла эта книга, Белла переворачивала страницы и указывала на что-то, она чуть слышно говорила, почти шепотом. Я решил, что они читают какую-то сказку, потому что интонации были драматическими, в другой ситуации я бы сказал «интимными», но, безусловно, это были мои фантазии, какой интим может быть с больным человеком. Увидев, вернее услышав, Белла сидела спиной к входной двери, что кто-то вошел в комнату, она захлопнула книгу и положила её к себе на колени.

— Саре плохо, — этими своими словами я как бы извинялся за свой неожиданный визит.

— Ей уже лучше. Мне жаль, но я сегодня не могу остаться, мне надо домой, — слова Беллы не терпели возражения, я сразу понял, что даже если Сара будет сегодня умирать, она всё равно уйдет к себе.

— А как же мы? — говоря «мы», я имел в виду себя, Сару и Даниеля, хотя я хотел спросить только про себя. Белла, без сомнения, поняла, мой страх.

Она улыбалась и смотрела на меня как на ребенка:

— Даниель будет спать. Я дала ему успокоительное. Сарин приступ сейчас закончится, и она тоже уснет. А вы идите в свою комнату и тоже ложитесь в постель. До утра всё будет спокойно, я приду в половине восьмого, к завтраку.

— Хорошо! — я вышел из Сариних комнат в коридор, подошел к своей комнате повертел дверную ручку и направился в конец коридора, туда, где была «моя» комната. Интересно, почему Сара придавала такое большое значение тому чужой я или свой? Комната в конце коридора была, как и прежде, заперта, я покрутил ручку. Теперь я увидел разницу между дверями в коридоре: они были выполнены из одинакового материала, какого-то серого дерева, покрытого светлым лаком, дверные ручки на всех дверях были одинаковыми — в форме сжатого кулака — только моя дверь имела обычную стандартную ручку, круглую металлическую, без изысков. Размышляя над формой дверных ручек, я не заметил, как от Сары вышла Белла. Она тоже меня не увидела и поспешила из коридора. Только когда она потушила нижний свет в коридоре, я отвлекся от своих размышлений. Почему она была так уверена, что ночь без неё пройдет спокойно? Мне в голову пришли два объяснения: либо ей было всё равно, либо такая ситуация повторялась не единожды, и она была уверена в её благополучном завершении. Я предпочел второй вариант.

— Белла! — мой шепот заставил её вздрогнуть. — Белла, я закрою за вами двери!

Белла смотрела на меня, её глаза при тусклом свете блестели, она была чем-то взволнована и торопилась покинуть Сарин дом.

— Двери? Я сама могу их закрыть. Я считала, что вы уже спите.

— Сара сказала закрыть за вами двери.

— Сара так сказала? Тогда — конечно, тогда — закройте, раз Сара так сказала, — в её голосе чувствовалось недоумение, но по всей вероятности ей сейчас некогда было что-то уточнять.

— Я только положу книгу и надену пальто.

— Книгу можно оставить мне, я отдам её завтра Дане.

Это мое предложение вызвало у неё раздражение:

— Нет необходимости в этом. Я быстро оденусь и всё, муж давно ждет меня.

— Саша в доме? — я совсем не понимал, как разрешает Сара совсем посторонним людям хозяйничать в её доме, даже мне она этого не позволяла.

— В доме? Нет. Он в машине ждет меня, у нас сегодня важная встреча в ресторане, а я так сильно задерживаюсь. Сара со своими приступами как всегда некстати.

— А? У вас мероприятие? Желая приятно провести время, — я сказал это просто так, скорее — из вежливости, ведь как-то же надо было отреагировать на её слова.

Но Белла восприняла это как-то по-своему, она стала рассказывать, что муж её постоянно таскает на все свои деловые встречи, что это утомительно, после работы у Сары сидеть и улыбаться каким-то людям, пусть даже и очень нужным, что даже вкусная еда не компенсирует усталость, а все её мысли только о подушке. Я кивал головой и слушал, мне казалось, что Белла болтает о какой-то ерунде, чтобы отвлечь от чего-то важного, но сейчас мне было не до этого, я хотел как можно быстрее выпроводить её из дома и заняться собственными делами. Я подождал, пока Белла надевала верхнюю одежду, проводил её до выхода по пустым комнатам дома и успокоился лишь тогда, когда закрыл за нею двери.

Мне предстояло пройти одному через весь дом, эта необходимость неожиданно привела меня в страх: я боялся Сариного дома. Я стоял в старом доме и слушал тишину и зуммер маленькой электрической лампочки где-то высоко под потолком. Первые шаги показались мне невыносимо громкими. Пара шагов, еще пара и еще — всё не так страшно, как кажется вначале. Я шел по коридорам и комнатам, вспоминая, где Белла щелкала выключателями, и повторял её действия. Страх почти ушел, в таком темпе я дошел до комнаты Сары. Белла была права, Сара и её внук спали. Я, минуя свою комнату, дошел до тупиковой стены, туда, где по определению была моя комната. Я погладил закрытую дверь, мне захотелось войти в эту комнату. И тут мне пришла в голову мысль, что дом выстроен в форме круга, в форме карусели. Гостевая комната, в которой я жил, была единственной непроходной, в ней были окно во двор и дверь в коридор, она была как бы первая лошадка в круге. Остальные комнаты связывались друг с другом переходами, то есть, попав в одну из комнат, в любую, кроме гостевой, можно было обойти весь дом по кругу. Вероятно, старый дом был тоже частью этой сложной системы. Сара не доверяла мне, как гостю она отрезала мне возможность перемещаться по всем помещениям своего дома. Признаться, мне понравилась эта её задумка. Получалось, что та комната, в которой мне предлагалось жить, как члену семьи, тоже сообщалась с остальными, и по моим подсчетам она должна была сообщаться со старым домом. Каждый раз, проходя через весь дом, я попадал на улицу, а мог бы — просто зайдя в соседнюю комнату, быть сразу на улице. Мне хотелось немедленно ворваться в комнату Сары и потребовать ключ, чтобы проверить свою догадку. Но это было бы совсем неприличным, она только заснула после приступа. Еще был вариант. Если пойти в старый дом и найти новую дверь, то можно было бы попасть в закрытую комнату. Но я был уверен, что дверь будет тоже закрыта, если она вообще там будет. Я подумал, что можно

воспользоваться беспомощностью старухи и вскрыть чем-нибудь дверь. Эта идея была хотя и неплохой, но я вовремя вспомнил, что хочу найти подругу Тамары, Елену Беленькую.

У себя в комнате я изобразил из подушек на кровати спящее тело, накрыл его одеялом и переобулся. На улице было холодно, провожая Беллу из дома, я почувствовал запах сырости, тот запах, что свойственен нашей местности во времена межсезонья, запах снега и дождя, перемешанный с запахами прелой листвы и травы. Моя бабушка, бывало, говорила, что осень пахнет псиной. Теперь я был с ней согласен. Мне предстояло выйти в эту ночную псовую осень, и, видит Бог, мне этого очень не хотелось. Но гораздо больше нежелания что-то предпринимать было мое желание выбраться из дебрей этого дома, этой ситуации.

Я выпрыгнул из окна в деревянную галерею, через перила перебрался на землю и зашагал в противоположную от дома сторону, соображая, где лучше перелезть через забор. Прощел я совсем немного и по моим подсчетам должен был уже приблизиться к забору, но изгороди не было. Глаза привыкли к темноте, тучи, гонимые ветром, на несколько секунд открыли щербатый серп луны, и я увидел, что никакого забора нет. Есть рябина, старые заросли кустов, качели, пустые грядки и кольцо из строений, глухих строений, обступающих меня по кругу. Понятно, почему здесь дозволялось гулять Даниелю, одному, без провожатых. Я осознал, почему Сара поселила меня в гостевую комнату и не боялась, что я убегу. Стены были достаточно высокими, перелезть через них просто так, не имея никаких приспособлений, очевидно невозможно. Я стоял в растерянности посреди двора, хотелось плакать, я чувствовал себя ребенком, которому сказали, что Дед Мороз — переодетый сосед. Ничего из моих желаний и планов осуществиться не могло, Сара держала всё под контролем. Это не дом окружил меня кольцом, это старая бабка душит меня. Разочарование было настолько сильным, что я стоял под порывами сырого ветра

и даже не ощущал этого. Чувство опустошения и безрезультативность всех моих попыток создали в моем настроении существенную брешь. Я стоял посреди двора и чувствовал, что во мне дыра, дыра располагалась где-то в середине моего некрасивого туловища, которое сейчас мне виделось толстым пузатым нулем, через который со свистом летит осенний ветер и мокрый снег. Я забрался на деревянную террасу и прижался спиной к её шершавой стене, наверное, стоило вернуться в дом и улечься спать, но раскрытое коварство крестной вряд ли бы дало мне уснуть. Надо было что-то придумать. Я даже подумал о том, чтобы выйти из дома традиционным путем — через парадный вход. Шорох в деревянной галерее испугал меня, я еще теснее вжался в стену дома. В галерее появилась еще одна фигура, и это была не Сара. Даниель вышел погулять, он стоял поблизости от меня, его худая фигура была в длинном пальто, мне показалось, что он сейчас отправится на ночную прогулку. Из кармана он достал парик и надел его на голову, из другого кармана он достал перчатки и натянул их на руки. Щербатая луна вновь показалась из-за туч. Юноша, язык не повернулся бы теперь назвать его мальчиком, выглядел сейчас как молодой человек, и я поймал себя на мысли, как молодой человек из приличного дома. Он шел на прогулку в двенадцать часов ночи. И что? Даниель пересек половину двора и уселся на качели. Я однажды уже видел это. Мне захотелось пообщаться с ним, но пугать его тоже не хотелось, поэтому я двинулся по галерее, чтобы появиться перед его лицом, а не со спины. Испуганный человек, особенно если он не в себе, способен предпринять ужасные вещи, сейчас для меня было бы совсем некстати, даже если бы он просто вскрикнул. Я шел навстречу Даниелю, но он, казалось, не видит меня: он раскачивался, втыкая пятки ботинок в землю, в мокрый снег. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль, за крыши Саринной тюрьмы, может, он тоже хотел бежать, но не мог. Этаким печальный галчонок в клетке, и его

суровая бабка засовывает ему через решетку некоторые блага, считая такое обращение единственно возможным.

— Привет!

Ответом мне была тишина, Даниель продолжал тихонько качаться и рассматривать что-то за пределами крыш.

— Ты гуляешь?

Ответа не последовало, конечно, ведь Даниель общался с людьми только с разрешения Сары, после толчка в спину. Я зашел сбоку и ткнул Даню куда-то в ключицу, как учила меня Сара:

— Ты гуляешь?

— Поздняя осень: листья опали, холодно, дует ветер, идет дождь и снег. Ночь: темно.

— Ты гуляешь? — я повторил свой вопрос.

— Рим гуляет. Даниель гуляет.

Обратной связи не было, это было похоже на игру в сломанный телефон. Даниель описывал то, что видит, то, чему его научили Сара и Белла, беседы со мной он поддержать не мог. Наверное, он даже не понимал, что гулять ночью противоестественно.

— Я тоже хочу гулять, только не здесь, а там, — я показал рукой куда-то за крышу. — Ты знаешь, как уйти отсюда?

Качели продолжали качаться. Даниель снял с рук перчатки и стал перебирать пальцами струны невидимого инструмента, я понял, что он думает и волнуется.

Во двор выходило несколько окон: мое, окно большой комнаты, окна комнат Сары и Даниеля и одно из окон старого дома. Остальные окна выходили на другую, внешнюю сторону дома. Я вспомнил, что в доме вообще мало окон и, возможно, на улицу вообще никакие окна не выходят, кроме усталых окон старого дома. Я не сомневался, что на улицу, за пределы дома можно было попасть только через выход в старом доме. Иначе зачем Саре такая сложная конструкция дома? Всё было продумано. Для Даниеля ли это было сделано или с какой иной целью, мне

сейчас было совершенно неинтересно, мне просто хотелось попасть по другую сторону дома. От необдуманного поступка — просто уйти из этого дома — меня удерживало чувство ответственности за больную Сару и ненормального Даниеля. Кто-то точно рассчитал степень моей ответственности. Теперь я точно видел, что головоломка, которую создала для меня жизнь, вполне рукотворна, и управляет ею тот, кто хорошо знает меня. Оставалось надеяться, что этот кто-то — Сара, ибо только она казалась мне наиболее гуманным злодеем. Неужели все эти ухищрения лишь для того, чтобы заставить меня стать опекуном? А если это не Сара? Если эта старуха тоже лишь инструмент в чьих-то ловких руках? Я заставил себя перестать размышлять над тем, что не имеет рационального ответа.

Даниель перестал перебирать пальцы и вновь натянул на руки перчатки, но теперь его глаза уже не смотрели через крыши, юноша что-то рассматривал на поверхности перчаток. Перчатки Даниеля были такими же странными, как и он сам. Нет, они были обыкновенными на первый взгляд: натуральная кожа, черная, я с одного беглого взгляда понял, что они очень мягкие и удобные, но был в них какой-то изъян. Я решил, что недостаток перчаток заключался лишь в их хозяине, ибо всё, что так или иначе касалось Даниеля, было для меня ненормальным. Эти перчатки довершали его образ галчонка. Тонкие пальцы разжались, ровно в центре ладони на перчатке было что-то нацарапано. Я схватил Даниеля за руку. Нет, рука юноши не была безвольной, он совсем не был похож на тряпичную куклу, которую до этого момента я в нем видел. Даня с силой вырвал руку и спрятал кулак в карман пальто. Так он и продолжил раскачиваться, упираясь пятками в грязное месиво на земле и держа кулак в кармане. Щербатая луна то появлялась, то исчезала. Тучи бежали бесконечным потоком, ветер не прекращался, холод усиливался. Я поднял воротник своей куртки и вжал голову в плечи. Теперь со стороны нас можно было принять

за двух больших птиц, которые встретились во дворе тети Сары. Даниель был галчонком, а себе я виделся чем-то неопрятным и нелепым, типа глухаря. Галчонок и глухарь вышли погулять в ненастную осеннюю ночь.

— Ты хотел мне что-то показать? — мой вопрос был странным для моих собственных ушей. — Хотел?

Ответа не было. Качели продолжали качаться. Они должны были скрипеть, но они не скрипели. Даже промозглая осенняя погода не смогла заставить их заржаветь. Ни звука, ни эха. Только качели медленно раскачивались, да ветер приносил далекое брехание собаки откуда-то издалека, из-за застенков Сариного дома. Весь мир сейчас для меня поделился на две части: свободу и это кольцо внутреннего двора. Я задавал себе вопрос, почему я решил, что на перчатке Даниеля написано нечто важное. Может, я опять это придумал?

— Тебе нравится гулять ночью? — я всё не мог привыкнуть, что с Сариным внуком бесполезно разговаривать. Во мне жила истина, что «имеющий уши да услышит». Нет, я не рассчитывал на ответ, мне просто надо было что-то предпринять, и я решил говорить.

Даниель неожиданно встал и пошел к одному из окон дома, по моим расчетам это было окно его собственной комнаты, хотя это могло быть и окно Сары. Окно было узким и тщательно зашторенным: занавески, легкая штора и ночная штора поверх. Неправда, я не рассмотрел это сейчас, а лишь вспомнил то, что видел сам за то недолгое время, что пребывал в его комнате. Даня провел рукой по деревянному периметру рамы. Он сделал это той рукой, перчатку которой я хотел рассмотреть всего несколько минут назад. Пальцы едва касались поверхности окна, но уже что-то нашупали. Веревка. Какая-то веревка. Она была тонкой, как простой джутовый шпагат, совсем не канат и совсем не веревочная лестница. Юноша развернул свою находку, это и впрямь была лестница. Сейчас один её конец лежал у моих

ног. Я поднял голову вверх. Лестница тянулась на крышу, где-то там наверху она крепилась. Я понял, почему никто не знал о существовании этого приспособления. Лестница была сплетена из какого-то тонкого прочного материала, когда ею не пользовались, она пряталась в выемке стокового желобка, ровно над окном. Я подумал, что Даниелю, чтобы выбраться из дома, даже нет необходимости выходить во двор, можно сделать это прямо с подоконника. Теперь я не сомневался, что именно Даниель заглядывал в мое окно в первую ночь в Сарином доме, именно его бледное лицо заставило меня потерять самообладание. С удивлением я отметил, что за последнее время моя нервная система стала гораздо устойчивее, теперь бы я уж не испугался ничего, так по крайней мере мне хотелось думать.

— Лестница? — подумал я и произнес это слово одними губами.

— Лестница, — прошептали губы Дани. Не знаю, был ли это ответ на мой вопрос, или он просто повторил это слово за мной.

Я подумал, что для этого приспособления ему нужен был помощник. Сообщник ли или нет, но он должен был закрепить лестницу на крыше. Кто это был? Но этот вопрос я решил задать Даниелю позднее. Сейчас время поджимало. Я стоял под окном, сжимал в руках веревки и боялся сделать первый шаг.

— Как я попаду назад? — это волновало меня, я ведь планировал исчезнуть из дома незаметно и так же незаметно вернуться, — как мне вернуться?

Даниель протянул мне руку в перчатке, на ладони была нарисована крыша дома и веревочная лестница на ней. Я понял, что лестницу надо просто перекидывать с одного ската крыши на другой. Очень просто. Элегантно.

— Даниель любит гулять, — эта фраза Даниеля заставила меня вздрогнуть, я не ожидал, что со мной будут разговаривать.

— Спасибо! — я постарался заглянуть в глаза юноши, но он уже не смотрел на меня.

Добравшись по пологой крыше до конька, я услышал тихое:

— Пожалуйста!

Дурак оказался умнее меня. Стоило, наверное, поверить Саре, её внук и правда был незауряден. Я, стараясь не шуметь, подтянул веревки к себе. Ветер продолжал шуметь, но непогода была мне сейчас на руку, неловкие звуки, которые я по неумению производил, сливались с порывами ветра и шумом дождя. Я посидел немного на крыше: Даниель качался на качелях, щербатая луна мелькала за рваными тучами, тихие улочки спали без света, со стороны болота поднимался туман. Я подумал, что уже, вероятно, час ночи. Стараясь не спешить, я перекинул лестницу на другую сторону дома и по стене спустился вниз. Оставалось только преодолеть внешний забор. Вначале я хотел просто его перепрыгнуть, но уцепившись рукой за верхний край, неожиданно обрезаюсь. Рана была неглубокой, я слизывал кровь, но она продолжала сочиться. Я достал носовой платок и перемотал руку. Какое счастье, что в вопросах гигиены я педантичен! Стоило найти какой-то другой способ выбраться. Дерево! Здесь должно быть дерево. Старая облепиха? Так вот куда Сара её упрятала! Дерево было на месте. Как и прежде оно было колючим, но я научился с ним обращаться еще в детстве. Корявые ветки успешно помогли мне преодолеть забор, я даже не оцарапался. Не думая, я прошептал дереву:

— Спасибо!

Уже удаляясь от дома, мне в порывах ветра послышалось тихое:

— Пожалуйста!

Идти было неприятно. Темные окрестности в неверном лунном свете и дорога, которую можно было хоть как-то разглядеть только благодаря редким снежным островкам, казались опасными, и каждый шорох заставлял меня вздрагивать. Прошло несколько минут, и я освоился. Мне даже понравилось идти одному по ночному городу. Моя одежда была темной, поэтому я был твердо уверен, что никому не виден. Ночь спрятала меня, можно было идти никого не опасаясь, думать о своем.

Ветер продолжал шуметь, чавкающие звуки моих шагов тонули в его порывах. Я был частью стихии ненастья. Бодро шагая стихийными дорожками, я отчего-то опасался идти по трассе, где изредка на большой скорости проносились мокрые авто, мне удавалось размышлять, что следовало сделать в поисках Елены Беленькой. Я шел на трассу, к табачному киоску, туда, где злополучной ночью встретил Тамару. Мне хотелось расспросить её товарок о том, что было в ночь убийства. Мне казалось, что Елена тоже должна стоять на трассе. Придумывая нужные фразы для доверительного разговора с проститутками, я даже и не подозревал, какое разочарование меня постигнет. Обочина дороги была пустынна и даже автомобили по ней не проезжали. Поле справа, поле слева и табачный киоск — всё, что мне удалось увидеть. Я еще немного постоял у дороги, размышляя куда же мне теперь податься. Ветер забирался за ворот куртки, лицо было совсем мокрым, я чувствовал, что мои ботинки начинают пропускать влагу. Мне хотелось очутиться теперь в теплом доме Сары и спокойно спать в кровати, а не шляться в этом холоде и сырости, пытаюсь найти «то, не знаю что». Девчонки у дороги перебрались в другое место или все были разобраны и трудились под вожделирующими их телами? Я не мог себе представить, что именно в эту ночь жрицы любви вдруг закончились. Сколько я живу в этом районе, девчонки из городка всегда приходили на это место: опытные — в надежде на заработок, глупые малолетки пытались здесь найти любовь и опыт.

Я направился к табачному киоску в надежде, что тетка, работающая там, может мне помочь. Я сам не знаю, что мне надо было у неё спросить: про Тамару ли, про Елену Беленькую или про таинственное исчезновение проституток с трассы. Но теперь это уже было абсолютно неважно. В светящееся окошко киоска на меня смотрело мужское лицо.

— Здравствуйте, — я судорожно сглотнул. В голове вертелась лишь одна мысль: «Что спросить? Что спросить? Что?»

Голова в окне мне кивнула:

— Сигареты?

— Нет, мне нужна женщина, которая здесь работала еще совсем недавно.

— Женщина? — голова меня внимательно оглядела. — Женщина теперь только днем работает, а я — ночной продавец.

— А как мне её увидеть?

— Продавщицу? Зачем она тебе?

— Спросить её хотел... кое о чем...

— Про убийство, наверное?

— Убийство? Какое убийство? — я изобразил на лице удивление. — А кого убили?

— Девчонку тут убили, проститутку. Говорят, — голова понизила голос, — говорят, учитель её изнасиловал, а потом и убил, чтобы она никому не рассказала, следы заметал, но его нашли.

— Нашли?

— Нашли, тут же нашли, в тот же день. Сидит теперь.

— Хорошо, что нашли и что сидит. А проститутки, я смотрю, пропали с трассы, а то было их тут, как мух на варенье. Теперь боятся, наверное?

— Боятся? — голова рассмеялась и махнула рукой в сторону дороги. — Эти... они ничего не боятся. Отчаянные ларвы!

Я согласно хмыкнул.

— А ты за сигаретами или выпить? — мужчина достал из-под прилавка коробку с разноцветными квадратами сигаретных пачек.

— Да, мне курить, — я протянул в окошко мятую пятисотенную, — с ментолом чего-нибудь.

— А я не люблю с ментолом, — продавец перебирал коробки, — кашель от них разбирает и глаза слезятся, будто жару от огня сглотнул.

Он протянул мне зеленоватый коробок и сдачу. Я мокрой рукой сгреб покупку в карман.

Погода начинала раздражать. Я стоял у киоска размышляя, что мне делать дальше. Чтобы найти женщину, которая работала здесь, мне надо было прийти днем, но днем вырваться от Сары сюда было невозможно. Я вновь постучал в окошко:

— А вы знаете, где живет ваша сменщица?

— Которая днем-то работает? Конечно, не знаю! Она мне кто? А я ей кто, чтобы знать? Нет, не знаю! А тебе она зачем? Сдачу что-ли неправильно отсчитала? Так это ты днем за этим приходи, она теперь только днем работает, боится после убийства.

Окошко захлопнулось. Мне показалось, что из-за моих расспросов, ночной продавец тоже стал себя опасно вести. Вон, даже щеколду на окне повернул, хотя когда я первый раз постучал, окошко было чуть прикрыто. Еще этого мне не хватало! Следовало уходить, дальнейшие мои расспросы были чреватые, он мог вызвать полицию.

Дождь продолжал сеяться, временами с неба вместе с дождевыми каплями летели снежные крупинки. Я, весь продрогший, а местами и насквозь промокший, стоял поодаль от киоска и соображал, возвращаться ли назад в дом Сары или же придумать что-то другое. Ответ был очевиден, надо было возвращаться. Однако только я решился отправиться восвояси, как на дорожке, ведущей к трассе и киоску, появилась фигура человека. Мерцающая луна не позволила мне точно разглядеть мужчина это или женщина, но я решил, что женщина. Не знаю почему, но я задержался. Это мог быть обычный ночной покупатель, как я, могла быть проститутка, которая направлялась на трассу, я решил узнать, кто это. Деревьев и кустов поблизости не было, и я присел в высокую траву, прикрывавшую вид на трассу. Эту траву никто никогда не косил, она росла здесь из года в год, её плотный накопившийся слой неприятно пружинил под моими ногами, в траве виднелся мусор, пакеты и бутылки, мокрые стебли травы неприятно обступили меня, кололи руки и лицо, качались перед глазами. Несмотря на это я решил дожждаться

и посмотреть, кто в такую ночь, темную и сырую, решился прийти сюда. Все-таки это была женщина, вернее — девушка: короткая юбка, короткая куртка, на голове — капюшон, очень длинные сапоги почти подпирали юбку. Она не стала скрестись в окошко и к трассе тоже не пошла, обойдя киоск кругом, она исчезла из поля моего зрения. Я стал соображать, куда же она подевалась, стук металла и ненадолго появившийся прямоугольник желтого комнатного света не оставляли никаких сомнений — она вошла в киоск. Я встал из своего укрытия и быстрыми шагами направился к киоску, мне хотелось узнать, кто пришел к ночному продавцу, вернее меня терзала мысль, а не та ли это женщина, что работала, когда убили Тамару. Признаться, более меня ничего не интересовало, я не хотел подслушивать и уж тем более я не хотел того, что произошло позже.

Остановившись у глухой стены, я попытался расслышать, что же происходит внутри. Ничего не было слышно, только мужской голос и женский. Слова я не слышал, до меня долетали лишь интонации. Они о чем-то переговаривались, без споров, без криков, без недовольства, и я почти уже успокоился и собрался уходить, мне показалось, что это какая-то родственница мужчины принесла ему поесть. Но тут я увидел полоску света на траве, пришедшая не закрыла за собой дверь, оставив мне возможность немного подслушать.

— ...ушел.

— Ушел? Я никого не встретила по дороге.

— Он давно ушел.

— Я тоже до тебя не быстро добралась, а никого не видела.

— Он мог пойти по другой дороге.

— По какой еще другой? Здесь всего один путь на трассу, и он об этом знает.

— Он мог приехать на машине по трассе.

— Мог и приехать. Мог и на машине. Но должен был прийти пешком и по дороге, как тогда пришел.

Я не сомневался, речь была обо мне. Меня здесь ждали. Кем могла быть пришедшая женщина? Голос её казался мне совсем незнакомым. Я вздрогнул — дверь киоска открылась. Мужчина и женщина стояли по другую сторону от меня, смотрели на трассу и курили, но стоило им немного повернуться, и я бы был раскрыт. Мое сердце бешеным набатом било в уши, я боялся быть обнаруженным, хотя, чем это могло мне грозить, я совсем не представлял.

— Ладно, иди домой, я посижу здесь до утра. Он и правда мог приехать сюда на машине, на такси, погода-то совсем дрянная.

Эти слова произнесла женщина, мужской голос только угукнул ей в ответ. Дверь брякнула и закрылась. Я, пятясь, отправился назад, в траву у дороги. Мужчина, вышедший из киоска, направился куда-то в противоположную сторону от трассы, туда, где был и мой дом.

Дом! Как же мне сейчас хотелось домой, туда, где спокойно и тебя никто не ждет. Удивительно, но мечтая всю свою сознательную жизнь о семье, мне сейчас не хотелось, чтобы меня кто-то ждал, я не хотел нести ответственность и жить в тягостном напряжении. Одним словом, тот дом, который мне сейчас предлагала Сара, был мне совсем не по душе. Я жаждал спокойствия и ясности, но никак не мог их обрести, всё происходящее выворачивало всё мое нутро наизнанку, я отказывался признавать Сарину жизнь своею, мне было в ней очень тревожно. Меня манило одиночество, оно было прохладным и липким как мороженое-лед в июльскую жару, его хотелось принять внутрь, но я боялся замарать руки, отказав Саре. Если бы не мерзкий дождь вперемешку со снегом, не сырая земля, я бы упал на спину в эту высокую траву и лежал. Я лежал бы так долго, пока бы не появилось желание жить. Допускаю, что процесс мог занять несколько дней, я был ужасно вымотан морально.

Пришлось подняться и направиться к киоску, надо же было выяснить, какое отношение имеют эти люди в табачном киоске

на отшибе городка ко мне. И потом девушка могла что-то знать про Тамару.

Я несколько поразмышлял, стоит ли мне постучать в дверь, из которой вышел мужчина или же, что было более органично, обратиться в окошко. Надо быть деликатным. Пугать продавщицу никак не входило в мои планы, и я поскребся в окошко. Это было именно так, я ногтями чуть поскреб окошко. Тот, кто находился внутри, тем не менее услышал меня. Рука с простым маникюром отодвинула тюлевую занавеску, на меня смотрело лицо покойной Тамары. Я закашлялся, дыхание перехватило не так от открытия, как от неожиданности. Я ожидал увидеть кого угодно, но только не Тамару. Видимо, из светлого помещения было совсем не разглядеть, кто стучится, и, пользуясь этой особенностью, я присел под прилавок. Но предательский кашель никак не заканчивался. Сидя под прилавком, стараясь подавить приступы, я сжался в комок и совсем не слышал, что девушка подошла ко мне. Она трясла меня за рукав и смеялась. Я легко мог себе представить, что она могла бы смеяться гораздо громче, как той ночью, когда я сказал ей, что стоять на трассе в сетчатых колготках плохо. Пришлось встать в полный рост, мне совсем не хотелось, чтобы моя ученица считала меня придурком.

— Здравствуй, Тамара! Неожиданная встреча! — из-за кашля я всё еще не вполне владел голосом.

Девушка засмеялась, теперь уже действительно громко, и потянула меня внутрь киоска:

— Мы давно вас ждем, Рим Иванович, а вы всё не идете. Абсолютно вы не любопытный человек, разве можно так игнорировать очевидные знаки, мы уже отчаялись вызвать вас из дома Сары.

— Тамарочка, ты живая? А как же убийство? — я смотрел на Тамару, как смотрит ребенок на жонглирующего велосипедиста, думая, что, может, он вынет из кармана кролика и при том проглотит острую шпагу.

— Я же вам звонила, и Ольга-алкашка говорила вам, что я жива. Вы не поверили?

— Не поверил. Я верю людям, которых я знаю, которым привык доверять. Но... Но, видимо, теперь уже не буду — я устало смотрел на Тамару и думал о цели всего происходящего. Сара инсценировала смерть Тамары, чтобы заманить меня к себе в дом, создать ощущение запутанности и безвыходности? Не слишком ли нелепая цена для опекуинства? Да, Сара могла просчитать линию моего поведения. Но зачем так сложно?

— И правильно сделали, что не поверили.

— Правильно? — я смотрел на Тамару, как на разгадку, с любопытством и неверием в то, что мне сейчас открылось.

— Правильно. Я ведь не Тамара, а Елена.

— Елена? Беленькая?

Тамара вновь рассмеялась смехом Тамары, громким и немного деланным.

— Ну, некоторые меня так называют из-за цвета волос. А вообще-то моя фамилия Пегова, Елена Васильевна Пегова. Я — сестра Тамары, старшая.

— Старшая? А я думал, что Тамара старшая из всех девочек.

Девушка опять рассмеялась, теперь в её голосе уже не чувствовалась фальшь, а было какое-то сожаление:

— Есть ли среди нас мальчики или только одни девочки, кто из нас старше, кто младше, может сказать только наша мать. Но она давно уже ничего не помнит, она даже не знает, как кого из нас зовут. Совсем опустилась, — видно было, что девушке хотелось грязно выругаться в адрес матери, но она сдержалась.

— Елена, а я думал, что вы Тамара. А зачем этот маскарад? Тамару убили или она жива? — мои вопросы стали звучать вяло, язык стал заплетаться. Я сам растерялся, почувствовав в своем теле эту мягкость. — И вообще, почему вы ждете меня? Что вам надо?

Тамара или Елена смотрела на меня внимательно. Я и сам понимал, что со мной происходит что-то не так. То, что я сейчас

чувствовал, было похоже... похоже... на анис в чае. Что было потом я не помню, потому что на некоторое время уснул или потерял сознание. Очнулся я на стуле в том же самом киоске. Тамара или Елена продавала какому-то клиенту чипсы и пиво, попутно соглашаясь, что осень в этом году исключительно сырая и холодная. Прежде чем заговорить с нею, я успел подумать, что осени в нашем Мышьегорске другими бывают исключительно редко. Постоянно, так как и последние недели, идет дождь и ветер дует с севера, принося снег и слякоть. Я помнил огромное количество осенних дней, когда я сидел дома и смотрел на мокрую листву ранетки и расплзающиеся по стеклу капли. Думаю, что есть особая прелесть быть в тепле и сухости в то время, как другие, где-то там снаружи, мокнут и мерзнут, пытаясь бороться с порывами ветра. Я хотел опять начать тосковать о своей холостяцкой квартире, но девушка прервала поток моих расплзающихся мыслей:

— У вас есть аллергия?

— Я не знаю. Может быть... в наше время у каждого что-то да есть. А сколько сейчас времени?

— Времени? Половина третьего. Вы не так уж и долго спали.

— Спал?

— Думаю, что — да.

— Елена, со мной происходит что-то странное, со мной раньше такого никогда не было. Это похоже... похоже... — я засомневался, стоит ли мне откровенничать с этой незнакомой девушкой.

— На действие снотворного?

— Да-да... именно... на снотворное. Но я могу конечно и ошибаться. В детстве, когда у меня было расстройство желудка, бабушка поила меня анисовыми каплями, от них я очень быстро засыпал. Вот теперь перед потерей сознания... ну... или перед таким вот неожиданным сном, который со мной случается в последнее время слишком часто, я чувствую во рту привкус аниса. Что со мной, а?

Я смотрел на Тамару или Елену, а сам ругал себя за эту вот откровенность с незнакомкой. Зачем ей эти мои рассказы про недомогания? Она ведь могла оказаться опасным человеком, что она делала со мной те полтора часа, что я спал?

Выражение моего лица, я уверен, было растерянным, ибо именно так я себя ощущал. Мне было очень плохо физически, на душе было и того хуже. Я потерялся, совсем потерялся. Ощущения, время, ритм жизни перестали для меня существовать, у меня в голове был какой-то цикл. И я точно знал, что каждый его период закончится плохо, а как плохо — мне предугадать не удавалось. Только я знал наперед, что всё будет плохо.

Тамара или Елена погладила меня по плечу, так приободряют ребенка, когда он теряет веру в собственные силы:

— Терпите, Рим Иванович! Скоро всё закончится, всё не может быть вечным.

— Скоро закончится? А что закончится?

Девушка проигнорировала мой вопрос:

— Послушайте меня и запомните всё, что скажу. Это приведет вас к реальности и прояснит ситуацию. Ну, хотя бы немного прояснит...

Мне показалось, что она и сама не вполне уверена в своих словах.

— Я — Елена и моя фамилия — Беленькая, это официальная версия для всех. То, что вам надо знать обо мне, но больше никому про это говорить не надо: я — старшая сестра Тамары.

— А Тамара? Тамара жива?

— Тамара, к сожалению, мертва. И это абсолютно точно. Только есть одно «но». И это «но» в том, что её еще не нашли. И найти её предстоит вам.

— Я никого искать не буду. Её тело нашли вот на этой трассе, её тело было изуродовано маньяком. Я даже из-за этого ночь провел в полицейском участке.

— Бедный! — девушка смотрела таким взглядом, будто неожиданно для себя разочаровалась во мне, — слушайте, вы найдёте её.

— Еще чего! Тогда все точно решат, что это я её... того... — я готов был расплакаться и признать, что я «не мужик», чем еще раз сидеть в полиции и оправдываться, распиная про роковое стечение обстоятельств.

— Не решат. Там будут неопровержимые доказательства, что это не вы.

— А откуда вам знать? И, вообще, вы кто? Почему я должен вам верить? Кто этот мужик, что был продавцом, когда я покупал сигареты? Это ваш подельник? Вы все в сговоре? Все — Сара, Белла, Саша, этот придурок-внук и ваша продажная семейка?

Всё это я сказал очень громко, после чего последовала пауза, так что неожиданное постукивание в окошко было слы件ано и мною, и Тамарой-Еленой сразу. Кто-то хотел совершить покупку. Тамара-Елена прижала палец к губам, показывая, что нужно молчать. Она отдернула занавеску и открыла окно. В окно просунулась рука, она держала пистолет, направленный куда-то мне между бровей, палец нажал с усилием спусковой механизм, я закрыл глаза. Обреченность и усталость подсказали мне, что дергаться бесполезно, смерть наступит неотвратимо. Я даже успел попрощаться с собой, сказав короткое «всё». А потом... Потом был смех. Смеялась Тамара-Елена, смеялась рука. Я открыл глаза. От пистолета шел легкий дымок, это была зажигалка. Маленький, чуть заметный, огонек светился у самой рукоятки.

— Не смешно, — мой голос был хриплый.

Я сам себе не верил, что в такой ситуации могу говорить. Я определенно стал смелее, неприятности несколько закалили мое тонкое существо.

— Не смешно, — повторила мои слова Тамара-Елена.

Она чуть повозилась с замком, и в киоск зашел мужчина, который мне сегодня продавал сигареты.

— Знакомьтесь, — буднично произнесла Тамара-Елена, — это мой муж Иван.

— Тоже Беленький? — не без сарказма переспросил я.

— Зачем? У него своя фамилия, настоящая, — спокойно ответила девушка.

Иван извлек откуда-то из недр маленького помещения табурет и уселся передо мной. Я успел подумать, что меня станут бить и попытался встать, но он положил мне на плечи руки и с усилием усадил на место.

— Сиди. Слушай и запоминай. В доме Сары тебе ничего не угрожает, абсолютно ничего, пока ты её слушаешься, делаешь всё, как тебе она велит, и ни во что не лезешь. Это условие твоей безопасности. Соглашайся на всё, что бы она тебе не предложила. А то станешь подслушивать и додумывать, как сегодня.

— Это она вас наняла? Да? Чтобы меня запугивать? Я не хочу её внука! Мне не нужны её деньги!

— А тебе никто еще ничего не предлагал, — мужчина давил на меня взглядом. — Деньги и внук — это наименьшее зло.

— Да? А что же тогда большее?

— Большее? Её семейные тайны! Поверь нам, её семейные тайны могут свести с ума любого.

— А я тут при чем? Что мне до неё? Мне плевать на её эти тайны!

— Рим Иванович, не ведите себя как нервный юноша, не надо устраивать истерик. Вы же понимаете, что Сара не стала бы вас так настойчиво домогаться, будь вы ни при чем? Вы очень даже при чем, так мы по меньшей мере думаем.

— Вы? Кто такие «вы»? — я успел уже себе вообразить некую банду, которая хочет что-то сделать с Сариными деньгами.

— Мы — родственники Тамары. Мы хотим наказать виновных в её гибели, в распаде семьи и еще есть нюансы... — Иван немного помолчал, я понимал, что он подумал про «нюасы», но по какой-то причине не стал их мне озвучивать. — Вы вернетесь в дом

Сары таким же образом, как и вышли из него сегодня. Вы будете там жить и возиться с Даниелем столько, сколько понадобится. Вы согласитесь стать его опекуном и подпишите все бумаги...

— Ну, вот это уж — дудки! — мне все-таки удалось встать, я попятился к двери, надо было бежать отсюда, из города, от Сары и её внука, от этих двух.

У двери стояла Тамара-Елена, я уперся в неё.

— Ну же, Рим Иванович, — голос девушки увещевал, успокаивал. — Сделайте так, как мы просим. Вы же хотите вернуться к своей прежней жизни? Или нет?

— Или — да! Больше всего я сейчас хочу жить своей прежней жизнью. И вот я сейчас выйду отсюда и уеду, сменю номер телефона, сменю город и жизнь, и чтобы больше никаких Тамар, Сар, Даниелей! — мне показалось, что я нашел выход.

— Без проблем! — Тамара-Елена опять рассмеялась, хотя в моих словах и не было ничего веселого. — Вы можете так поступить. Можете, но...

— Но вам не удастся, — Иван был убедителен. — Они найдут вас. А когда найдут, вы будете уже мертвым.

— Почему?

— Потому что непредсказуемость наказуема, вы представляете интерес, пока вас можно просчитать. Неожиданный и непредсказуемый Рим никому не нужен.

— Скажете тоже, — я несколько поостыл.

— В Мышьегорске для вас все пути отступления закрыты, для всех вы — маньяк-убийца школьницы Тамары, — Иван очень убедительно закидывал в мою душу наживки, одну за другой. Что поделать? Я почему-то ему верил, ему и Тамаре-Елене, их слова и жесты вызывали непонятное расположение.

— Хорошо, я попробую сделать, как вы просите, но только если что-то вызовет во мне протест, я всё брошу и уеду.

— Давайте, вы сначала сделаете, как мы просим. Сара должна думать, что вы на всё согласны. А обо всём, что у вас вызовет

протест, сообщайте девочке-соседке, которая приходит поиграть с Даниелем. Она всё знает.

— Значит, подписывать документы?

— Да, — видно было, что Иван удовлетворен тем, что меня удалось уломать. — Вы найдете труп Тамары на болоте в конце улицы, но никому об этом не скажете. Никому, кроме Беллы. Ей вы это сообщите под большим секретом.

— Понятно. А где на болоте? Оно же не маленькое.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — Иван не стал слушать моих возражений, — найдете, но не станете сообщать об этом в полицию, а просто расскажете обо всем Белле. Больше ничего предпринимать не надо, далее это уже не ваше дело. А после просто живите и делайте так, как скажет Сара.

Они стояли напротив меня: Иван и его Тамара-Елена. Теперь я точно видел, что девушка — не Тамара. Эта была хоть и очень похожа внешне, но чувствовалось, что она старше и серьезнее. Этаким антипод Тамары: выросшая Тома.

Елена протянула мне что-то в руке:

— Возьмите это. И попробуйте не употреблять ничего с мятой и ментолом: ни жвачки, ни сигарет, ни освежителя воздуха. У вас похоже есть аллергия на этот раздражитель. А это, это — таблетки, они не дают сонного эффекта. Принимайте одну, если почувствуете мяту или появится этот ваш анисовый привкус. Так терять контроль над собой нельзя, мало ли какие люди и зачем захотят воспользоваться вашим беспомощным состоянием.

Я вышел из киоска. Стояла та же самая ночь, но у меня было такое ощущение, что я прожил целую жизнь. Я направился к дому, где была моя квартира, прежде чем возвращаться к Саре, мне хотелось хотя бы посмотреть на родные окна, подпитаться какой-то родной энергией. Чавкающие шаги сзади нарушили тишину, за мной бежал Иван:

— Рим, вы куда?

— К Саре.

— Давайте я вас отвезу, скоро станет светать.

— Нет, при такой погоде даже рассвет будет темным, я знаю. Я успею.

— Давайте, я вас хотя бы немного провожу.

— Не стоит, я зайду к себе, проверю квартиру.

— Нет, вам не стоит этого делать. Ваша квартира теперь запретное место, там много такого...

— Какого?

— Позже узнаете.

— А можно мне хотя бы на свои окна посмотреть?

— Можно, но только издали, чтобы никто не видел. И еще! Не доверяйте Дане. Он, конечно, ненормальный, но не всегда. И угадать эти его состояния не всегда возможно. Это же он помог вам сегодня выбраться из Саринной крепости?

— Он.

Я отправился к своему дому, Иван смотрел мне вслед. Не знаю, может, он последовал за мной и видел то, что потом произошло.

Дорога, которой я шел в ночь убийства Тамары, была действительно одна. Дорога одна, но к микрорайону, где стоял мой дом, была масса подходов, я же тут вырос и знал каждую тропинку. Дети всегда знают больше, чем взрослые, потом они эти знания успешно утрачивают, но некоторые все-таки навсегда застревают в их головах. Так и я знал сто и один способ пробраться до собственного подъезда: надо подняться до ближайшего к дороге дома, зайти за его угол, обойти дом по периметру, спуститься в подвал и, пройдя через весь подвал, выйти в первом подъезде, как раз напротив моего. Именно так я сейчас и поступил. Подвал был сухой, к тому же я знал, где находится выключатель, поэтому пробирался по подвалу не на ощупь, а вполне цивилизованно. Я вышел из подъезда и спрятался в кустах сирени. Кустарник был совершенно голым, листья

давно облетели, но кустов было так много и расположены они были так плотно, что полностью скрывали человека от чьих-либо глаз. Думаю, что именно в этих кустах пряталась Олька-алкоголичка, поджидая меня той самой ночью. Теперь я сам был в её положении. Было темно, но для меня это не было проблемой. Я знал свои окна, мне просто хотелось постоять и посмотреть на них как бы говоря: «Помоги мне, старый дом! Помоги мне, бабушка!». Подумав так, я невольно поймал себя на мысли, что подобные слова мне приходили в голову совсем недавно. Ах, да, я разговаривал со старым Сариным домом, не думая, что в скором времени из друга он превратится во врага. Стоять тоже не получалось, приходилось скрываться. Я поднял глаза, родные окна были на месте, только в них горел свет. «Ничему не удивляйся!» — сказал я себе и продолжил наблюдать за окнами. Свет горел и в комнате, и на кухне, не сомневаюсь, что вся квартира была залита электрической энергией. Посетившая меня вторая мысль была о забывчивости. Ну, как я мог забыть выключить свет, и он горел в совершенно пустой квартире уже какие сутки! Я видел, как ветка ранетки сиротливо трется о кухонное окно, видел свои шторы, давно не знавшие стирки, а на окне моей комнаты стоял засохший букет, который я принес домой первого сентября. Такие родные окна стали для меня теперь такими опасными! С этой мыслью было непросто жить. Я сейчас вполне понимал людей, которые, продав семейный дом, тянутся к нему, постоянно о нем думают, испытывают сожаление и раскаяние о сделанном. Чаще всего они больше не возвращаются к родному дому, даже чтобы просто посмотреть на него издали, ведь их душа страдает, как страдала сейчас и моя, истосковавшаяся о покое и одиночестве. Свет в окнах неожиданно погас. Мне, наверное, стоило встать и уйти, но я продолжал сидеть как приклеенный. Трудно было думать, что дом без хозяина живет своею жизнью. Запищал домофон, из подъезда кто-то вышел. Я сделал отверстие между тонкими веточками сирени,

мне хотелось увидеть вышедшего. Мне почему-то казалось, что это человек из моей квартиры. Но было темно. Я видел, что темная фигура стоит у подъезда. Но и только. Время тянулось, а фигура всё продолжала стоять. Я пытался угадать время, прошло, наверное, минут пятнадцать, мои совсем сырые ноги затекли. По сидению на корточках в укрытии я сегодня стал личным чемпионом: трава у трассы, под прилавком у киоска и теперь здесь, за кустами сирени. Я боялся упасть, мне было не просто неприятно извлекаться напоследок в грязи, я боялся произвести посторонний шум, который бы мог показаться силуэту у подъезда подозрительным. По мокрой дорожке, разбрызгивая лужи, к моему подъезду подкатил большой черный автомобиль, солидный и дорогой. Я напряг все жилы на шее, чтобы разглядеть человека в приглушенном свете фар. Каково же было мое изумление, когда понял, что человек у подъезда — Даниель. То же самое черное пальто, парик, перчатки и та же странная шлепающая походка из-за ортопедических ботинок. Машина осветила кусты, в которых я сидел, уткнув лицо в колени, окна первого этажа, выехала на центральную дорогу и скрылась в непогоде. Я встал. Встал не потому, что боялся упасть, а потому, как мне стало понятно теперь, опасность только что проехала мимо меня на черной машине. Я встал и быстрой походкой направился из своего микрорайона на Сарину окраину, скоро и вправду должен был быть рассвет, а мне надлежало вернуться в мою добровольную тюрьму до того, как проснутся все обитатели дома, до того, как придет Белла. Лишь одно меня волновало. Как я буду общаться с Даней? Наверное, было бы правильнее сделать вид, что никаких ночных происшествий не существовало, притвориться, как советовали мне Елена и Иван. Я решил так и поступить. До своей комнаты я добрался успешно, лестница была на месте, никто меня нигде не подстерегал. Через галерею я забрался к себе в комнату, снял грязную мокрую одежду,

надел пижаму и для верности прогулялся по коридору перед комнатами. Всё тихо, дом спал, мое отсутствие никем не было замечено. Можно было ложиться спать и мне, хотя бы несколько часов сна должны были привести в порядок мои мысли и чувства. Как ни странно, но меня совсем не беспокоила мысль, весьма очевидная при происходящих событиях, что моя вылазка была кем-то весьма искусно запланирована. И я спал, даже не размышляя об авторе событий. Ведь Иван и Елена сказали, что в доме мне ничего не угрожает.

ОТЪЕЗД

Утро началось в доме как обычно. Белла шуршала платьем по коридору, Сара трясла меня за плечо:

— Рим, Рим, просыпайся, уже девять! Все позавтракали, один ты спишь! Ну что за учитель, который в девять утра еще не на ногах! Рим, ты не учитель, ты — халтурщик.

Сара стояла надо мной и смеялась. Я давно не видел её такой сияющей, признаков вчерашнего приступа и помина не было. Она была очень довольна. Я подтянулся на руках и сел в кровати, всё тело гудело и хотелось спать и спать.

— Рим, ну же! — Сара совала мне в нос чашку с кофе и дымящиеся оладьи.

— У, Сара, как всё вкусно! — я расплылся в сладкой улыбке.

— Рим, ешь и на занятия к Даниелю, он тебя уже полчаса как ждет! — Эти слова вернули меня в реальность, и сон сам с меня слетел. Я кивнул и с жадностью принялся уплетать пышные оладьи, шумно прихлебывая чай. Сара смотрела на меня серьезно, но я видел, что её глаза улыбаются. Она была довольна мною, что-то привело её в состояние удовлетворения, и я даже боялся себе представить — что.

— Сара, знаешь, — начал я свою речь издалека, — я ведь очень одинок. Я никому не нужен.

Сара поджала губы, но её глаза продолжали улыбаться.

— Один, совсем один, — я прихлебнул кофе из чашки, — так вот. Сегодняшнюю ночь я плохо спал, всё думал, бродил

по коридору, прислушивался к твоему дыханию. Сара, ты вчера меня так напугала.

Сара продолжала молча смотреть на меня, и только глаза её так же сияли внутренним довольным светом.

— Сара, я согласен с твоим предложением и хочу стать опекуном Даниеля.

Сара тихонько, как к животному, которое не хочешь спугнуть, подошла ко мне и уселась на край постели.

— Правда? — она пытливо заглянула в мои глаза. — Ты сам этого хочешь или я вынудила тебя принять такое решение?

Я смотрел на неё, я знал, что она меня об этом спросит.

— Сам, — выдохнул я. Отступить было некуда.

— Это прекрасная новость. Сегодня же подпишешь бумаги, и через неделю вы уезжаете в Москву.

Сара поднялась и торопливо покинула комнату, думаю, она отправилась звонить своему юристу. Я сидел на кровати, держа в руках чашку и блюдо. Мне хотелось раствориться в дожде предыдущей ночи.

— Ну вот. Вот. Дождалась! — Сара приглашала меня в свою комнату. — Сейчас приедет Саша, ты подпишешь всё, что надо подписать. И начнется твоя новая жизнь.

Сара была суетлива и очень в духе. Я терялся в догадках по поводу этого её душевного подъема. Хотелось бы мне ошибиться, но у меня складывалось впечатление, что она в курсе моей ночной вылазки. Даниель вел себя как безумный: перебирал пальцами невидимые струны и постоянно канючил у Сары печенье. Я попытался установить контакт с юношей, подошел и положил ему ладонь на плечо, мне хотелось сжать это остренькое плечико, как бы намекая, что я помню о ночной встрече, но Даниель отбежал от меня и лишь усерднее стал перебирать пальцами воздух.

Саша был привычно подтянут, гладко выбрит и хорошо одет. В его руках был черный портфель. Всё шло как надо: Сара,

сидя в своем кресле с высоким изголовьем, улыбалась, Даниель в углу возился с коробкой печенья, я сидел на краю Сариной кровати и мысленно прощался со своею прошлой, почти беззаботной жизнью. Мы ждали, когда Саша расстегнет свой портфель и достанет бумажки, но он почему-то медлил. Сара сделала рукой приглашающий жест, каким она еще несколько минут назад зазывала меня в свою комнату:

— Саша?

— Сара, мне надо парой слов перебраться с Римом, — он положил свой портфель на кровать рядом со мной.

— Ну, говори, — Сара согласно кивнула головой.

— Мне бы хотелось с глазу на глаз, — Саша виновато улыбался, — это касается убийства. Я не хочу говорить это при всех.

— Хорошо, — казалось, в Сарином согласии совсем согласия не было, — но ты потом расскажешь мне.

— Обязательно, — Саша быстро вышел из комнаты.

Я понял, что мне следовало выйти за ним, но я абсолютно не понимал, почему что-то, что не является секретом, раз его будут разглашать впоследствии Саре, нужно говорить наедине, в комнате никого постороннего не было, Даня не в счет. Ну, раз нужно, то нужно, я послушно вышел в коридор. Саша уже куда-то ушел, пришлось гадать, куда он направился. Возможно, он поджидал меня за углом, но — нет, это был не его стиль, рассудительный и респектабельный. Саша стоял посреди гостиной и задумчиво смотрел куда-то на потолок. Мне даже показалось, что он сейчас заложит ладонь за лацкан пиджака и изречет что-то типа: «А знаешь ли ты, голубчик, что...». Но этого конечно не случилось. Он посмотрел на меня как-то тревожно, мне даже померещилось, что он переживает за меня, таким озабоченным он вдруг оказался.

— Рим, ты отдаешь себе отчет, какой груз ты собрался повесить себе на шею?

— А что?— мой ответ был дурацким, но я просто не знал, что можно еще ответить в такой ситуации.

— Что? Это больной ребенок. Тебе придется жить с ним до конца твоих, ну, или его дней, — Саша участливо заглядывал мне в глаза.

Я совсем не желал обсуждать с Сашей абсолютно ничего, так он был мне неприятен. Во мне боролись злоба и необходимость быть вежливым. Мне не хотелось ни его участия, ни добрых советов, ничего.

— И что? — я решил чтокать, пока этот нелепый разговор не прекратится. Что-что, а заподозрить бывшего одноклассника и мужа Беллы в соперничестве мне я никак не мог. Значит, у него были свои мотивы. Я подумал, что по какой-то причине мое согласие на опеку стало для него невыгодным. Ибо такие люди, как Саша Граш, ищут и, самое забавное, всегда находят выгоду в самом, казалось бы, невыгодном деле. Я был в этом твердо убежден, особенно после этого непонятного расследования смерти (или не смерти?) Тамары.

— Ты не понимаешь? Сара тебя не во все вопросы посвятила? Это глубоко больной человек, безумный и немощный. Сара сколько угодно может рассказывать про его гениальность. Она, как его бабка, может верить в чудеса, но только с её внуком чудес не случится. Он — урод. Урод во всех отношениях. Ему нужна медицинская помощь и интернат для умственно отсталых. А она хочет повесить всё это на тебя. Понимаешь?

— А тебе какое до этого дело?

Саша дернулся. Он хотел казаться оскорбленным, но у него это плохо получалось. На его лице обозначилась злоба, она выглядывала из глаз, раздувала ноздри и заставляла стискивать челюсти, закусывать губы. Злоба была готова вылиться на меня ливнем, но я был простофилей, и сделал вид, что происходящее меня несколько не волнует. Я помнил, как Даниель помог мне ночью выбраться из дома, мне было жаль его, одинокого галчонка, застегнутого на все пуговицы необходимостью быть «как все». Во мне проснулся учитель, жалеющий нерадивых учеников.

— Мне нет никакого дела. Я просто хотел тебя предупредить. Так... Из добрых побуждений...

Саша замолчал, качнулся на носках своих блестящих туфель и опять посмотрел на потолок. Ему удалось справиться с эмоциями.

— Я скажу Саре, что мы обсуждали снятие с тебя домашнего ареста. Тебе же это будет теперь необходимо, ты едешь в Москву!

Я не удивился, что Саша знал про Москву, Сара ему доверяла. Я не удивился, но мне было неприятно.

Я вышел из комнаты, потому что не видел смысла говорить о дальнейшем развитии событий. Я был готов подписать все документы, но будущую свою жизнь я с Сашей обсуждать не был готов. А потом совершенно некстати мне вспомнились слова Ивана про «семейные тайны». Саша Грац и его Белла точно уж не были семьей Сары. Размышляя так, я совсем выпустил из внимания, что и сам не являлся частью Сариной семьи. Так что мы с Сашей были на равных. И он знал об этом, как и я. Только он почему-то предпочитал молчать.

Все документы были подписаны молча. Саша, как хороший клерк, подсовывал мне одну бумагу за другой, я ставил на них свои закорючки-подписи. Это мне напомнило процесс подписания школьных дневников: почти не глядя, автоматически. А потом ты вдруг спохватываешься, что зря не сверил оценки с журналом, а то вдруг какой-то хитрец подsunул тебе на подпись совсем не те оценки, которые заслужил. Я остановился с занесенной над документом рукой:

— Сара, а я не подпишу себе смертный приговор?

Саша хмыкнул:

— А ты что? Не читал, что подписывал? Сара, представляешь? Он подписывает такие важные документы, не читая!

Сара снисходительно улыбнулась мне:

— Нет, Римушка, в этих бумажках всё хорошо. Уж поверь моей старости! Знаешь, но ты прав, здесь есть одна бумажка, с которой бы тебе надо ознакомиться. Саша, дай мне перечень!

Саша ухватился за мою нерешительность:

— А я могу оставить всю папку. Пусть будущий опекун всё хорошенько изучит, поразмышляет. А дня через два-три я приеду и мы всё подпишем. Ну или не подпишем...

Я видел, что юрист во чтобы то ни стало хочет отсрочить подписание документов об опекунстве. Мне были безразличны его мотивы, я предпочитал думать, что он, как профессионал, дает клиенту время прикинуть все риски и возможности.

Сара посмотрела на Сашу суровым, тяжелым взглядом, её нижняя челюсть выдавала жесткость момента:

— Мы всё подпишем сегодня. Сегодня, ты слышишь? — Сара уже обращалась ко мне, в её голосе мне померещились визгливые нотки.

Крестная была крайне возмущена. Она сунула мне в руки листок. Я начал вчитываться. Перечень был похож на пионерскую клятву, только в конце его отсутствовало слово «клянусь», а так всё было очень похоже. Сначала шли наставления об уходе, надзоре и воспитании, а вот в конце... Концовка клятвы меня несколько шокировала. Перечень называл меня опекуном, Белла, жена Саша и помощница Сары, называлась моей спутницей и помощницей. Это уже несколько привело меня в замешательство. Жить с Беллой и терпеть не её присутствие, но и её мужа, не входило в мои планы. Затем перечень оговаривал условия моего освобождения от нежелательного присутствия третьих лиц, это — моя женитьба. В случае моей женитьбы, моей жене предписывалось тоже стать опекуном Даниеля, и это невзирая на количество браков. Каждая моя жена должна была совместно со мною воспитывать и содержать юношу до самой его смерти. Всё имущество Даниеля в случае, если его смерть будет предшествовать моей, переходило государству. Если же я покидал этот свет до кончины Дани, то имущество и мое, и его тоже переходило государству, а он должен был закончить свои дни в интернате. То есть крест опекунства я должен был нести стойко и бодро

до самого конца, подобно Саре. Причем, скончаться мы должны были в один день и час. Так, вероятно, по задумке Сары должна была выглядеть справедливость. Я смотрел на Сару.

— Это что за ерунда?

— Это не ерунда, а перечень твоих обязательств, — Сара барабанила пальцами по ручке кресла.

— А почему так беспощадно? Я буду мучиться с твоим внуком, а ничего не получу в итоге? Это по-твоему нормально? Честно?

— Ты получишь все блага при жизни. У тебя будут помощники. А на том свете, — Сара указала пальцем вверх, намекая на Царствие Небесное, — тебе уже будет всё равно, есть у тебя что или нет.

— То есть вариантов не будет?

— Не будет, — Сара произнесла эти слова непреклонным тоном. Я понял, что вариантов, действительно, не предусмотрено.

— Варианты будут у твоей будущей жены, поэтому к выбору спутницы ты должен отнестись весьма и весьма ответственно. Каждая твоя жена, включая и помощницу Беллу, расставаясь с семьей, будут отнимать у тебя двадцать пять процентов твоего наследства и десять процентов наследства Дани. С каждым расставанием ты будешь становиться на тридцать пять процентов беднее. Понятно?

— Понятно. Чего уж тут непонятного? — я молча перечитывал перечень опять и опять.

— Ну? — Сара требовала от меня немедленного ответа.

Саша ухмылялся, мне казалось, что ему хочется по-детски закричать: «А я тебе говорил! Говорил!».

— А почему именно тридцать пять, а не, скажем, пятьдесят? — я тянул время, стараясь выкроить время на раздумья. Сара нещадно торопила, заметно было, что она ожидала заминки и объяснения на этом моменте, но скрыть такие нюансы она не считала возможным. Честная женщина!

— Почему? Это год моего рождения, — Сара произнесла это с необъяснимой гордостью, будто сделала миру большое одолжение своим появлением на свет.

— А если у меня случатся собственные дети?

Я, конечно, никогда не размышлял на эту тему, мне это как-то не приходило в голову. Но ведь на самом деле, я могу произвести на свет и собственных детей.

— Вот, — Сара назидательно, одобряя ход моих мыслей, провела указательным пальцем черту в воздухе. Она ждала этого, она подводила итог. — Выбирай правильную женщину, и твои дети, и она не будут бедствовать. Кроме того, ты можешь копить, откладывать, твой капитал и капитал Дани будут ежегодно расти, умножаться благодаря правильному вложению денег.

— Вложению денег? А кто его будет делать? — все денежные вопросы сводили меня с ума, я плохо распоряжался даже теми деньгами, которые имел в прошлой своей жизни, и едва дотягивал до зарплаты.

— Это ты не волнуйся, это всё давно уже сделано. Твое дело — Даниель и его благополучие.

Сара ждала моего ответа, и это было очевидно, он ожидался положительным. Я кивнул головой своей внезапной мысли:

— А если Даниель женится?

— Даниель? — Сара этого не продумала. — Ну, если такое произойдет, ты будешь всё равно его опекать, его жена не будет иметь никаких прав.

— А если у него родятся дети?

Сара застыла. Было понятно, что такое развитие событий она не рассматривала:

— Но мальчик-то умственно неполноценный, у него инвалидность и ограничение прав. Ты можешь ему запретить жить с женщиной, иметь потомство. Перед законом ты будешь полностью защищен, никто ничего не сможет оспорить.

— Сара, ты злая, — я картинно покачал головой. — Это он сейчас мальчик, а чуть подрастет — и у него появятся свои желания, организм-то свое берет. А потом это будет несправедливо по отношению к его будущим детям, твоим правнукам.

Слово «правнуки» возымело какое-то волшебное действие, Сара задумалась:

— Ладненько, про маловероятных детей Дани я еще сегодня подумаю, может, что-то и отпишу им. Но я даю ему лекарства, подавляющие сексуальные возможности, и ты тоже будешь поить его этими таблетками. Так будет спокойнее всем, и тебе в первую очередь.

Я поставил подпись под последними документами и под жестоким перечнем — тоже. Но меня волновал еще один пунктик:

— Сара, а у официальных органов не возникнет вопросов ко мне из-за этого убийства?

— Не возникнет. Все подозрения сняты, документов о том, что ты проходил по этому делу, уже не существует, но это при условии, что вы уезжаете из города.

— А как такое возможно? Дело было, дела нет?

— Именно, было и — нет, деньги решают большинство бытовых проблем и даже некоторые моральные. Ты должен всегда помнить об этом и учиться правильно распоряжаться своими возможностями.

Саша поставил свою резолюцию под всеми документами, сложил бумаги в портфель и отдал его Саре. Дело было сделано, я подписал себе свое будущее.

Остаток дня я провел в своей комнате за просмотром старой комедии «Все любят Люси», зрители за камерой смеялись ненатуральным смехом, а я уныло ожидал изменений. Я их не желал, мне их продали как сопутствующий товар, в придачу к прошлому, вдгонку к забытому, вместе со старыми отношениями. Я лежал и пытался вспомнить, сколько раз в своей жизни я желал быть богатым. Попытки были тщетными, я не помнил таких моментов,

но здравый смысл говорил мне, что они точно были. Я произнес вслух прописную истину: «Бойся желаний своих, они могут осуществиться». Как только колебания воздуха от произнесенных мною слов улеглись, дверь моей комнаты открылась, и на пороге возникла фигура Сары. Глаза печально смотрели на меня, в её руках был поднос с едой. Она молча прошла к моей кровати и поставила на прикроватный столик принесенное. Это было тонко нарезанное соленое сало, черный хлеб, соленые огурцы и четвертушка водки.

— Будем пить? С радости или с горя? — мой голос прозвучал излишне громко, даже громче экранного смеха комедии.

Сара нащупала на кровати пульт и выключила телевизор. Мы сидели на моей кровати в полной темноте и тишине, даже шум ветра и дождя был неслышен. Я успел подумать, что сегодня я не был на улице и не знаю, какая погода снаружи. Для меня, человека, который начинает каждый день с распахнутого окна, это было несвойственно.

— Давай обмоем, сделка была трудной, — Сара вздохнула и погладила меня по руке, я верил, что она жалеет меня.

— Сара, я хочу погулять, — на мою детскую просьбу Сара только вздохнула.

— Погуляй, только поздно уже. Да и одежда твоя еще не высохла.

Мое изумленное лицо не произвело на крестную никакого впечатления.

— Белла нашла твою мокрую одежду в ванной комнате, мы её засунули в машинку, брюки и свитер уже сухие, а куртка еще сырая. Надо было раньше сказать, всё бы уже давно высохло.

Сара даже не спросила, где я так промок. Думаю, что она все-таки знала про мою ночную вылазку, но говорить об этом по какой-то причине не считала нужным.

— Спасибо!

— Да не за что! Завтра у тебя появится новая одежда, новые обязанности, новая жизнь. Давай выпьем, чтобы эта твоя жизнь

была благополучной, такой благополучной, чтобы ты никогда не вспоминал меня плохими словами, а только с благодарностью.

— Давай! — я зажег светильник у кровати и разлил водку по рюмкам.

— Римушка, знал бы ты сколько раз мы с твоей бабушкой вот так вот сидели по вечерам за рюмочкой. Огурчики, сало и черный хлеб под холодную водочку — и жизнь уже не кажется такой беспросветно тяжкой.

Мы выпили по одной. Я хрустел сочным огурцом, Сара молчала.

— Сара, а почему ты дружила с моей бабушкой? — я задал этот вопрос, чтобы хотя бы что-то сказать, а не потому, что мне это и правда было интересно.

Сара задумалась:

— Почему? Потому что мы обе были одинокие и несчастные. Мне частенько бывает жаль, до слез жаль, что твоей бабушки уже нет, и что я не могу сделать её жизнь лучше. Не успела я, может, и ты тогда бы был другим.

— Я погуляю по улице, возле дома...

— Погуляй. В прихожей висит старый плащ, Белла его надевает, когда выходит открыть дверь в непогоду. Он теплый, когда-то давно твоя бабушка подарила его мне на Новый год. Времена такие были, — она подумала немного, — он некрасивый, но возле дома побродить вполне подойдет.

Я еще раз подумал, что Сара, как никто, понимает меня. Я был ей так благодарен за это понимание, что совершенно забыл о том, что мое теперешнее состояние связано с её причудами.

Мы выпили еще по паре рюмок, и я отправился искать плащ. Сара, собрав остатки еды на поднос, смотрела мне вслед.

Сара мне дала ключ, теперь я мог не беспокоиться о том, как попасть в дом. Она вручила мне его со словами: «Теперь это твой дом, малыш. Владей». Она взяла с меня обязательство завтра

же переселиться в комнату хозяина дома. Я обещал. Но те слова, что мы сказали с Сарой друг другу у двери, совсем не удержались в моей памяти: я торопился выйти, она не удерживала меня. Тогда, уходя на прогулку, я не знал, что еще не скоро её увижу.

Снаружи было тепло: от выпитого ли, от внутреннего жара ли, но мне казалось, что так тепло осенью не бывает. Ветра почти не было, луна была уже ущербна, но светила ярко. Я стоял у палисадника, раздумывая, куда отправиться. И тут мне вспомнились слова Ивана, что мне суждено найти убиенную Тамару на болоте неподалеку от Саринаго дома. Не знаю, что уж он имел в виду, говоря мне это, но я отправился на поиски трупа. Как-то так получалось, что последние мои прогулки происходили так или иначе, но ночью, и я что-то искал, выяснял, подслушивал и подсматривал. Я чувствовал себя Шерлоком, и мне это нравилось, смущало лишь одно — что всё происходящее имеет непосредственное отношение ко мне. Я — скромный человек, и то, что моя персона внезапно стала центральной, заставляло меня трепетать. Я собирався с силами, сейчас, как никогда ранее, мне требовался трезвый рассудок и отсутствие страхов. Высшие силы, помогите мне! Я не знал молитв, но сейчас они бы мнегодились.

Я спустился вниз по улице, туда, где было болото. Во времена моего детства болото было настоящим болотом, чего сейчас было сказать невозможно. Оно представляло собой территорию, покрытую тонкой сухой травой. Были и кочки, они высоко поднимались над поверхностью, но поросли той же самой болотной травой. Кочки были такого размера, что за ними запросто мог спрятаться сидящий взрослый человек. Кое-где виднелись какие-то болотные деревья, похожие на ивы или черемухи. Влажность местности давал ручей, который протекал между кочками и деревьями. То исчезая, то появляясь, он заболачивал местность и занавешивал утрами и вечерами окрестные улицы густым, как овсяный кисель, туманом. Сейчас улица была

чистой, но над самым болотом уже клубился туман, я предположил, что к утру он растянется по ближайшим улицам.

Я стоял у кромки болота и соображал, что мне предпринять. Нет, болото не было обширным, его легко можно исследовать и попытаться что-то найти. Но делать этого мне вовсе не хотелось, даже не потому, что ночь, и не потому, что глупо, я по-детски боялся, что болото начнет меня засасывать. Ох, сколько тапок и камней во времена моего детства поглотило это мертвое сырое чудовище! Мелкие животные, кошки и собаки, куры тонули в его топях, и мы, дети, тоже боялись быть поглощены им. Бабушка и Сара всегда запрещали мне ходить на болото, но я, разумеется, как и всякое любопытное дитя, исследовал его и был не раз напуган. С тех пор в моей душе жил страх перед болотами. Надо мной с шумом пронеслась какая-то крупная птица, не сомневаюсь, что это была ворона, за болотом находилось городское кладбище. Вороны и галки, копчики и сороки были здесь местными жителями. Болото кольцом охватывала гравийная дорога, она вела в разные части кладбища. Я прошел немного по дороге. Идти было неприятно, мелкие и крупные камни заставляли меня бесконечно запинаться и царапали ботинки, от этого я шел медленно, постоянно останавливался и пытался угадать, как далеко от Саринаго дома мне удалось уйти.

Я шел, сам не знаю куда. Я не искал труп Тамары, но и бесцельным мое блуждание было назвать никак нельзя. Стало холодать, подувший ветер донес до меня звук автомобиля. Где-то сзади ехала машина, её свет еще не достиг меня, но звук уже слышался отчетливо, и мне пришлось спрятаться за ближайшую к дороге кочку. Просто ехавшим в автомобиле могло показаться странным встретить ночью на дороге к кладбищу человека, машина могла остановиться, и неизвестно, чем это мне могло угрожать. Сидя за кочкой, я думал о том, что и машина, едущая ночью на кладбище, тоже необычное явление. Кочка оказалась сухой и достаточно высокой, поэтому мне было

комфортно сидеть и абсолютно не страшно, что меня увидят. Кроме всего прочего, я мог наблюдать за кладбищем, крайняя линия оградок и памятников просматривалась очень хорошо. Мне было любопытно, куда едет машина, и я решил, что посмотрю, где она остановится, и пойду домой. Несмотря на сухую траву, подо мной кочка начала отдавать накопленную влагу, и спина медленно сырела. Машина двигалась не быстро, водителя и пассажиров, если они и были, я, естественно, видеть не мог. А мне хотелось, сам не знаю почему, но я почувствовал, что эта ночная машина может иметь какое-то отношение ко мне. Поэтому я тут же решил, что должен дождаться, когда машина проедет обратной дорогой. Машина проехала и скрылась вдалеке на повороте к центральной части кладбища. Я видел, как фары освещали темноту кладбища, как взлетали испуганные птицы, и более ничего. Я хотел встать из своего укрытия и отправиться в более безопасное место, поближе к дому, но побоялся, что не успею так быстро передвигаться в темноте, и машина нагонит меня. Пришлось перевернуться на живот и ждать, минут через пятнадцать дорога вновь осветилась. Машина на самых низких оборотах двигателя продвигалась назад к трассе. Людей, едущих в машине, мне опять рассмотреть не удалось, но автомобиль, большой черный автомобиль, солидный и дорогой, мне показался знакомым. Я встал и отряхнулся, мне хотелось домой, мне больше не хотелось гулять.

Возле голубого домика Сары я еще немного постоял, мыслей никаких не было, усталость навалилась на мои плечи. Я стоял и думал, что всё слишком сложно для меня. Подняв голову в темное осеннее небо и разглядев самую яркую звезду, я прошептал: «Господи, освободи меня от всего этого!». Звезда мерцала, а последние листья на деревьях чуть слышно шелестели под порывами ветра, воздух пах сыростью, было грустно и безнадежно. Так можно чувствовать только осенью, жизнь кажется печальной и долгой, подобно летящей паутинке, и снега

не хочется, как не хочется позавчерашней засохшей гречки из алюминиевой кастрюльки.

Утром меня разбудила Белла, она собирала мои вещи и переносила в соседнюю комнату. Вероятно, Сара попросила её это сделать, потому что я совершенно забыл, что мне надо сменить комнату.

— Доброе утро! — мой голос был хриплым. Вчерашнее сидение на болоте не прошло для меня даром, голос осип, и в горле покалывало. Неудивительно, я всегда имел слабое здоровье. Бабушка, смеясь, часто про меня говорила: «Тонкая пенка на постных щах». Это она намекала, что чуть что, и я подхватывал какую-нибудь хворобу, хотя вроде бы совершенно не с чего.

— Доброе утро! — Белла собрала мои вещи из ванной в большую коробку и скрылась с ними за дверью.

Я надел тапки и прошел к окну. Было, вероятно, часов восемь, небо освещалось тусклыми лучами восходящего солнца.

— День будет хороший наконец-то! — проговорил я громко, рассчитывая, что Белла услышит меня, но мне никто не ответил.

В комнате я был один. Наверное, Белла уже всё вынесла и раскладывала мои вещи в комнате по соседству. По крайней мере, дверь в мою комнату была закрыта, это было сигналом того, что Белла завершила свои дела у меня. Я вышел в коридор. Дверь Сариной комнаты была закрыта, я дернул ручку, но она не поддавалась.

— Белла! — Я вошел в свою новую комнату. — Белла, а где Сара?

Белла сидела на корточках у огромного шкафа и что-то складывала в нижний ящик. На мой вопрос она даже и не повернулась.

— Сара уехала! — голос помощницы был недовольным. Впрочем и я был немало удивлен.

— Уехала? Куда она уехала?

— В Читу, к доктору. Она просила вас чувствовать себя в доме хозяином и собираться в Москву, через неделю мы уезжаем. Я вчера купила билеты.

— А почему... — голос опять подвел меня, то ли от волнения, то ли от простуды, но голос мой сорвался, — а почему она не попросилась со мной?

— Уж этого я не знаю. Будить, наверное, не захотела, вы спите как убитый — не добудишься. А вы что, заболели?

— Не знаю, — я чувствовал себя паршиво из-за крестной. Она не могла уехать, не попрощавшись.

— Давайте завтракать, Даниель уже проголодался. Посидите с ним на кухне, пока я приготовлю вашу комнату, а то один он может что-нибудь начудить. Завтрак я приготовила.

И Белла начала отдергивать ночные шторы с окон.

— Я только переоденусь, — я попятился из своей новой комнаты. Трудно сказать почему, но она произвела на меня какое-то тревожное впечатление.

— Можете не переодеваться, — крикнула мне вслед Белла, и еще через паузу и тише. — По крайней мере сегодня...

Я постоял немного в коридоре, размышляя, где искать Даниеля, и, дернув дверную ручку Саринной комнаты, направился на кухню.

В кухне за столом сидел Даниель и водил пальцами по узору на скатерти.

— Привет, Даня! — прохрипел я мальчику как можно приветливее.

Даниель вскочил и отвесил свой четкий поклон головой:

— Доброе утро, Рим Иванович! Как поживалось?

Я почесал пятерней голову:

— Спасибо, хорошо!

— Я тоже спал хорошо! — громко отрапортовал мальчик и сел на свое место.

Он сидел прямо. Неестественно прямо. Казалось, что его привязали к спинке стула. Я даже зашел за спинку, проверяя, не есть ли это так на самом деле. Но — нет. Даниель сидел прямо сам по себе, на его коленях лежала салфетка, а руки были безупречно

сложены поверх неё. Юноша был тщательно одет, в отличие от меня он был в свежей рубашке, отутюженных брюках и в привычной серой жилетке. Волосы на его голове были заботливо уложены, а носок, чуть торчащий за приподнятой брючиной, точно соответствовал цвету брюк. Молодой мистер безупречность! Мне даже стало стыдно за собственное наплевательское отношение к своему внешнему виду, и я, мысленно, за те секунды, что стоял за спинкой стула, дал обещание следить за собой.

— Сейчас будем завтракать, — я заметался по кухне, — будем завтракать завтраком!

Я открыл холодильник, достал сыр и варенье, разложил по маленьким тарелочкам сырники и разлил по чашкам горячий чай.

— Даниель хочет варенье и чай с сахаром! — громко произнес юноша.

Я быстро положил в его чашку ложечку сахара и пододвинул розетку с вареньем:

— Ешь, пожалуйста!

— Даниель любит три ложки сахара! — требовательно произнес Даня.

Я положил ему в чашку еще одну ложечку:

— Три, это много. Твой чай и так будет сладким, а еще у тебя есть варенье, оно тоже сладкое, — произнес я поучительным тоном.

Даниель встал, взял в руки сахарницу и добавил себе еще одну ложку сахара в чай. Я от такой наглости просто обалдел. Какой-то урод меня не слушает! Я медленно поднялся, взял кружку Даниеля и вылил чай в безупречно вычищенную раковину. Заварка и нерастворившийся сахар создали на белизне некрасивое желтое пятно. Я прополоскал чашку и налил в неё свежий чай.

— Пей, — чашка была поставлена перед Даниелем рядом с вареньем, — пей с вареньем!

Даниель не смотрел на меня. Я сел напротив него и стал прихлебывать свой чай. Как только я поднес ко рту сырник,

раздался ужасный вой. Даниель раскачивался из стороны в сторону и, не поднимая глаз, с закрытым ртом, выл. Вой от еле слышного становился всё громче и громче. Я успел подумать, что так делают попугаи, качаясь на жердочке и безостановочно повторяя: «Попка — дурак! Попка — дурак! Попка — дурак!». Сирены в голосе Даниеля мне дожидаться не хотелось, и я, дав слабину, немедленно насыпал в его кружку три ложки сахара и быстро размешал:

— Прости!

Вой прекратился. Даниель схватил чашку обеими руками и пододвинул к себе. Ели молча. Даниель сопел и кряхтел, прихлебывая чай и поглощая сырники один за другим. Я молча засовывал в рот варенье. «Какой же ты педагог, раз идешь на поводу у уловов ученика», — пожурил я себя. Чтобы восстановить свое педагогическое реноме, я подошел к Дане и предательски ткнул его в район ключицы. Юноша перестал кряхтеть и стал принимать пищу очень чинно, как заправский аристократ, медленно и с достоинством. Я был удовлетворен этой маленькой победкой.

— Завтракаете? — в комнату вошла Белла.

Она тоже налила себе чай и положила пару сырников. Вид у неё был усталый.

— Я сейчас вымою посуду, а вы пока позанимайтесь с мальчиком! — она достала из шкафа тетрадку. — Вот конспект!

Я взял в руки тетрадь и открыл. Это был обычный учительский план урока.

— Белла, вы составляете планы, как школьная учительница? — я был очень удивлен. «Впрочем, — сказал я сам себе, — это явно Сарина примочка. Старая ведьма со своей школой никогда не расстанется!»

— Это требование Сары, — произнесла она раздраженным голосом, — думаете, у неё условия только для вас? Нет, у неё условия для всех! Она меня до занятий без конспектов

не допускает. Всё должно быть, видите ли, по науке. По великой науке — педагогике!

— Угу! Узнаю крестную! — я улыбался. Конспекты и планы уроков учила меня составлять именно она. Мы писали с ней бесконечные «скелеты» уроков, и она не уставала приговаривать: «Хороший план — успех урока!».

Я дождался, пока Даниель закончит свою трапезу.

— Даня, теперь урок! — строго произнесла Белла.

Даниель отодвинул стул, встал, задвинул стул и, кивнув головой, чеканно произнес:

— Спасибо, Белла! Спасибо, Рим Иванович! Даниель будет учиться!

Шлепающие шаги мальчика звучали уже в другой комнате, и я, почти бегом, отправился за ним. Пижама смущала меня, я всё время думал, что может внезапно вернуться Сара или Саша Гращ явится за чем-нибудь. Следуя за Даниелем, я пропустил его в комнату, а сам опрометью бросился к себе в комнату, чтобы взять джинсы и рубашку. По привычке я толкнул дверь гостевой комнаты, но дверь была заперта. Несколько секунд я соображал, почему так, а потом перешел к другой двери, к двери моей новой комнаты. Я распахнул шкаф, в который Белла складывала мою одежду, и стал перебирать аккуратные стопки с бельем. Потом распахнул платяной отдел, сдернул с плечиков рубашку, в нижних ящиках нашлись джинсы. Быстро сняв пижаму, я вскочил в джинсы, застегнул ремень и стал застегивать бесконечный ряд маленьких пуговиц на рубашке. Пальцы не слушались, у меня с детства были проблемы с мелкой моторикой, именно по этой причине я не слишком жаловал рубашки. Но в доме Сары приходилось соответствовать, я застегивал маленькие пуговицы и старался убедить себя, что уже пора стать взрослым и перестать бояться старой крестной. Закончив мучить пуговицы и заправив рубашку в джинсы, я резко повернулся к стене, противоположной шкафу, там,

по моим ощущениям могли быть мои домашние туфли. Туфель там не было, зато там был Даниель. Он стоял каменным изваянием и смотрел на меня. Нет, неправда, не на меня, а — через меня. Я обомлел.

— Привет! — слово вырвалось из меня само по себе. Я поймал себя на мысли, что иногда мои поступки в этом доме случаются помимо моей воли. — Ты пришел за мной?

— У Даниеля урок! Рим Иванович — учитель! — внук Сары пришел требовать от меня знаний. Должно быть, я слишком был увлечен поисками одежды и даже не заметил, как Даня вошел в комнату. Но странно другое, почему я не заметил, как он пересек комнату и встал у противоположной от входа двери. Это надо было очень увлечься!

— Сейчас... сейчас... — я в растерянности смотрел на Даниеля, — сейчас я найду мои туфли.

— Туфли надевают на ноги. Всё, что для ног, находится в нижнем ящике шкафа справа, — отчеканил внук.

Я медленной походкой направился к шкафу, открыл самый нижний ящик справа и увидел там всю свою обувь: ботинки, туфли, старые тряпичные кеды и сланцы для бассейна. Когда туфли были надеты, я спросил своего ученика:

— Ты как узнал про туфли?

Ответа не было, мальчика тоже не было. Стена, у которой только что стоял Даниель, была пустой. Я даже прошел до неё и провел рукой по обоям. Никого. Я воровато оглянулся. Никто не должен был стать свидетелем моего сумасшествия. В комнате никого не было. Я заглянул за кровать, прикидывая, что мальчик решил сыграть со мною в прятки, но и там его не было. Большая широкая кровать стояла всем своим дном на полу, поэтому под кровать Даня не мог залезть. Я стоял перед пустой стеной и молча перебирал пальцами в воздухе свой ужас. Белла накормила меня галлюциногенными сырниками? Прошло минут пять до того момента, как я смог принять

собственное безумие. Безумие является безумием, только если про него кто-то знает и считает ненормальным, а если не знает и не считает, то всё в порядке. Я вышел из своей комнаты и направился на урок к Сариному внуку. Путь в комнату мальчика пролегал через комнату Сары. Я остановился перед комнатой Сары в глубокой задумчивости:

— Белла!

От моего крика зашевелились даже паутинки на потолке. Через несколько мгновений Белла влетела в коридорчик и наскочила на меня. В её глазах читался ужас:

— Что? Что такое? — в испуге она вытирала мокрые руки о свой белоснежный передник. — Что вы так кричите?

— Где ребенок?

— Что значит — где?

Она бросилась в мою новую комнату и отдернула портьеру у окна. За портьерой была открытая дверь в комнату Сариного внука, он сидел за письменным столом и болтал ногами. Плоская подошва его ботинок мелькала туда-сюда, туда-сюда.

— Рим, вы сведете меня с ума!

Белла устало присела на край моей кровати. Да, сегодня вид у неё был совсем не цветущий. Мне даже показалось, что она сейчас свернется калачиком на моей кровати и уснет.

— Сара не рассказала вам, как устроен дом?

— Нет. А что, он как-то по-особенному устроен? — я понимал, что по-особенному, но должен же я был как-то оправдаться перед Беллой за приступы паники, которые меня постоянно преследовали в этом доме.

— Слушайте, дом — это круг. И каждая комната в доме связана с каждой другой комнатой дверью. Кроме... Кроме вашей бывшей комнаты. Поэтому она — гостевая, чтобы чужие люди не могли ходить по дому. Коридор — отдельно, но в него есть выход из каждой комнаты. Только комната Дани не имеет выхода в коридор.

— А зачем так сложно? — я спросил не потому, что не понимал, а потому, что хотел убедиться в собственных догадках. — Это такой способ контролировать Даниеля?

— Способ? А, ну, да! Способ! Когда Сара забрала его, он постоянно убегал, вылезал в окно, выходил во все двери, даже в те, где есть запоры. Вы же видели, что распутывание узлов и открытие замков — его конек?

— Мобиль?

— Он самый! — Белла зевнула. — Пойдемте, я покажу вам дом.

Мы переходили из комнаты в комнату. Белла открывала и открывала двери, мы прошли мою комнату, комнату Дани, комнату Сары, кухню, гостиную, какие-то подсобные помещения, прихожую в старом доме, все три комнаты старого дома, еще какие-то комнаты, в которых я до этого не был, пока, наконец, не вышли из моей комнаты в коридор.

— Таким образом, Даниель может выполнять свои циклы и бегать по дому кругами, — подытожила Белла.

— И очень удобный внутренний двор, не так ли?

— Удобный, — Белла посмотрела на меня с подозрением. — Вы уже заметили? Да?

— Не понимаю только, почему Сара мне сама не рассказала про устройство дома? — этот вопрос я не адресовал Белле, это были просто мысли вслух. Думаю, что Белла поняла меня. Она просто пожала плечами.

— А почему в первой комнате, ну, то есть в гостевой, нет хотя бы одной смежной двери?

— Я точно не уверена. Но, кажется, эта была первая комната в новом доме, пока Сара не придумала, как создать безопасный дом для внука. Изначально она планировала снести старый дом, а потом нашла способ как его использовать с пользой. Сара очень рачительная женщина, знаете ли... — Белла выразительно посмотрела на меня. Я понял, что она намекает на старое баракло, которое Сара хранит в старом доме.

Белла опять зевнула.

— Белла, может, вы пойдете домой, мне кажется, вам надо отдохнуть, — деликатно предложил я помощнице.

— Можно, да? — Белла с каким-то испугом посмотрела на меня. — А вы Саре не станете жаловаться?

— Не буду. Просто я вижу, что вам сегодня будет трудно работать.

Боясь получить резкий ответ, я спросил:

— Вы сегодня плохо спали?

— Плохо. Сначала план составляла, а потом у соседей выла собака, я не могла никак уснуть. Тревога какая-то, и этот тоскливый звук... Как-то не по себе, не спалось, — с несчастным видом Белла опять зевнула.

— А муж где был? — спросил я просто так. На самом деле мне было абсолютно неинтересно, где был Саша.

— Муж? Муж уехал в командировку. Он уехал в Читу регистрировать в конторе ваше право наследования и опекунства. Он приедет через неделю, и мы сразу уезжаем в Москву.

— А почему именно в Москву, а не в какой-нибудь другой город, — задал я давно интересующий меня вопрос.

— Почему Москва? Я не знаю. Это Сарины причуды, спросите её! — ответ Беллы прозвучал резко, будто ей эта идея с отъездом тоже не нравилась, но она подчинилась воле хозяйки.

Я закрыл за Беллой двери и отправился к Дане. Мне очень хотелось весь день проваляться на кровати и ничего не делать. Но необходимость развлекать и занимать Даниеля требовала от меня активности, к которой я сегодня был мало способен. Признаться, я завидовал Белле. Она отправилась в свой дом. Спать. Такой роскоши я теперь не мог себе позволить. К тому же Сарин дом держал меня в состоянии постоянного тонуса. Мне казалось, что отсутствующая Сара за мной наблюдает. Да, это была паранойя, ассоциирование, когда наличие волнующего предмета заставляет тебя совершать невероятное: бодрствовать

при желании спать, голодать при желании есть, постоянно говорить, когда хочется молчать. Я задумался над тем, какой конкретно предмет в Сарином доме вызывал у меня паранойю, но ответа у меня не нашлось. И я придумал себе «дух Сары».

«Дух Сары» привел меня в комнату Даниеля. Надо было заниматься. Как и прежде юноша сидел за своим письменным столом и болтал ногами. Казалось, что за то время, что мы с Беллой исследовали дом, он так и не встал со стула, а сидел и болтал ногами.

— У Даниеля урок! — строго проговорил я и позвонил в колокольчик.

Даниель, как примерный ученик, ровно встал у своего письменного стола. Это было нелепо. Взрослый юноша ждет звонка на урок. Но это я такой нелепый, многие ведь люди живут и работают по звонку, это реалии современной жизни, корпоративной культуры, в университетах опять-таки есть звонки и много еще где. Даже утро мы начинаем по звонку, по звонку будильника. Так что... Ничего странного, а тем более — смешного в поведении Дани не было.

— Садитесь, ученик! — проговорил я громко.

Даниель сел за стол и сложил руки «полочкой». Я открыл тетрадь и начал изучать конспекты к уроку. Белла сегодня планировала объяснять Дане выражение «льняное платье». Почему знать именно о льняном платье было так необходимо юноше, я не понимал. Но потом, вчитавшись, я понял, что она собиралась с ним репетировать твердый и мягкий «л».

Я называл слова, Даниель повторял их за мной. Потом мы долго дразнились. «Льняное платье!» — говорил я и показывал Даниелю язык. «Льняное платье!» — эхом повторял юноша и, смеясь, тоже показывал мне язык. Так мы корчили друг другу рожи, пока мне не надоело. Я устал, а Даня теребил меня за рукав и, хохоча, бесконечно кричал: «Льняное платье! Льняное платье!». У меня заболела голова. Я подошел к шкафу, в котором

Белла хранила наглядные пособия, и стал искать что-нибудь подходящее для занятия. Даниель продолжал громко безумствовать. Я повернулся, взял со стола колокольчик и громко позвонил. Даниель остановил кривляния и смех:

— Перемена для Даниеля?

— Перемена. Сейчас Даниель пойдет обедать. Даниель моет руки.

Ортопедические ботинки юноши захлопали по направлению к ванной комнате, шум бегущей воды немного успокоил меня. Я стоял перед невероятным количеством маленьких разноцветных папочек. Это был наглядный материал, отсортированный по темам: «Овощи», «Мебель», «Размер», «Времена года». Этих папочек было так много, что у меня возникло невольное уважение к человеку, который это сделал. Картинки были заботливо вырезаны из книг и журналов, наклеены скотчем, чтобы не истирались и не мокли. В каждой папке на обложке было написано содержание. Я представил себе, как Сара по вечерам, вооружившись маникюрными ножницами, потрошит макулатуру в поисках нужного содержания. Я вспомнил, что видел уже подобную папку в руках у Беллы, но по ошибке считал, что это книга. Та книга была зеленого цвета. Я постарался вспомнить оттенок, потому что зеленого цвета на полках было много. Так какой же был оттенок? Я задумался. Это был цвет огурца, темно-зеленый.

Вода в ванной перестала течь и Даниель появился в комнате. Пришлось остановить поиски, и мы отправились на кухню. После обеда Даниель начал канючить:

— Гулять! Даня хочет гулять!

Я выглянул в окно. Светило солнце. Осень напоследок решила побаловать нас теплыми днями. Прежде мне казалось, что даже погода против меня, теперь же я думал по-другому. Сегодня утром я подумал, что погода поддерживает меня на моем трудном пути и одобряет принятое мною решение.

— Даниель надевает теплую одежду, — объяснил я требуемое действие и подвел Даню к шкафу.

Юноша одевался долго и тщательно: шарф, пальто, перчатки, шапка. Удивительно, но парик он не надел. Я залез в карман его пальто, затем — в другой. Но парика не было. Я заглянул в шкаф, переложил шарфы и варежки, но парика нигде не было видно.

— Где парик? — спросил я грубо.

И Даниель начал выть. Он расставил ноги и раскачивался из стороны в сторону, как деревянная лошадка-качалка. Звук нарастал. Я смотрел в окно и ждал апогея. Но никакого апогея не случилось. Вой происходил на одной ноте. Ни громко, ни тихо. Монотонно.

— Гулять! — я со злостью хлопнул Даню по плечу рукой. Вой прекратился. Даниель через дверь на кухне вышел в деревянную галерею, а я сел на подоконник и наблюдал, как он бродит кругами по двору.

Я не заметил, как задремал. Видимо, однообразность и монотонность, ночная прогулка и мое эмоциональное напряжение сыграли свою роль. Я спал и мне снился вой Даниеля, тяжелый, тупой, как железнодорожный лом.

— Гулять! — кто-то прекратил мой тяжелый сон. Я открыл глаза. Смеркалось. Солнца уже совсем не было, ветер качал ветки деревьев над крышами, и дождь своими каплями заплакал оконное стекло. Я испуганно поискал глазами Даню. Юноша в парике качался на скрипучей качели.

Я вышел во двор и направился к качелям. «Как же я мог уснуть?» — ругал я себя, осознавая, что такой присмотр за внуком вряд ли мог понравиться Саре. «Устал и уснул!» — пришлось оправдываться перед самим собой. «Ведь ничего страшного же не случилось. Всё хорошо!» — извиняющая сама себя мысль уговаривала меня. И уговорила. Чувство вины как-то сразу пропало, стоило мне увидеть лицо Дани. На юноше был привычный

парик, а земля вокруг качелей была усеяна конфетными обертками. «Он просто качался и ел конфеты из Саринового шкафа», — сказал я себе и окончательно успокоился.

— Даниель идет домой! — произнес я громко и ткнул Даню в район ключицы. Даниель поднялся и с опущенной головой побрел к дому.

Стоя посреди двора, мне в голову пришла мысль проверить наличие веревочной лестницы. Я пробрался к известному мне окну и пошарил над ним, потом провел по периметру ладонью. Ничего похожего на лестницу. Я еще раз произвел то же самое ощупывание, но опять ничего не обнаружил. Чувство недоумения и тревоги кольнуло меня. Мне почему-то показалось, что Даниель в ночь встречи с Иваном и Еленой Беленькой и сегодняшней Даниель — разные Даниели, они были похожи внешне, но при общении ощущались по-разному. Может, это и есть сумеречное состояние и временный выход из него, то, про что мне говорила Сара, и то, чему я не поверил.

Я покормил Даниеля какой-то кашей, что нам оставила Белла, что-то опять повторил ему про вред сладкого и налил молока из коробки. Даниель ел, сопел и прихлебывал, но мне уже не казалось это ужасным, и я не стал его дергать. В конце-то концов хоть раз в день человек имеет право расслабиться! Я смотрел на юношу и думал о том, что он очень счастлив, сам того не понимая. Все с ним носятся, трясутся над ним, живут ради него, работают на него, а он сидит и хрюкает. Потому что имеет право на безумие! Я не имею, Сара не имеет, Белла не имеет, а он — имеет!

— Тридцать пять! — произнес вдруг мой безумный опекаемый.

— Что тридцать пять? — я дернулся.

Мне показалось, что цифра была названа неслучайно. Я вспомнил про тридцать пять процентов, на которые я буду становиться беднее, и про год рождения Сары.

— Что тридцать пять? — я повторил свой вопрос, будто ответ мог иметь какое-то значение. — Почему тридцать пять?

Даня блаженно улыбался и болтал ногами. Я потряс его за плечо. Юноша рыгнул.

— Чудесно, Даня! Спать! Быстро спать! — я вышел из себя и кричал громко.

На удивление Даниель воспринял мои вопли вполне спокойно, он встал, чинно мне поклонился и пожелал всего хорошего:

— Спокойной ночи, Рим Иванович!

Через секунду его башмаки звонко захлопали в направлении спальни. Тридцать пять! Что мог посчитать этот недоумок? Мой взгляд упал на коробку молока. Крупные белые горошины сразу бросились мне в глаза. Пришлось пересчитать их трижды и признать, что Даня назвал мне всего лишь количество горошин на коробке. А я на него накричал, придумав себе бог знает чего!

Я вымыл тарелку, из которой Даня ел кашу, дабы Белла утром не назвала меня свиньей. Потушил свет в доме и направился к Дане. Не уверен, но ему могла потребоваться моя помощь. Даниель в ванной чистил зубы. Удивительно, но Сара сумела привить внуку многое. Ничего не скажешь, настоящий педагог! Я вернулся к полкам с наглядными материалами и вынул целую стопку папок огуречного цвета, перенес их к себе в комнату. Сейчас мне трудно объяснить, почему я это сделал, но, видимо, какое-то наитие руководило мною. Даня вышел из ванной, погасил свет и залез на кровать. Стоя у смежной двери, я наблюдал его отход ко сну. Юноша сложил на груди руки, опустил голову и начал читать наизусть. Это были слова молитвы «Богородица Дева, радуйся!», потом еще какая-то и в конце «Отче наш». В молитве речь юноши была ясной, он не заикался, не коверкал слов, не проглатывал окончаний. Слушая его, я даже успел подумать, что в этом камерном чтении есть какая-то душа и осмысленность. Даниель закончил свое чтение и, свернувшись калачиком, приготовился спать. Неожиданно для самого себя

я подошел и поцеловал мальчика в щеку. А почему бы и нет. Все-таки нам предстояло провести вместе долгую жизнь.

Я закрыл соединяющую комнаты дверь, выключил яркий верхний свет и включил светильник у кровати. Я собирался подготовиться к завтрашним занятиям с Даней, сегодняшний урок совсем не годился. Папок огуречного цвета было двенадцать. Я стал подбирать картинки. «Льняное платье» я искать не стал, зато мне удалось составить словосочетание «белая моль». Я был доволен собой и даже стал сочинять какое-то подходящее стихотворение для отработки навыка:

*Белую моль мучает боль,
Села на соль, выучить роль.
Смелая моль вытерпит боль,
Выучит роль, плюнув на соль.*

Здесь я еще больше загордился собою: математик сочинил связный стих, и в нем есть не только смысл, но и много вариаций слов со звуками «л» и «ль». Был уже поздний час, когда я стал сгребать огуречные папки в кучу, завтра утром их надлежало вернуть на полку, Белла могла рассердиться за беспорядок. Одна из папок отличалась от других, нет, она была почти как и те, что я успел просмотреть, но эта была устроена как книжка. Я раскрыл её и обомлел. На развороте была фотография Беллы, абсолютно голой и с раздвинутыми ногами. Перепугавшись увиденным, я резко захлопнул книжку и отбросил её от себя. Теперь мне стало понятно, о чем она интимно шептала Даниелю перед сном и почему отказалась отдать мне эту книгу, когда я предложил. Книжка была непростой, я вновь притянул её к себе. Нет, мне вовсе не хотелось секса, мне хотелось узнать, зачем Белла этим занималась. Сама это она придумала или это делалось по чьему-то указанию? Может, это Сара потеряла

рассудок в конце жизни и развращает внука? На других страницах картинки были еще более ужасающие, но фотографий Беллы там больше не было. Другие картинки были вырезаны из разных изданий, но везде одно и то же — сексуальные сцены, голые мужчины и женщины, половые органы крупным планом, гомосексуалисты и педофилы, секс с животными и сцены пыток. Я захлопнул книжонку, она лежала на моих коленях такая скромная, огуречного цвета, но наполненная грязью и ужасами взрослого мира. Кровь стучала в моих висках, я не знал, что делать. Молитвы, которые читал мальчик, и эти извращения не сочетались в моем сознании. Я пришел к выводу, что Белла пытается совратить Даниеля. Ну, или сделать из него сексуального маньяка. И одно, и другое, на мой взгляд, было ужасающе плохо. Я решил ни о чем не говорить Белле или Саре, а застать преступника на месте преступления.

Я поставил папки на место в шкафу, всунув меж ними книжку про секс. Один вопрос остался для меня невыясненным, как сам Даниель относился к этой книжке. Сейчас больше всего мне хотелось разбудить его и начать тыкать в нос картинками. Мы были одни, я бы мог без посторонних ушей и опасений поговорить с ним. Но юноша спал, спал крепким сном, так спят лишь дети и те, кто много работает физически: равномерно сопя и открыв рот.

Клянусь, мне трудно было даже заподозрить его в развратных мыслях, не говоря уж о поступках. Хотя, помнится, Сара говорила мне что-то там о таблетках, подавляющих сексуальные инстинкты. Может, при помощи этих картинок эти две бабы пытались что-то выяснить о Дане, о его фантазиях, желаниях, склонностях? Белла? Зачем это ей? Сара? А ей для чего? А может, злодеем был муж Беллы, Саша Грац? В любом случае, почему книжка открыто хранилась на полке в комнате Сары? Её случайно там забыли или специально оставили, или её присутствие на полке не считается чем-то из ряда вон выходящим?

Я выключил свет и лег спать. Сон пришел сразу, я даже не гонял в голове свои вопросы, которые мучили меня этой ночью. Я решил, что до отъезда в Москву надо всё выяснить.

Утром Белла разбудила меня рано, где-то в районе шести часов. Она позвонила на внутренний домашний телефон Сары и сообщила, что сегодня мне надо посетить частное ателье, которое сошьет мне приличную одежду для Москвы. Она продиктовала мне адрес ателье и спросила, как прошла ночь. Я вдруг вспомнил, что мне удалось выяснить вчера вечером, и возмущенно, недослушав до конца её вопросы, положил трубку. Я заглянул в соседнюю комнату, Даниеля на кровати не было, но в ванной горел свет. Пришлось настойчиво постучать в запертую дверь и услышать ответ: «Занято!». Я не стал ждать, а направился на кухню. Хотелось что-нибудь съесть и почувствовать себя бодрим. Отсутствие Сары и Беллы в доме заставляло меня верить в себя, я чувствовал ответственность за Даниеля и мнил себя взрослым человеком. На кухне я открыл дверь во двор. На улице было холодно, свинцовые тучи, наполненные влагой и бедой, плыли очень низко. Но какая-то утренняя пичуга, невзирая на надвигающуюся зиму, встречала рассвет песней. Я сварил себе натуральный кофе в турке. Раньше я никогда этого не делал, поэтому сейчас сыпанул столовую ложку в сосуд, налил доверху холодной водой из крана и открыл газ. Прикуриватель щелкнул, и синие язычки пламени принялись лизать полусферическое дно турки. Ароматная шапка пены выросла из мутной жижи прямо на моих глазах. Я решил, что кофе готов, и отлил немного в крохотную кофейную чашечку. В дверь с улицы позвонили, синий глаз приемника домофона призывно засветился:

— Белла, это ты? — задал я вопрос трубке, хотя понимал, что у Беллы есть ключи от двери.

— Нет, это ваши соседи, откройте!

Я бросился в спальню, нацепил на себя какой-то махровый халат из ванной и побежал по кругу, добираясь до входных

дверей в старом доме. У ворот стоял пузатый мужчина и держал в руках нечто горелое.

— Наконец-то! Я думал, что вы не выйдете. А хозяйка где?

— Я вместо неё, — произнес я извиняющимся тоном. — Я родственник Сары. Что случилось в такую рань?

Мужчина смотрел на меня изучающим взглядом.

— Рим, ты что ли?

— Я, — коротко брякнул я, хотя, наверное, мне стоило скрывать, кто я и зачем здесь.

— А... Ты смотри, веревка жженая с вашего участка залетела на мой, — и он махнул рукой куда-то в сторону соседнего участка.

— Сегодня?

— Не знаю, но нашел я её сегодня утром. Что там у вас происходит? Сами загоритесь и меня еще чего доброго подпалите.

— Извините, разберемся. Спасибо за сигнал.

— Да, не за что! А я тебя еле узнал, вырос, возмужал. Ты не сердись, что я так рано, — извинившись, мужчина направился к своему дому.

Я стоял махровым шаром у входной двери и держал в руках обугленный кусок веревочной лестницы, по которой еще пару дней назад выбирался из Сариной крепости. Что-то непонятное происходило в доме крестной. Пока я спал вчера на подоконнике, в доме явно что-то произошло. Я ругал себя за то, что вчера днем не сразу перед прогулкой проверил наличие веревочной лестницы. Потом было уже поздно, лестницу сожгли и выкинули, и, если бы не бдительный сосед, я бы и не узнал ничего.

Я вспомнил, что Даниель один дома, и отправился готовить ему завтрак. Сардельки и яйца сварились быстро, я заварил в чайнике чай. Время уже приближалось к восьми, но Беллы всё почему-то не было. Пришлось сервировать стол и звать Даниеля. В комнате Дани было всё так же тихо и пусто, только из туалета доносилось кряхтение. Я постучал в дверь, а в ответ опять услышал: «Занято!». Больше часа сидеть в туалете! Что за причуды!

Я принялся тарабанить в дверь кулаками, повторяя, что если мне не открыть, то я сломаю дверь. Ответом мне было только крик. Прошло еще минут пять, и я отчаялся. Двери ломать я не умел, а как справиться с ситуацией иначе, просто не представлял. На мое счастье раздалась шага, это появилась спасительница Белла. Несмотря ни на что, сейчас я готов был её расцеловать.

— Белла, он заперся в туалете и не выходит!

— Давно? — спокойно поинтересовалась Белла и приложила ухо к двери.

— Да уже давно. Это два часа, как я заметил. А когда он зашел в туалет, я не знаю. Я проснулся, когда ты позвонила. Он тогда уже сидел там.

— Будем снимать двери. Да вы так не переживайте, Рим! В вашем доме это обычное явление. Себя вспомните. Сара, та всегда, чуть что почудится, сразу двери долой!

Я вспомнил, как в моей гостевой комнате снимали дверь.

— Рабочего вызывать будем?

— Не-е... Сейчас я принесу инструмент, и вы просто подцепите дверь и снимите с петель. Дело привычное, за последнее время её часто снимали, я знаю, как это делается.

— Значит, это часто с ним?

Белла засмеялась:

— Ну, бывает, случается.

— А что с ним? — я растерянно указал рукой на дверь туалета.

— Запор. Но случается что и понос. Когда как.

— Так сильно? — я в полном недоумении смотрел на Беллу.

— Сладкое ел? Выпечку? Хлеб?

— Много конфет, варенье, три ложки сахара в чае. Ну, это только из того, чему я сам был свидетелем.

— Рим, ему всего этого можно только совсем помаленьку. У аутистов вечные проблемы со стулом, целиакия называется. Сара Риму давала только специальные сладости!

— Но я-то не знал!

— Конечно, не знал. А теперь будешь знать.

Я слушал кряхтение за дверью и размышлял, с какого края эту самую дверь лучше подковырнуть. И в самом деле, дверь снимали не раз — низ был изрядно поврежден. Где-то вдалеке Белла гремела чем-то, наверное, инструментами, а я размышлял об интимных проблемах Сариного внука. Я, соглашаясь стать его опекуном, понимал, что мне придется решать разные проблемы, связанные с ним, но мне совсем не хотелось разбираться в разных медицинских вопросах, бытовых мелочах и с тем, что у нормальных людей считается табуированными темами. В задумчивости рассматривая низ двери, я принял решение строго поговорить с Беллой. Ведь она женщина, и эти темы ей должны быть близки, к тому же она дольше меня знакома с Даней и его проблемами, мне хотелось свесить их на неё. Белла долго не возвращалась, и меня это стало раздражать. Мне не терпелось побыстрее закончить с дверью, оставить Даню на попечение женщины, а самому заняться своими делами. В последнее время этих дел у меня оказалось очень много, и складывалось впечатление, что я постоянно куда-то спешил, не успевал и упускал разные нюансы из вида. Так, вероятно, оно и было, слишком непосильный груз ответственности вдруг упал на меня. Белла явилась с длинным инструментом, загнутым с одного конца, вероятно, это был какой-то гвоздодер или ломик, который приспособили для открывания закрытых дверей. Я улыбнулся:

— Серьезный инструмент!

— Да, этим мы обычно пользуемся, когда нужно срочно снять дверь, — Белла быстро постучала костяшками пальцев по двери. — Даня мы открываем дверь!

Кряхтение за дверью неожиданно прекратилось, и она открылась. Даня вышел из туалета как ни в чем не бывало и направился в ванную мыть руки. Я с удивлением переводил взгляд

с Беллы на Сариного внука, казалось, что он понял наши намерения и решил не усугублять.

— Чудесненько! — я заглянул в маленькую туалетную комнату.

Туалет был чист и свеж, унитаз сверкал белизной в лучах искусственного света, запах не чувствовался. Мне показалось или это так и было, но унитазом сейчас здесь никто и не пользовался. Белла вслед за мной тоже заглянула в туалет. И ей, похоже, тоже здесь что-то не понравилось.

— Даня, ты покакал? — прокричала она в ванную.

Журчание воды не дало нам расслышать, что ответил Даниель. Да и вообще лично мое ухо не уловило никаких признаков ответа, только шум воды.

— Держите, — Белла сунула мне в руки металлический инструмент и зашла в ванную.

Через шум воды я слышал её недовольный голос и какие-то всхлипы. Через несколько секунд она покинула ванную:

— Будем делать клизму! — её голос был решительным и гневным, по всей видимости, разговор с Даниелем ничего не дал.

Я заглянул в ванную: вода уже не шумела, Даниель, опустив глаза в пол, усердно вытирал руки. В растерянности я постоял возле него, наблюдая, как он трет уже и без того сухие ладони. Мне захотелось приободрить его и, не придумав ничего лучшего, я похлопал его по плечу:

— Ничего, дружище, сейчас мы тебе поможем!

Не знаю, чем я лично мог ему помочь, но Белла определенно могла и, судя по её поведению, точно знала как.

Желая избежать неприятной процедуры клизмирования, я посчитал своим долгом отнести инструмент и направился было на кухню. Но Белла хотела другого:

— Рим Иванович, вы будете мне помогать!

Белла держала в руках ужасное пыточное приспособление: грелку с водой и шланги. Один вид этих медицинских резиновых

устройств наводил меня на ужасные мысли. Мне было жаль Даниеля, он, как нашкодивший щенок, прятался за спинкой кровати.

— Но я не умею! — попытался я возразить Белле.

— А тут и уметь нечего! — возразила она. — Будете просто держать ведро и всё!

— Я не хочу! — мои слова звучали совсем по-детски.

Белла невозмутимо сунула мне в руки пластиковое ведро.

— Можно подумать, я хочу! Вот! Будете ловить!

— Ловить? — я скорчил брезгливую гримасу.

— Ловить, да! У него это дело случается весьма быстро, так что не зевайте, а то потом придется соскребать с пола.

Я смотрел на всё происходящее, как на дурной сон. Мне казалось, что это происходит не со мной. Я сжимал в руке ручку ведра, а казалось, что я держу в руках что-то страшное, например, пистолет, и мне предстоит из него стрелять. Стрелять надо было вот в этого неуклюжего мальчика, зажмурив глаза, заткнув уши, но стрелять было необходимо.

— Послушайте, Белла! А нельзя ли как-то по-другому. Слабительное, например, ну, или живот ему помассировать.

Белла рассмеялась, смех её был мне неприятен. Я подумал, что этой процедурой она мстит мне, наказывает Даниеля, что она вообще очень недовольна сложившейся ситуацией.

— Белла, я, конечно, виноват, что позволил ему есть сладкое, но у меня есть оправдание. Я не знал про это его заболевание.

— Рим Иванович, вы можете массировать его живот, если захотите, или можете отправиться в аптеку за слабительными таблетками, но я предлагаю самый простой и дешевый способ. Он помогает безотказно в ста случаях из ста.

— Знаете, Белла, мне не хочется присутствовать при этой процедуре, тем более — проводить её самому!

Я хотел проявить упрямство, соответствующее по силе решимости Беллы, чтобы она не заставляла меня заниматься этим

грязным делом с ведром. Если бы даже была глубокая ночь и аптека находилась в другом городе, я бы всё равно поехал за лекарством. А здесь, среди бела дня, можно было заказать лекарство в аптеке, и курьер мог очень быстро доставить его, так что острой необходимости в применении этих самых резиновых трубок я не видел. Мне лишь раз в жизни пришлось на себе испытать действие клизмы, и ощущения оставили в моей душе весьма сильные впечатления. А потом эта унижительная процедура, эти неэстетичные звуки и осознание того, что тебе не просто прополоскали кишечник, а вывернули наизнанку и показали всему свету.

— Знаете, Рим Иванович, я сегодня это уже, кажется, слышала, — Белла привешивала устройство над кроватью повыше, видно было, что она проделывала это не впервые, её движения были ловки и привычны. Я задумался над тем, что они с Сарой мучили бедного Даниеля этой клизмой не раз. Не удивительно, что Даниель был пластилином в руках старухи. Ведь она имела в своем арсенале воспитания, в том числе, и страшное по силе клизменное оружие.

— Белла, я думаю, таблетки — это то, что нам сейчас надо, давайте вначале испытаем их, — произнес я, впрочем, не особо надеясь, что к моим словам прислушаются.

— Да? Таблетки? — Белла задумалась. — А знаете ли вы, что этот юноша имеет привычку удерживать всё в себе? Он неохотно отдает то, что из него выходит. Про это вы знаете?

— Не отдает? Как не отдает? — я немного испугался, что есть нечто такое во внутреннем устройстве человека, что неподвластно моему пониманию. — То есть вы хотите сказать, что он не испражняется?

— Не испражняется? — Белла задумалась. — Нет, он испражняется, но с большим трудом. Он имеет привычку терпеть, сколько может. Но кроме того он еще периодически, если вовремя не успеть забрать его экскременты, ест их. В его туалете

унитаз с автоматическим смывом, очень дорогой, он смывает моментально всё, что в него попадает.

Я немного обалдел. Оказывается, Сарин внук был очень непрост, в нем было столько недостатков, что все его достоинства безжалостно тонули в них. А тут еще эти проблемы с туалетом. Я добровольно обрек себя на пожизненное ковыряние в дерьме! Эта мысль заставила меня потерять самообладание:

— Белла! Я не буду делать ему клизму! — как можно громче крикнул я и выскочил в коридор.

Уже в коридоре я услышал, что Белла грязно выругалась. Я понимал её отчаяние, но не знаю, к чему относились её слова: то ли ко мне, то ли к Дане, то ли к ситуации в целом. Мне даже не хотелось думать, как она самостоятельно может решить проблему Даниеля.

Я направился в коридор, надо было позвонить в курьерскую службу и заказать слабительное. Разновидности слабительного мне были неизвестны, поэтому я решил, что возьму что-то по совету фармацевта.

На кухне чайник уже остыл, сосиски и яйца сиротливо стояли в центре пустого стола. Я вспомнил, что какое-то время назад собирался спокойно позавтракать в компании Даниеля, а теперь я узнал, что он ест собственные экскременты. Мне было трудно определить свое отношение к этим новостям, я считал правдивыми слова Сары о гениальности Дани, а теперь должен был мириться с этой его особенностью и продолжать считать его будущим Перельманом. Мда...

Возле телефона лежала адресная книжка, я знал, что Сара записывает туда все нужные данные: телефонные номера, адреса, имена, фамилии, расписание движения маршруток и электричек. Я открыл толстую тетрадь. Такие старые странички! Потрепанные уголки и пятна разного происхождения, вырванные страницы и заботливо вклеенные кусочки бумаги, торопливый Сарин почерк и её же, но по-учительски правильный,

старательный. Казалось, открыв эту старую адресную книжку, я стал мальчиком, толстым и любопытным, этому мальчику стало скучно, и он лениво перелистывает страницы первой попавшейся тетради, сам не зная зачем. А вот и мой адрес, вернее — мой и бабушкин. Аккуратно когда-то давно Сара вывела «Люба и Рим» и записала наш адрес и номер домашнего телефона, потом, уже другой ручкой, гораздо позднее слово «Люба» было перечеркнуто, а потом, еще позже, под моим именем появился номер моего сотового. Сара никогда про нас не забывала. Впрочем, сейчас было не до воспоминаний, мне нужен был номер аптеки. А вот и он! Крупными цифрами на корочке тетради, рядом с номером школы и участкового, рядом с номером скорой и службы такси, значилось «Аптека». Я набрал пять цифр, чтобы услышать: «Аптека „Центральная“, менеджер Светлана!».

— Здравствуйте, Светлана, мне необходимо слабительное. Простое, но чтобы действовало безотказно.

— Мягкое? С отложенным сроком действия?

Я не знал, что означают слова «мягкое слабительное», но отложенное действие мне было точно ни к чему.

— Нет, мне нужно простое и чтобы точно подействовало.

— Можете взять траву сенны, у неё очень яркий слабительный эффект.

— Да, яркий эффект будет очень кстати, — хохотнул я трубке.

Вежливый голос расспросил о количестве, адресе доставки и способах оплаты. Лекарство должны были доставить в течение пятнадцати минут.

Я поставил чайник на плиту и отправился в комнату Даниеля, чтобы успокоить Беллу и прервать экзекуцию с клизмой.

В комнате Белла пыталась гвоздодером подцепить дверь, вой Дани глухо доносился из-за запертой двери туалета. Я понял, что Белле не удалось клизмировать беднягу, он заперся в туалете и, как умел, выражал протест.

— Белла, я заказал слабительное! — я попытался вынуть из рук женщины инструмент, но она продолжала остервенело просовывать его в щель между дверью и полом. Непонятно, как до сих пор ей не удалось снять дверь. Я решил, что с другой стороны Даниель мог пытаться её удерживать, впрочем это была лишь моя догадка.

Я постоял, раздумывая, как можно прервать этот бунт двух сторон, но ничего толкового в мою голову не приходило. Белла продолжала орудовать инструментом, а Даня надрывно выл.

— Хватит, — собственный рык заставил меня вздрогнуть, горло саднило, — хватит!

Белла бросила инструмент и устало села на край незастеленной кровати. Мне было жаль её. Даня за дверью затих.

— Рим Иванович, мы должны... Нет, мы обязаны, выбить из него это дерьмо! — Белла была тверда в своем намерении.

— И мы его выбьем, Белла! Выбьем! Но чуть позже... Идемте пить чай, завтрак уже остыл.

Удивительно, но Белла пошла за мной на кухню. По пути я подобрал инструмент, чтобы спрятать его. Странно, но Сара и Белла, несмотря на свою женскую сущность, предпочитали действовать грубыми методами и тяжелыми инструментами.

Задумчивая Белла молча пила чай, я нарезал ей бутерброды и исподтишка рассматривал. Сколько лет ей? Привлекательна ли она? Судя по тому, что она жена моего одноклассника, то лет ей, приблизительно, как и мне. Красоты большой я в ней не видел, но она привлекала, её хотелось рассматривать, особенно хороша была её искренняя улыбка, жаль только, что она редко улыбалась, а в последнее время к её и без того вечно озабоченному лицу присоединилась усталость, казалось, что она не высыпается или очень тяжело работает. Вероятно, этой вот усталостью объяснялось её сегодняшнее нетерпение по отношению к Даниелю, она явно хотела доставить ему хоть какие-то муки, хотя юноша совсем ничего для этого не сделал, ни хорошего,

ни плохого. И еще изменение, которое только сегодня мне стало очевидным, с отсутствием Сары в доме атмосфера несколько разрядилась, и Белла, и я, стали чувствовать себя более свободно. Белла перестала носить белый передник и дурацкие перчатки дворецкого. Она стала надевать платья, обыкновенные платья, которые напомнили мне, что она молодая женщина с хорошей фигурой. Мне даже показалось, что Белла чем-то напоминает мне молодую крестную. Естественно, молодость крестной я не застал по причине своего нежного возраста, но у Сары было много фотографий, и я понимал, что в молодости она была очень привлекательной девушкой, такой как Белла.

Не прошло и десяти минут, как я поймал себя на мысли, что Белла мне нравится. Вначале я подумал об этом спокойно, как бы признавая сам факт. Потом я пришел в ужас от собственных мыслей, ведь Белла была женой Саши, моего юриста и одноклассника. И третьей стадией я испытал стыд, потому что вспомнил об ужасной фотографии в обучающей книжке Даниеля. Утреннее происшествие совсем затерло мое открытие, а теперь, рассматривая жующую Беллу, я опять об этом вспомнил и стал усиленно соображать, как теперь мне с нею общаться. Надо было, конечно же, поговорить с нею о моей находке, это бы помогло расставить всё на свои места или же заставило преступницу сделать признание. Но, принимая во внимание деликатность случая, надо было обдумать, как начать разговор. А потом, и эта идея мне понравилась больше всего, можно было сделать вид, что никаких книжек я не находил, и потихоньку сжечь её в газовом котле, а пепел развеять во внутреннем дворе во время прогулки.

— Знаете, Рим, может, вы и правы насчет слабительно-го, — прервала затянувшееся молчание Белла. — А?

— Я думаю, — я постарался сосредоточиться на собственных ощущениях, — я думаю, что вы правы!

— В чем права? — Белла, кажется, поняла, что вопроса я не услышал.

— Я прав?

Белла рассмеялась:

— Нет, не вы, а я права!

— Вы правы? А в чем? О чем мы говорим? — мне наконец удалось отвлечься от собственных размышлений.

— Мы говорим о слабительном, — Белла сложила грязную посуду в мойку. — Какие таблетки вы заказали?

— Я заказал какое-то сено, точно не помню название, но в аптеке назвали что-то подобное, сказали, что у него «яркий слабительный эффект», — я повторил фразу менеджера.

— Понятно. Ну, если это сено — сenna, то точно поможет. Устойчивое действие, поздравляю вас, ловить ведром точно дня два-три будем! — со знанием дела заявила Белла.

— Если я так плохо справляюсь, вы и сами могли заказать лекарство в аптеке, я в этом не разбираюсь, — резонно оправдался я. — И потом, Белла, я хочу попросить вас взять на себя все эти вопросы со здоровьем Дани.

— Взять на себя? — в голосе Беллы слышалось возмущение. — Если я хорошо помню, то опекун — вы, а не я. Ничего на себя я брать не буду, сами согласились, сами и справляйтесь, вы уж не малыш!

— Белла, пожалуйста, мне так плохо! Мне самому нянька нужна, а тут еще этот пацан!

— Рим Иванович, — Белла смотрела на меня в изумлении, — но вы же сами подписали документы об опеке? Вы что, не понимали, что делаете? О чем вы думали?

Я засмеялся:

— Я думал о деньгах! О них, любимых! Встретьте, пожалуйста, курьера и возьмите у него лекарство, а я посмотрю, как там Даниель.

Белла согласно кивнула.

Я вернулся в комнату Даниеля, думая, что он всё еще переживает утреннее безумие с клизмой. Юноши нигде не было,

я выглянул в окно, Даня сидел на качели в своем парике и медленно раскачивался, руки его лежали на коленях, вся его фигура была неподвижна, только пальцы рук чуть шевелились. От этой мирной картины мне стало спокойнее, я боялся, что Даниель сидит где-нибудь в углу и воет. Однако — нет, он даже успел опрятно одеться в свою серую жилетку и сейчас уже не напоминал загнанного сумасшедшего. Я обвел взглядом комнату. Всё было на своих местах, только неубранная кровать напоминала, что сейчас утро. Я взглянул на часы, было без четверти одиннадцать. Все-таки долго мы разбирались с утренним туалетом Даниеля, мне уже было пора ехать к мастеру в ателье.

Еще раз осмотрев комнату, я решил помочь Белле застелить кровать. Двухспальная кровать, большие подушки, большое мягкое одеяло — царское ложе было у Сариноного внука, хотя мне всегда казалось, что ложе мужчины должно иметь спартанский вид, это воспитывает. Я потянул одеяло на себя, по комнате разнесся зловонный запах. Чудо! Даня, оказывается, сделал свои «делишки» прямо в кровать. Ровно посреди простыни лежала аккуратная кучка дерьма и воняла. Я зажал рот и нос ладонью. Надо было показать это безобразие Белле. Я вышел в коридор. Это безумное чудовище сходило в туалет прямо в кровать и спрятало «плоды» под одеяло. Я был уверен, что эта выходка была рассчитана на Беллу, именно она в доме застилала постели и меняла постельное белье. Кучка была слишком аккуратной, вряд ли такой «шедевр» юноша вывалил произвольно во сне. Это привело меня к мысли, что Даниель сотворил это намеренно. Но зачем? Зачем он кряхтел в туалете? Зачем он изображал запор? Что он этим хотел показать?

Белла спешила мне навстречу с таблетками в руках:

— Рим Иванович, вот! — она протянула мне белую корбочку. — Курьер приехал очень быстро. Даню надо покормить и дать ему слабительное. Хотя, может, просто дать слабительное, без еды? А?

Я удержал Беллу за рукав:

— Уже ничего не надо!

— Не надо? Почему?

— Он уже всё сделал!

— Сделал?

— Да, он навалил прямо в постель и спрятал всё это под одеяло.

— Он ел «его»?

— Кого?

Тут я вспомнил, что Даня еще имеет привычку поедать свои экскременты.

— Ну, нет, нет! Этого он не делал!

— Засранец! Мерзкий засранец! — с этим криком Белла ворвалась в комнату Даниеля. — Сейчас сам будешь убирать свое дерьмо!

— Белла! Белла! — пытался я остановить женщину. — Он всё равно вас не услышит, он гуляет во дворе!

— Гуляет? Во дворе? — глаза Беллы были похожи на два разинутых рта, а сам рот превратился в кипящий котел.

Она кричала и топала ногами, обзывала Саринового внука «воюющим козлом» и «смердячей навозной кучей». Из всего потока брани я сумел сделать два вывода: Белла просто терпеть не могла Даниеля, и он устроил этот «сюрприз» ей не впервые. Я подождал пока количество её «фу» станет поменьше и предложил:

— Я могу сам убрать, если вам так противно!

Белла смотрела на меня бешеными глазами, но мое предложение, судя по всему, её порядком удивило.

— Сам? Да, пожалуйста! Стиральная машинка в прачечной за кухней, и не забудьте замочить, а то не отстирается!

Покидая комнату, Белла подняла штору и посмотрела в окно:

— Качается он как ни в чем не бывало! Еще и парик свой уродский нацепил! Дебил! — крикнула она в окно, хотя прекрасно понимала, что за окном её никто не услышит.

Я наблюдал за Беллой, и мне всё яснее становилось, что у неё с Даниелем взаимная неприязнь и своего рода «гонки на выживание» — кто кому больше нагадит. Это было неприятно и непонятно, учитывая, что Сара назначила её моей «спутницей и помощницей». Неужели старухе при её-то опыте общения с людьми было неведомо это противостояние. Маловероятно.

— Я на кухне, готовлю обед, если что, — уже гораздо спокойнее произнесла моя «спутница и помощница».

Дверь за Беллой закрылась, я отправился к кровати в надежде, что объем ущерба не слишком велик. Я был весьма брезглив, и даже прилипшее к ботинкам собачье дерьмо заставляло меня думать, а не выбросить ли мне их, и только бедственное положение учителя заставляло меня соскребать экскременты и отмывать обувь в хлорном растворе. Рвотные позывы начались уже при одном только взгляде на аккуратную пирамидку. Стараясь не дышать, чтобы раньше времени не прийти в негодность и не начать звать Беллу на помощь, я аккуратно потянул на себя простыню. Но всё было не так просто: простыня была на резинке и равномерно обхватывала матрас со всех сторон, поэтому просто стянуть её с кровати не получилось. Отводя взгляд от кучки, я стал поднимать резинку по периметру матраса, но вовремя остановился — простыня стала предательски собираться вокруг «неожиданности» и грозила размазать содержимое. Я вернул простыню на место и направился на кухню за совком, мне пришла в голову мысль просто соскрести пирамидку и спустить её в унитаз, а постельное белье постирать. Это казалось разумным. На кухне Белла начала готовить обед и, когда я вошел, она даже не подняла на меня взгляда, а продолжила деловито стучать ножом по разделочной доске, терзая зелень для салата.

— Знаете, Белла, мне нужно к портному, — я постарался сделать вид, что воспринял её крики в спальне Дани как нечто нормальное, ведь и меня вид экскрементов привел в немалое волнение.

— Знаю, — Белла не отрывалась от готовки, — конечно, знаю. Только убирать за этим засранцем не стану, раз уж вы вызвались, то делайте. Мужчина вы или нет?

Мне было неприятно слышать это от неё. Почему-то женщины считают, что имеют право задавать этот вопрос к месту и не к месту. Хотя сейчас, именно сейчас, вопрос был совсем не в моей мужественности.

— Я обещал — я уберу, просто мне нужен совок!

— Совок? Вы думаете, он вам нужен? — Белла посмотрела на меня с неким высокомерием, на мгновение оторвавшись от готовки. — Совок вон там, возле мусорного ведра. Кстати, не забудьте его потом тщательно промыть.

— Не забуду! — буркнул я и торопливо покинул кухню.

Уже на подходе к комнате Дани у меня начались рвотные позывы, я представил, как буду этот совок подсовывать под пирамидку. Да, моя впечатлительность иногда разыгрывалась очень некстати. Следовало что-то предпринять. Не придумав ничего лучшего, я взял в ванной освежитель и распылил его по комнате. Далее действовать следовало ювелирно. Я, зажав нос двумя пальцами и вытянув руку с совком в сторону кучки, стал заводить острый край под «объект». Удивительно, но кучка снялась с простыни очень быстро и аккуратно. Заполучив «объект» в совок, я осторожными шагами, так, будто у меня в руках была ваза эпохи Мин, направился в туалет. Скинув содержимое в девственно чистый горшок, я наблюдал, как вода омывала стенки унитаза. Осталось только постирать белье, но с этим должна была справиться умная стиральная машина, просто надо не забыть выбрать режим «замочить». Я энергично сгреб постельное белье, проверил, чист ли матрас, и направился было к двери, но звук текущей воды в туалете заставил меня вернуться. Я заглянул в фарфоровый горшок. Вода всё текла и текла, струя пыталась разбить предмет на дне, но он не разбивался. Я склонился над унитазом, аккуратная пирамидка лежала на дне и никак

не поддавалась потокам воды. Это было странно. Поразмыслив несколько секунд, я засунул в унитаз руку и, преодолевая брезгливость, вынул пирамидку из воды. Это было тем, чем я и предполагал, — муляжом из магазина приколов. Первым моим желанием было побежать к Белле и показать ей свою находку, но что-то остановило меня. Шутка не соответствовала безумию Даниеля. К тому же, не знаю, прав ли я был в своей догадке, но мне показалось, что эта шутка была рассчитана больше на меня, чем на Беллу. Я решил ничего не говорить своей помощнице, а побеседовать с Даниелем.

Посмотрев за штору, я обнаружил Даню на том же месте, он раскачивался. Парика на нем уже не было, начал моросить дождь, и Сарин внук надел плащ, и только тонкие пальцы продолжали по-прежнему беспокойно шевелиться. Наверное, он гадал, что ему будет за шутку, если он вообще был способен к каким-то размышлениям. Хотя шутку же он придумал, значит, какая-то мыслительная деятельность была ему свойственна.

Я пообещал себе не быть жестким в разговоре с Даней, вероятно, я сейчас как раз наблюдал «выход из тени», как эти нечастые просветления называла крестная. Чтобы Белла ничего не поняла, я занес белье в прачечную, не забыв включить режим «замочить», резиновая какашка лежала в кармане моих брюк, я собирался её выбросить где-нибудь подальше от дома.

Я вышел во внутренний двор через кухонную дверь и сел на лавочку. Даниель вел себя так, будто, кроме него, во дворе больше никого не было: он смотрел в пространство перед собой широко распахнутыми глазами и продолжал раскачиваться. Я позвал его: «Даня!». На звуки моего голоса он никак не отреагировал, просто качался и всё. Тогда я положил какашку на свою ладонь и поднес к лицу качающегося Даниеля, но и после этого никакой реакции не было, он просто моргнул. Моргнул и всё. Мы молчали, слышно было только дождь, он шелестел мелкими каплями по крыше.

— Даня, это плохо! Это жестоко и несправедливо по отношению к людям, которые о тебе заботятся!

Я отчитывал его так, словно он был разумным, и мои слова для него что-то значили. Может, он и понимал меня, может, он и раскаивался, но по нему этого было не видно. Качели качались, дождь шелестел, я бубнил свои нравоучения. Даниель встал с качелей и направился в дом, я поднялся следом за ним и, не переставая, повторял:

— Это плохо! Очень плохо! Слышишь?

Но Сарин внук, понятное дело, не слышал, а вернее — не понимал, моих слов. Только возле дома он слегка задержался и отчетливо произнес:

— Белла — плохая! И проститутка!

После этого он, по-прежнему беспристрастный, зашел в дом. А я остался стоять под мелким, усиливающимся дождем, казалось, что текущие потоки хотят смыть меня. Признаться, мне и самому этого хотелось в ту минуту. Трясущейся рукой я нащупал в кармане имитацию какашки, вынул её, рассмотрел и, размахнувшись, бросил куда-то в кусты. Мне хотелось забыть сегодняшнее утро, настолько оно было неприятным и непостижимым. Белла и Даниель со мной не разговаривали. Мы пообедали в полной тишине, и я отправился в ателье, там ждали меня уже с самого утра.

Частное маленькое ателье находилось в одном из отдаленных районов Мышьегорска, добраться туда было нелегко, но я вызвал такси. Деньги дарили моей жизни кучу маленьких предпочтений: такси, натуральный молотый кофе по утрам, быстрый безлимитный интернет, прислуга в доме. Это было чертовски приятно — иметь неограниченный доступ к деньгам в достаточном количестве. Ну, а теперь вот и частное ателье для пошива одежды. Сара была все-таки трижды права: я всегда плохо одевался. Я даже не мог вспомнить, что у меня есть из приличной одежды. Были джинсы и свитера с китайского рынка, единственный

приличный костюм, хотя в его приличности я давно уже сомневался. Одежду я покупал крайне редко, когда уже совсем нечего было надеть, и искал, что дешевле. Про обувь и говорить не приходилось — туфли для школы и кроссовки с того же дешевого вещевого рынка. Так что про пошив одежды у мастера я имел весьма смутное представление. Признаться, я чувствовал себя не в своей тарелке, рассматривая вывеску у старого двухэтажного дома. Вывеска гласила: «Женская и мужская одежда на заказ „Элегия“». Под вывеской был звонок, старый и тугой, такой, наверное, можно встретить в старых коммунальных квартирах. Ассоциации с коммуналкой были не напрасными, потому что под звонком было еще несколько подписей: «Женский мастер — 1 раз, мужской мастер — 2 раза, обувь на заказ — 3 раза». Оказывается, здесь не только одевали, но и обували. Я дважды ткнул в звонок. Где-то в глубине помещения раздалось трубное гудение. Несколько минут ожидания, и внутри помещения раздалась приближающиеся шаги, дверь открылась.

— Здравствуйте, меня зовут Рим Иванович! Я к вам записывался, — проговорил я быстро в открытую дверь.

— Здравствуйте, — ответил мне вежливый голос того, кого я не видел, — проходите. Мы вас давно ждем.

Мужчина, встретивший меня, был пожилым человеком.

— Меня зовут Яков Самуилович Шлегель, я мужской портной и старый знакомый вашей крестной, — начал он без предисловий. — Пару недель назад она мне позвонила и попросила сшить вам гардероб. Я был в ужасе — гардероб за две недели! Но мы очень старались, и он готов. Чего не сделаешь для старой знакомой, к тому же Сара всегда щедро платит за экстренность!

— А что вы часто шьете для Сары? — мой вопрос был просто из вежливости, но впоследствии я не пожалел, что задал его. Ответ Якова Самуиловича оказался очень полезным для меня.

— Часто? Да, нет! Что вы, юноша! Я шью только для её внука, для Даниеля. У него же впалая грудь и сутулость, поэтому одежда

требует подгонки и специальных накладок. К тому же у него плоскостопие, и мой внук делает ему обувь на заказ. А вот жена... Да, моя жена, она обшивает Сару. Сара бывает здесь почти каждый месяц, а то и чаще. Правда, вот последний год я её не видел, а тут она неожиданно позвонила и попросила. Я, конечно же, не мог ей отказать, хотя силы у меня уже не те. Да, совсем не те...

Старик заинтересованно смотрел на меня. Кажется, ему было не всё равно, для кого он шил одежду:

— Вот смотрю я на вас, юноша, и думаю, подойдет ли вам моя одежда. Сара сказала, что вы учитель. Вы, и правда, — учитель?

— Учитель, конечно, учитель, — слова мои прозвучали в тишине старого ателье даже слишком убедительно, ведь я их произносил не столько для Якова Самуиловича, сколько для себя.

— И какой же предмет? Я прошу прощения за свое любопытство...

— Я — математик. Средние и старшие классы.

— А, ну тогда я не ошибся, — старик хлопнул себя по коленке и засмеялся. — Значит так, два костюма, повседневный и нарядный, к ним дюжина рубашек, галстуки, домашний халат и пальто. Кроме этого, мой внук сшил для вас ботинки, теплые ботинки на толстой подошве, как раз для зимней московской погоды.

— А, простите, рубашки вы тоже сами шили? — я был несколько поражен количеством заказанного.

— А как же, а как же, но это не самое сложное. Лекала, знаете ли, и вуаля... — Яков Самуилович изобразил рукой знак бесконечности. — С костюмами возились дольше.

— Две недели назад, значит? — я изучающе смотрел на старика.

— Что две недели? — похоже, Яков Самуилович думал о чем-то своем.

— Две недели назад Сара заказала гардероб?

— А это имеет значение?

— Представьте себе, имеет. Для меня имеет. Вы уверены, что это было две недели назад?

— Уверен ли я? — старик задумался.— Но вы сами можете посмотреть, у меня есть накладная, у меня всё точно, как в аптеке. Сейчас, сейчас...

Яков Самуилович вышел из комнаты, и прошло минут десять, прежде чем он вернулся. Дата в накладной указывала даже на три недели. Это значило, что Сара заказала мне одежду, даже не получив моего согласия. То есть она была уверена? Она просчитала меня? Иван и его жена из ночного киоска были правы, Сара читала меня без особого труда. Но сейчас было не место и не время для размышлений и обид, надо было поддерживать связную беседу со стариком.

— Я хочу забрать одежду, мы уже скоро уезжаем, — мне хотелось быстрее расстаться с этим старым ателье. Надо было подумать, связать полученную информацию в единое целое с уже имеющимися данными. Что-то не давало мне покоя, что-то из сказанного стариком не нравилось мне.

— Конечно-конечно, — старик убежал куда-то в недра своих комнат и выкатил целую вешалку одежды.

Вся одежда висела в строго определенном порядке. Сначала шли сорочки, все как одна белые, затем — костюмы, темно-синий и серый, галстуки, черное кашемировое пальто и бордового цвета халат.

— Будем примерять, — Яков Самуилович услужливо снял с плечиков одну из рубашек.

— Ну, да. Наверное, будем, — неуверенно промямлил я. — Скажите, Яков Самуилович, а откуда вам известны мои размеры?

— Откуда? Да, это Сара, — он, похоже, был смущен сообщаемой мне информацией. — Сара мне всё продиктовала. А потом она прислала мне и ваш старый костюм. И что я хочу сказать вам, батенька! Ваш старый костюм совсем негодный! Никогда не носите ширпотреба, он лишает вас индивидуальности и портит вкус! Одежда человека, — это как характер, она — ин-ди-ви-ду-аль-на!

Последнее слово было произнесено по слогам, что выдавало в этом старом еврее не только портного со стажем, но и философа, человека, который провел много часов в труде и размышлениях над плодами этого труда.

Сара диктовала мои размеры. Мне было любопытно, откуда старуха знала их? В какой момент она успела меня измерить? Эти обмеры как-то неосознанно ассоциировались в моем мозгу с гробовыми мерками. Поняв это, я скривился. Яков Самуилович принял мою гримасу на свой счет:

— Юноша, вам не нравится?

— Что вы! Очень даже нравится! Я никогда себе еще так не нравился!

Старик любовно поглаживал меня по спине:

— Да, костюмы сидят отлично. Я не ошибся...

— Всё сидит отлично! Яков Самуилович, спасибо вам, вы просто преобразили меня! — я улыбался старику, мне хотелось поблагодарить его. За две с небольшим недели сотворить такое количество новой одежды! Портной был просто чудесником.

— Да, голубчик мой, вам всё очень идет!

— Как вы сумели так быстро всё это сшить?

— Опыт, всё опыт. Ну и хорошие лекала...

— Еще раз спасибо! — я пожал руку Якову Самуиловичу.

— Да, не за что. Теперь сами можете ко мне обращаться. В кармане серого пиджака моя визитка, звоните, если будет потребность. Я шью и ремонтирую то, что сшил. Гарантийное обслуживание, так сказать, — он тихо рассмеялся.

— Еще вопрос, последний, Яков Самуилович! — я даже не знал, как еще раз спросить про Даниеля.

— Конечно-конечно, голубчик, спрашивайте, сколько надо, — старик задумчиво смотрел на меня и кивал головой, приглашая спрашивать.

— Вот вы сказали, что у Даниеля недостатки фигуры, которые требуют индивидуального пошива...

— Да, сказал. А что?

— А какие недостатки? Повторите еще раз, пожалуйста!

— А вы не видите? У него же впалая грудь. Вот так, внутрь, — старик изобразил фигуру Дани так, будто тот был горбуном, — и поэтому у него сутулость. Это надо поправлять, в том числе и правильной одеждой. Знаете, Рим Иванович, я так много шил в своей жизни на разные фигуры и дефекты, что меня считают лучшим портным в этом городе. Я не преувеличиваю, я знаю себе цену!

— Конечно, Яков Самуилович, вы мастер с большой буквы, я вижу, — мне было приятно хвалить старика, тем более он рассказал то, чего я ни от кого более узнать не мог.

Теперь оставалось узнать, куда подевалась впалая грудь и сутулость Дани. В моем присутствии юноша был очень прям, так прям, что просто можно было диву даваться его выправке.

Я еще раз обстоятельно поблагодарил портного и распрощался, такси уже ждало меня. Всю дорогу до дома я размышлял, следует ли мне рассказывать про разговор с портным Белле или этого лучше не делать. Я решил никому ничего не говорить, а просто наблюдать. Я понимал, что все меня обманывают, и решил сделать молчание своей тактикой. Говорить кому-то о чем-то было чревато. Мне стало ясно после разговора со старым портным, что даже Даниелю я не мог доверять.

В доме стояла тишина. Даниель и Белла ужинали. Они сидели напротив друг друга: Белла задумчиво жевала кашу, Даниель как всегда сопел и кряхтел над своей едой. Я постоял в дверном проеме, рассматривая эту семейную картинку, потом громко поприветствовал трапезничающих:

— Добрый вечер! Приятного аппетита!

Белла бросила на меня усталый взгляд:

— Рим Иванович, вы долго были не дома. Вы были всё это время у портного?

— Да, был у портного. А что, я теперь не буду иметь права делать, что хочу?

— Давайте не будем говорить про права и вообще говорить не будем, я устала. Просто впредь не забывайте, что у вас теперь есть ребенок и, выйдя из дома, вы должны торопиться назад, если же у вас нет желания этого делать, то забирайте Даниеля с собой!

— Извините, Белла, я правда задержался, но я был у портного и больше нигде. Я вижу, что вы устали.

— Устала? Да, я очень устала, — в голосе Беллы проскальзывали раздраженные нотки.

Не хватало мне, чтобы эта «спутница и помощница» закатывала мне сцены!

— Белла, если хотите, можете ночевать сегодня у нас. Мы с Даней вас приглашаем. Правда, Даниель? — я ткнул юношу в ключицу. Тот выпрямился, словно лом проглотил, и отчеканил: «Приятно аппетита!».

— Спасибо, милый! — поблагодарил я Даню и провел по его спине рукой в знак благодарности.

Никаких признаков сутулости! Оставалось только догадываться, почему старик Шлегель назвал Даню сутулым со впалой грудью.

— Спасибо, я действительно подумывала сегодня заночевать здесь, — благодарно произнесла Белла.

Она вымыла свою тарелку и исчезла в глубинах Саринога дома. Мы остались с Даней одни: он доедал кашу, я пил чай с бутербродом. Завершающийся день утомил всех. Я наблюдал за Даней. Никаких признаков интеллекта он не выказывал: глаза на мне не фокусировал, жевал и смотрел в никуда, казалось невероятным, что еще утром он был похож на обычного проказничающего человека.

— Что делал без меня? — задал я вопрос, впрочем без надежды получить хотя бы какой-то ответ. Даниель засопел, будто хотел что-то сказать, но, конечно, ничего не сказал.

— Урок у Даниеля сегодня был? — переформулировал я свой вопрос, ожидая, что слово «урок» вызовет в нем хотя бы какую-то ответную реакцию, и не ошибся.

— Достань льняное платье, надень льняное платье, снимай льняное платье, бросай льняное платье, — процитировал юноша. Я понял, что сегодня Белла проводила занятие. Однако да-лось же ей это «льняное платье»!

— Молодец, Даня!

— Рим Иванович даст Даниелю сахар?

Данин вопрос застал меня врасплох. С одной стороны, конечно, следовало поощрить успехи с «льняным платьем», с другой — мне было страшно давать ему сладкое. Впрочем, размышлял я не долго, имелся весомый аргумент: после прошлого сахара, кроме суматохи, ничего ужасного не произошло, глупую выходку своего опекаемого я, разумеется, не рассматривал как что-то страшное.

Я достал из шкафа банку с рафинадом. Сара любила пить чай с рафинадом, поэтому в доме он всегда водился, я пододвинул банку к Дане:

— Бери, только не много. Я разрешаю тебе взять, — я задумался над количеством. — Я разрешаю тебе взять три кусочка!

— Сара дает пять, — со вздохом возразил мне юноша.

Я пристально посмотрел на Даниеля, сейчас мне показалось, что он произнес эту фразу вполне осознанно, но ничего чудесного не произошло. Он сидел за столом, сгорбившись, глядя хищным взглядом на банку, и пальцы его шевелились от нетерпения.

— Хорошо, бери пять, — сжалился я.

Даниель аккуратно открыл крышку на банке и хотел уже достать оттуда кусочки, но что-то его остановило, и он требовательно произнес:

— Щипцы!

Он хотел доставать кусочки из банки щипцами. Я выдвинул ящик со столовыми приборами и достал маленькие витые

щипчики для сахара, подумал и достал еще блюдце. Любовно рассматривая белые кусочки рафинада в банке, Даня ловко орудовал щипцами. Он отсчитал пять. Ровно пять кусочков рафинада лежали на блюдце.

— Спокойной ночи, Рим Иванович! — отчеканил мой подопечный и, зажав сахар в руке, отправился спать.

В кухне наступила тишина. Я вымыл посуду после ужина и смотрел в окно. На улице дул ветер, пронося по небу лохматые снеговые тучи. Еще немного и наступит зима, снег прикроет грязь, придут морозы. Я размышлял о погоде в Москве, мне казалось, что зима должна наступить везде, и там тоже, мне больше не хотелось межсезонья. Внятное время года приносит в жизнь человека определенность, а эта осень и еще весна лишают его разума.

Моя одежда была готова, пришла пора собирать чемоданы.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Оставалось несколько дней до отъезда, вернее, до конца той недели, которую обозначила Белла. Через день мы ждали приезда Саши с документами, купить билеты без него мы не могли, нужно было разрешение на перемещение Сариного внука. После происшествия с запором ничего необычного в доме не происходило. Белла занималась с Даниелем и готовила. Я гулял с юношей и развлекал его счетом и мобилем. Мне всё время хотелось поговорить со своей помощницей о зеленой книжице пикантного содержания, но я всё никак не мог придумать, как начать разговор.

Утром в пятницу в дверь старого дома позвонили. Белла начала свое занятие с Даниелем, поэтому открывать пришлось мне. В дверях стояла девушка, которую я уже однажды видел в доме Сары, тогда крестная мне сказала, что это одноклассница Дани, которая иногда приходит с ним поиграть, а еще она сказала, что девушка — дочь её помощницы по хозяйству, поэтому я спокойно открыл дверь и впустил гостью.

— Ты — Мирра?

— Да, здравствуйте. Я пришла к Даниелю, мы с ним договаривались сегодня встретиться.

— Договаривались? — я ей немного не поверил. Как можно договариваться с Даней? — Точно договаривались?

— Ну, не договаривались, — она рассмеялась. — Я обещала ему прийти в пятницу, а дни недели он понимает.

— Ну, проходи, только у него сейчас занятие, тебе придется подождать.

— А я знаю, — уверенно остановила меня Мирра. — Я принесла вам письмо от дяди Ивана. А с Даней мы играть будем не долго, у меня дела.

Она протянула мне запечатанный конверт.

— От дяди Ивана? — я притворился непонимающим, хотя отлично понял, от кого письмо.

— Ага! Он сказал, что вы должны помнить его. Я посижу на кухне?

— Конечно, — мне было совершенно безразлично, где собирается сидеть Мирра. Я хотел быстрее узнать, что в письме, да еще и запечатанном, мне может сообщать человек из ночного киоска.

Мирра очень хорошо ориентировалась в Сарином доме. Мне было удивительно, как эта девушка спокойно шла по лабиринтам старого дома и без труда попала на кухню:

— Мирра, ты часто бывала в этом доме?

— Очень часто! Гораздо чаще, чем вы, — она со значением посмотрела на меня. — Я здесь бываю с тех пор, как Даниель стал учиться в нашей школе. А потом раньше мама часто помогала тете Саре по хозяйству, а тетя Сара мне помогала писать школьные сочинения, она ведь классная учительница.

— А теперь мама не помогает? — спросил я из вежливости, ради поддержания разговора. И получил ответ, на который совсем не рассчитывал, в последнее время мои глупые вопросы находят, абсолютно случайно, полезные ответы. Я даже успел этому удивиться.

— Так теперь Сара здесь не живет, теперь же это ваш дом!

— Не живет? — задал я провокационный вопрос, зная, что девчонка точно ответит на него чем-то интересным, уж очень она была болтливая.

— Мама сказала, что она в доме престарелых, а хозяин в доме теперь вы, Рим Иванович! Вот мама и не знает, нужна ли вам теперь помощница.

— Помо-о-ощница? — протянул я, пытаюсь незаметно пережить свалившуюся на меня новость. — Зачем же мне теперь помощница, если у меня уже есть одна — Белла?

— Белла? Но ведь Белла — учительница! Разве она может и учить, и по хозяйству?

— Не знаю, Мирра, но пока она вроде справляется. Ну, ты пока согрей себе чаю, Даня освободится, и вы пообщаетесь, а у меня есть дело, извини.

Я вышел из кухни. Новость о доме престарелых просто оглушила меня. Я был чрезвычайно возмущен, оставалось только надеяться, что мать Мирры владела неправильной информацией. По пути к себе в комнату я надеялся увидеть Беллу. Мне хотелось спросить её про дом престарелых. Она-то уж точно должна знать, как на самом деле обстоят дела. Хотя... На мгновение я засомневался в необходимости говорить об этом с Беллой.

Даниель сидел за письменным столом и что-то старательно выводил в тетради, Белла в задумчивости стояла у стеллажа с дидактикой и рассматривала папки. Вероятно, она искала то самое эротическое пособие, так по крайней мере решил я. Но меня сейчас волновало совершенно другое, но в последний момент я решил ничего не обсуждать со своей помощницей.

— Занимаетесь? — спросил я как можно более безразличным тоном.

— Да, занимаемся, — также безразлично ответила мне Белла. Я вспомнил про Мирру:

— Белла, там к Даниелю пришла подружка, она ждет его на кухне!

— Подружка? Какая подружка? — Белла заинтересованно смотрела на меня так, будто она впервые слышала про наличие друзей у Дани.

— Ну, та, соседская девочка Мирра, которая иногда приходит сюда поиграть с Даниелем.

— Мирра? Эта та, которая живет у кладбища?

— У кладбища? Ну, я не знаю точно, где она живет, может, и у кладбища, — я понял, что оплошал, не поинтересовавшись у гостыи по поводу её точного адреса. — Я её видел в доме Сары, когда Даня читал стихи, Сара еще сказала, что это его подружка по школе.

— Да, это дочка кладбищенской сторожихи. Зачем она пришла, маленькая плутовка?

— Наверное, пообщаться с Даней, — я равнодушно пожал плечами, говорить про письмо от Ивана я намеренно не стал. — Она сказала, что они договаривались встретиться в пятницу.

Белла возмущенно фыркнула:

— Договаривались они! Можно подумать! Гоните её в шею и больше не пускайте в дом, она врунья и воровка. Сара имела обыкновение собирать у себя в доме всякий сброд. Я надеюсь, вы-то этого делать не собираетесь.

Я поразился этому Беллиному снобизму, к тому же я по-прежнему считал Сару хозяйкой дома.

— Друзья Сары — мои друзья. И, наверное, нет ничего страшного, если Даниель немного пообщается с кем-то кроме вас и меня. Это и нас немного разгрузит.

Белла не стала мне возражать:

— Ну, только если из этих соображений. Тогда, конечно, пусть поиграют во дворе.

Вопрос с Миррой был улажен, я направился к себе, мне не терпелось прочитать письмо.

Конверт был запечатан. Такой маленький плотный конверт, без надписей. Вероятно, то, что было в нем, было важным, и Иван не хотел, чтобы письмо читал кто-то еще, кроме меня. Я подумал, что в конверте какая-то информация о Тамаре, поэтому читать письмо мне не очень хотелось. Я хотел забыть и про Тамару, и про Ивана с его женой, это были чужие люди, а у меня сейчас хватало своих проблем, семейных. Был момент, я хотел просто выбросить конверт, но потом все-таки вскрыл его.

Вопреки моим ожиданиям, внутри была тонкая полоска бумаги, на которой мелкими торопливыми буквами было выведено: «Навести бабушку». И всё. И больше ничего.

Навестить бабушку? Какую? Где?

Бабушка у меня была одна, баба Люба, других бабушек я не знал. Навещать я мог только её могилу на кладбище. Больше вариантов мне на ум не приходило. Иван вызывал меня на кладбище? Немного поразмыслив, я нашел еще вариант толкования записки. Меня могли просить приехать к Саре в дом престарелых. Но Сара не была моей бабушкой, Иван мог и не знать об этом нюансе. Но тут я вспомнил слова Беллы, что девочка Мирра живет у кладбища, и это помогло мне определиться с толкованием. Наверняка меня звали на кладбище. В самом приглашении ничего ужасного не было, но меня напрягала близость болота, где Иван просил меня найти тело Тамары.

Надо было под благовидным предлогом уйти из дома. Подружка Мирра пришла к Даниелю сейчас некстати, мне срочно требовалось занять Беллу. Придется попросить Мирру прийти в другой раз. Я отправился в обратный путь — на кухню. В комнате Дани Белла заканчивала урок, я тихонько прошел мимо. Мирры на кухне не было, я обошел дом, выглянул во двор и пришел к выводу, что подружка Даниеля ушла сама. Она могла услышать наш разговор с Беллой и уйти, а могла и просто уйти, ведь однозначно она пришла сюда только затем, чтобы передать мне записку, Даниель был просто предлогом.

— И где же ваша подружка Мирра? — с этим вопросом Белла обратилась ко мне, когда я вошел на кухню. Белла кормила Даниеля обедом. — Обедать будете?

— Я думаю, что она ушла, — у меня было такое чувство, что я виноват в чем-то перед Беллой.

— Что значит ваше «думаю»? Она ушла или нет?

— Думаю, что ушла, — я намеренно повторил фразу, напирая на слово «думаю», потому что, и вправду, я понятия не имел,

куда подевалась Мирра, — я вышел на кухню, а её здесь не было. Я посмотрел в других комнатах и во дворе тоже, но её нигде не оказалось, и я решил, что она ушла.

— Очень интересно вы размышляете, Рим Иванович. Бросаете незнакомого человека в доме и даже не интересуетесь, куда он потом пропадает.

Слова Беллы мне не понравились, в конце концов, это был мой дом, мой и Сарин, а Белла была здесь всего лишь прислугой.

— Белла, вы слишком печетесь не о том. Займитесь лучше Даней, мне нужно проверить свою квартиру.

Я неожиданно придумал предлог, который мне позволял уйти хоть на какое-то время из дома. Учитывая, что квартира была на другом конце города, я смело мог отсутствовать часа три-четыре.

Наконец-то пошел снег, настоящий снег, не та белая каша, которая до этого сыпалась с неба. Большие белые хлопья падали так густо, что невозможно было разглядеть противоположную сторону улицы. Все выбоины и ямки на дороге были засыпаны снежной ватой, кусты с неопавшей листвой закутались в снежные обертки. Снег вкусно хрустел под ногами. Снежный сырой воздух хотелось вдыхать. Бодрость холодком бежала по моей спине, я давно не ходил пешком. Сарин дом разнежил меня, я перестал воспринимать погоду частью своей жизни, я привыкал существовать вне её. Сейчас я ощутил биение своей прежней жизни, где дождь сыплет за ворот куцей куртки, кроссовки промокают, а голова не знает шапки. Я сегодня был нарядный, и сам себе напоминал Даниеля, гуляющего во внутреннем дворе: теплые ботинки, новое пальто, шапка, шарф, перчатки.

К старому кладбищу я шел пешком вокруг болота. Мимо меня проезжали машины, проходили люди. Я подумал, что тоже бы мог поехать на такси, но кладбище было таким близким, что мне такая мысль даже в голову не пришла. Проходя мимо

кочек, за которыми прятался еще совсем недавно, я подумал, что уже пора бы найти труп Тамары, потому что болото скоро замерзнет и на кочках вырастут белые сугробы. Я даже не допускал, что Елена Беленькая и её Иван могли попросту подшутить надо мной, и Тамара жива, ходит где-то, дышит, живет.

Бабушкина могила была в ужасном состоянии. Она заросла травой, венки и искусственные цветы превратились в обыкновенный мусор, сама могила провалилась, от этого памятник покосился. Мне стало стыдно, я попытался посчитать, как долго я не навещал бабушкину могилу, но не смог, но года три меня точно здесь не было. Смерть наводила на меня ужас, у меня было такое ощущение, что если я хоть как-то соприкоснусь с ней, то сам умру. Нет, это не малодушие, просто мне хотелось жить, жить и не думать, что конец всё равно будет. Бабушкина смерть наводила на меня тоску, у меня портилось настроение, хотелось плакать и возникало чувство ненужности. Со временем ничего не изменилось: я стоял у оградки, держа руки в карманах, а сам еле удерживался, чтобы не зарыдать, щемящее чувство одиночества и несправедливости мироздания разрывало меня на части. На какое-то мгновение я даже забыл, по какому случаю оказался на кладбище. Большая сорока, свалив шапку снега, села на куст калины у бабушкиного изголовья. От трепета её крыльев упал снег с фотографии, бабушка смотрела на меня своими ласковыми глазами и, казалось, говорила: «Не тужи, Римушка, не тужи! Всё у тебя наладится!».

Сзади деликатно покашляли. Иван был одет в рабочую одежду.

— Здравствуй, Рим! Догадался куда прийти надо? А то я написал, а потом уже подумал, вдруг не поймешь.

— Трудно было не понять! Что-то хотел мне рассказать? — я не доверял Ивану, он был неприятным человеком. Если бы кто спросил меня почему, я не смог бы внятно этого объяснить. Я видел, что он насмехается надо мной. Он был из тех мужчин, которые ценят у своего пола только мужественные

признаки: грубый прокуренный голос, умение много пить и не хмелеть, тяжелые грязные кулаки и небрежность в одежде. Я был несколько иным. А сегодня я еще и вырядился, словно шел на свидание.

— Рассказать? Нет! Показать хотел, — он махнул мне рукой и, не оглядываясь, направился вглубь кладбища. Мне пришлось почти бежать за ним.

Кладбище, где похоронена моя бабушка, было знакомо мне с детства. Находясь у Сары, я с соседскими мальчишками часто бегал через кладбище на реку купаться, а еще кладбищенская земляника была необыкновенно крупной и сладкой. Та его часть, куда мы сейчас шли, была особенно интересным местом. Захоронения там датировались еще концом девятнадцатого века, памятники той части были интересны, и многие могилы имели свои истории. Не знаю, насколько эти истории были правдивыми, но их рассказывали друг другу многие поколения жителей Мышьегорска. Иван остановился у белого мраморного памятника, история этой могилы была мне известна. У местного художника жена упала с обрыва на камни и разбилась насмерть. Выяснилось, что она была беременной, но не знала сама об этом. А, может, и знала, только никому не говорила. Так её и похоронили с ребенком во чреве. Безутешный художник высек её образ с младенцем на руках из куска цельного мрамора. А напротив, на березе, он повесил скворечник, в котором до сих пор по весне живут скворцы, а в другое время года другие разные птицы. Рядом была могила самого художника, ничем не приметная — холмик, поросший травой. На могилах нет дат, нет имен и фамилий, так решил художник, мол, незачем досужим сплетням полоскать их имена. Те же, кто знал героев этой истории, давным-давно почивают поблизости.

Сейчас с Иваном мы стояли как раз напротив этого места с белым памятником. Место было тихое и немного жутковатое. Кроны сосен и берез здесь были очень высокими

и раскидистыми, они сплелись где-то высоко вверху в единую крышу, поэтому до могил почти не долетали снежные хлопья, да и дождь почти не просачивался. Только иногда порывы ветра или многочисленные маленькие кладбищенские птички нарушали тишину: с деревьев падали сучки, шишки или сухие листья. Каждый звук здесь превращался в очень громкий. От этого хотелось опасно оглянуться.

Я не понимал, зачем Иван привел меня сюда.

— И что? — задал я свой нетерпеливый вопрос.

— Подожди «иштокать»! Совсем что ль зажрался? — огрызнулся Иван.

Он свернул с центральной аллеи, и мы отправились блуждать среди металлических решеток и заброшенных могил. На нашем пути вырос глиняный холмик и раскрытая свежая могила. Иван запрыгнул в неё. Доски внутри могилы грохнули, Иван поднял лопату и стал деловито хлопать ею по стенкам. Я был несколько шокирован.

— А мне что делать? — вопрос звучал глупо, но другого у меня не было.

— Смотреть и вникать! — Иван не был многословен.

Он собрал на дне могилы лопаты, подал мне их и доски, после этого я подал ему руку. Оказавшись наверху, Иван спросил:

— Что я здесь делаю?

— Могилу копаешь! — не моргнув глазом, ответил я.

— Правильно! Меня наняли копать могилу. Вот копал я, копал, вылез, чтобы передохнуть и посмотреть на мир не из могилы, а на равных, и увидел вот это. — Иван показывал лопатой куда-то влево от белого мраморного памятника, возле которого мы еще недавно стояли. — Сходи посмотри, только не падай в обморок, скорую сюда вызывать проблемно.

Я медленно, постоянно оглядываясь на Ивана, отправился в указанном направлении. Иван окриками регулировал направление. Наконец он крикнул: «Стой! Пришел!».

Я смотрел во все глаза, но ничего необычного не видел. Вокруг, что не удивительно, учитывая наше местонахождение, были одни могилы. Прямо передо мной были две могилки, похожие друг на друга, как близнецы: одинаковые размеры, кресты, даже пластмассовые цветы на них были идентичными.

— И что? — крикнул я Ивану, потому что, честное слово, ничего криминального мне там не виделось.

— Лучше смотри, — ответил Иван и засмеялся.

Я еще раз обшарил взглядом все ближайшие могилы, но ничего мне в глаза не бросилось.

— Да ничего здесь нет... — я не успел договорить, потому что понял, о чем говорил Иван.

Шутка, если это была шутка, была дикой. Я даже подумал, а не дело ли это рук самого Ивана.

На меня с портретов на одинаковых могилах-близнецах смотрели два лица. Эти два лица были тоже одинаковыми. И оба эти лица принадлежали крестной Саре! Я от неожиданности чуть не закричал, такой ужас охватил меня. Еще какое-то время я простоял в отдалении, рассматривая портреты и бесконечно ужасаясь, а потом медленно подошел к могилам. Никаких дат на могилах не было, только портреты и имена. Фамилии от растерянности я не запомнил, но в одной могиле лежала Ульяна, а в другой — Харитина. Я еще раз посмотрел на портреты, на них определенно была Сара, и не только сходство с крестной сводило меня с ума, дело было в том, что я видел эти портреты у Сары в фотоальбоме.

— Курить есть? — мой вопрос был услышан, значит, я говорил достаточно внятно.

Иван пошарил по карманам, достал что-то и протянул мне. В моем сознании сейчас существовали только фотографии Сары на могильных холмиках, но я взял протянутый мне предмет и достал из пачки белую палочку, засунул её в рот.

— Сара умерла?

На мой вопрос никто не ответил. Но ответ мне был и не нужен. Я понимал, что отсутствующая Сара могла отойти в мир иной, но случиться это должно было давно. А, судя по состоянию могил, даже очень давно. Ну и потом — могил-то было две, поэтому умереть она должна была дважды, а это было уже за гранью моего понимания. Я обошел могилы дважды, постоял над холмиками, рассматривая одинаковые цветы. Кто-то приходил на могилы совсем недавно, приносил одинаковые комплекты цветов, будто старался, чтобы никому не было обидно. Он делил свои дары: «Это — тебе, а это — тебе!».

Я вопросительно посмотрел на Ивана, но тот стоял слишком далеко от меня и либо не увидел моего обращенного лица, либо сделал вид, что не увидел.

Фотография? Неужели её тоже разделили по тому же принципу, что и цветы?

Я видел эту фотографию в старых альбомах крестной, причем — видел не раз. Это была круглолицая девушка с толстой косой, перекинутой на грудь. Ворот цветастого платья или блузки, красные бусы... Было в образе этой девушки что-то оптимистически простое, даже, наверное, деревенское. Портреты чуть улыбались мне пухлыми губами, глаза смотрели очень проникновенно, будто видели что-то интересное и хотели поделиться увиденным со мной. Я считал, что на фотографии молодая Сара. Мне казалось, она снята на фоне своего старого домика в нашем городке, я даже помнил это место. Я еще раз всмотрелся в фотографии, без сомнения, они были одинаковыми. Абсолютно одинаковыми! Я даже приблизил прищуренные глаза к одному снимку, потом к другому, сделал пару шагов назад, сравнивая изображения издали. Точно! Это точно, но это было одно и то же фото из альбома Сары.

Я вспомнил, что так и не прикурил сигарету, и вытянул в сторону Ивана ладонь. Но Иван мне ничего не дал: ни зажигалки, ни спичек. Я оглянулся. Иван в задумчивости бродил между

могил чуть поодаль. Я вынул сигарету, заметив, что от растерянности засунул её в рот не тем концом.

— Иван! — мой неуверенный голос прозвучал неуместно среди берез и сосен, охранявших вечный покой. — Иван!

Иван что-то рассматривал на могиле неподалеку. Нетвердой походкой я направился к своему провожатому.

— Иван, а что это значит?

— Что «это»? — Иван помолчал. — Ты говоришь про могилы?

— А про что же еще? — меня удивляло спокойствие собеседника.

— Ну, мало ли...

— Ты вот так, спокойно... Как это правильно сформулировать? — я потер пальцами у лица, подыскивая нужное слово. — Обыденно что ли, показываешь мне то, что должно заставить меня прийти в ужас.

Я смотрел на Ивана и видел, что он что-то знает, но сомневается, стоит ли мне об этом говорить.

— Я, — Иван как-то замялся, — я, и это абсолютная правда, ты можешь мне верить, я не знаю, что это значит.

Иван подошел ко мне вплотную. Я видел, как раздуваются его ноздри, а изо рта плывут белые дракончики теплого воздуха:

— Не знаю, но у меня есть одна история. Её мне рассказал отец, причем очень давно, я был еще мальчишкой. Да, было это давно, а для меня тогда показалось сказкой, ну, или придумкой, вымыслом. Знаешь, бывают такие городские истории, которые пересказывают все жители, сохраняя тем самым в памяти нескольких поколений. Мой отец, сам не ведая того, создал такую. Самое неприятное в этих историях, а для кого-то наоборот — приятное, что каждый рассказчик добавляет к истории какие-то свои, лично им придуманные подробности. Так рождаются городские легенды. Но в моей истории нет надежды на легенду, потому что сам отец рассказал мне её, это значит, что приукрашивания в ней минимальные, а зная характер своего отца, могу смело

сказать, что ничего он в ней не придумал. Хотя... хотя, может, по пьяни ему что-то померещилось. Он, знаешь, любил злоупотребить. Вот, кстати, и могила моего отца!

Иван указал рукой на ближайший аккуратный холмик. Я посмотрел на могильную табличку, отметил, что отец Ивана умер пять лет назад, в тот же год, когда умерла моя бабушка. Я кивнул Ивану головой, приглашая начать рассказ, и придвинулся к нему ближе. Городская легенда имела отношение ко мне, раз уж, так или иначе, касалась Сары. Мне, по крайней мере, так показалось.

Иван начал свой рассказ. Я слушал его, а сам, не переставая, смотрел на одинаковые могилы под сомкнутыми кронами старых деревьев. Вокруг нас шумела предзимняя непогода, но старое кладбище надежно защищало нас от неё. Мы, занятые своими проблемами, оторвались от реальности, хотя совсем близко, в метрах ста от могил, проезжали автомобили, в них сидели люди, обычная повседневная жизнь продолжалась. Похожее чувство посетило меня у ворот дома Сары, когда я впервые подошел к нему после долгой разлуки. Я стоял рядом с Иваном, слушал его; и атмосфера старого кладбища, и описания прежней детской жизни рассказчика, всё вместе, переплетаясь, относили меня к прошлому. Об этом прошлом я совсем ничего не знал, и от этого оно мне казалось придуманным, но Иван уверял меня, что так оно всё и происходило. У меня не было оснований не верить ему.

Отец Ивана, обычный, ничем не примечательный человек был инвалидом. Маленький, неопрятный человек, к тому же пьющий, не вызывал у сына теплых чувств. Иван стеснялся отца, хотя он и понимал, что отец не виноват в своей инвалидности. «Так уж случилось!» — вздыхала мать Ивана и просила сына жалеть отца. Жалость, по мнению ребенка, была не тем чувством, что связывает родителей и детей. Особенно огорчало Ивана то, что он никогда не видел отца здоровым. Мужчина мучительно хромал, и сразу на обе ноги. Хромота его временами

была настолько сильной, что передвигаться ему приходилось при помощи палок. Давно, сразу после рождения Ивана, отец устроился на работу в лес. И там, выпив больше обычного, уснул у костра и ноги его обгорели, да так сильно, что врачам пришлось ампутировать почти все пальцы на ногах. Странное дело, всего лишь пальцы на ногах, но, оказывается, без них человек не может полноценно передвигаться. Такое вот несчастье случилось с молодым мужчиной, что навсегда испортило качество его жизни, он стал запойно пить и болтаться по городку своей неуклюжей походкой.

— Мы жили тогда рядом со школой, — невнятно проговорил Иван, прикуривая от зажигалки. Он с удовольствием вдохнул ароматный дым и с шумом выпустил его наружу. Я вспомнил, что хотел курить и нашарил в кармане нового пальто нетронутую сигарету. Иван протянул мне зажигалку. Мы оба дымили и оценивающе рассматривали могилы-близнецы. Не знаю, о чем думал Иван, а я размышлял, как эти могилы могут быть связаны с моей собственной историей, ведь кроме портретов Сары, они меня ничем не смущали. И то — имела ли эта портретная неразбериха какое-то отношение ко мне — было под большим сомнением.

Иван продолжил:

— Отец работал в школе. Ну как работал? Так, помогал их завхозу, парты там чинил, замки менял, стеклил разбитые окна, а ему за это какую-то там маленькую зарплату платили. Как-то раз учительница эта, Сара, позвала его к себе стол починить. Она жила одна, школьный персонал ей помогал изредка. За деньги, разумеется. Белили, окна мыли и всякое другое. Сара, она всегда была очень занятая женщина, некогда ей было домом заниматься. И сейчас, знаешь же, наверное, она из школы кого-то там приглашает, старые привычки не оставила. Ну, отец и поковылял. Пришел он раньше времени. Видимо, из-за того, что он пришел раньше назначенного срока, эта история

и родилась. Когда отец вошел во двор, то он, по его собственным словам, решил что «допился». По двору расхаживали три абсолютно одинаковые молодые женщины, они смеялись и всё время говорили про какой-то «сбор». Для отца это прозвучало как «шабаш». К тому же все женщины были симпатичными, одинаково красиво одетыми, с такими красными бусами. Ну, ты сам видишь эту красоту на фотографиях. Но моему отцу с его неустойчивой психикой всё происходящее показалось не чудесным сном, а кошмаром. Женщины, помимо неразличимой схожести, обладали одной пугающей чертой, они все были Сарурами, нет, не по имени, а внешне. Они все были похожи на Сару Марковну Прись, школьную учительницу, хозяйку дома. Отец стоял и мучился, какая же из них Сара и какой стол ему надо чинить. Отец был робким человеком.

— Да... — протянул я.— Тут бы любой оробел. То есть одинаковые женщины все-таки существовали. А я-то думал...

— Злая шутка? — похоже, Иван знал, что я не воспринял портреты всерьез.

— Нет... не шутка... А злой умысел. Как со смертью Тamarы.

— Рим, похожие женщины существовали на самом деле. И, судя по всему, продолжают существовать.

Иван достал следующую сигарету из пачки и опять задымил.

— Так вот, это еще не вся отцовская история. Слушай, чем кончилось.

Иван расставил ноги как моряк на палубе во время качки. Я понял, что он подобрался к самому пикантному в истории. Я даже успел подумать, что три наваждения стали соблазнять несчастного инвалида, срывать с него одежду и заваливать на траву. Но продолжение было совсем из другого фильма. И, честное слово, я бы предпочел, чтобы мое предположение сбылось, но — нет!

— Женщины вынесли из дома фотоаппарат и попросили отца их сфотографировать, отец еще посмеялся, что им достаточно

одного снимка на всех, но его шутку никто не оценил. И отец стал их фотографировать на фоне старого дома, на фоне деревьев. Они смеялись и всё время обсуждали, как будут проявлять пленку и печатать фотографии, отец понял, что нужного оборудования у них нет, и они собирались везти фотоаппарат к какому-то знакомому, они даже называли его имя, но отец это имя не запомнил. Тут открылась уличная калитка и вошла еще одна женщина, она была одета так же, как и другие женщины, но было некоторое несоответствие — у неё на голове был белый берет. И, как можно догадаться, она имела абсолютное сходство с остальными женщинами, и в лице, и по фигуре. Как отец понял по разговорам, эта женщина и была хозяйкой дома, то есть Сарой. И фотосессия продолжилась. Всё действие завершилось групповой фотографией на крыльце. Они стояли все вместе, такие похожие, что руки отца затряслись. И совсем не от пьянства. А потом отец чинил стол, а потом обедали. И женщина в берете вышла к столу без берета и этим выделилась среди остальных еще больше. Головы всех женщин выглядели одинаково: русые волосы с каким-то пепельным оттенком, косы. А у этой спереди, прямо ото лба, вверх тянулась белая прядь волос, выглядело это как седина, но мало верилось в седину, ведь женщины были молодыми, не старше тридцати, так, по меньшей мере, показалось отцу. А эта с седой прядью! Нет, эта особенность не старила её, просто отличала от остальных. Отец, как я уже говорил, был скромным, даже застенчивым человеком, поэтому он в разговоры не вступал, отобедал и ушел. Но после этого случая, будучи пьяным, всем рассказывал, что учительница Сара — ведьма и умеет быть одной в нескольких лицах. Мне кажется, что особенно ему никто не верил, но история пошла в народ, и к Саре в нашем городишке, несмотря на её незаурядные педагогические способности, всегда относились настороженно.

Иван замолчал.

— И это всё?— после некоторой паузы спросил я.

— А тебе этого мало? — Иван заинтересованно смотрел на меня, он как бы пытался разглядеть в выражении моего лица шок или хотя бы удивление.

Удивлен я был немало. Но всяческие неожиданности последнего времени несколько приучили меня держать удар, и во всех шоковых ситуациях я стал опускать глаза и сообщать о своих эмоциях только земле или полу.

— Ты хочешь мне сказать, что Сара — чертовка?

Иван захохотал. Это было неуместно на кладбище, но его, похоже, это совсем не смущало. Только стая ворон сорвалась с соседних оградок и с шумом взлетела в кроны деревьев. Посыпался снег. Я по-прежнему продолжал рассматривать свои ботинки.

— Чертовка? Рим, ну, какая чертовка? Никто из нас не верит в мистику: ни ты, ни я, ни моя жена. Чертовка, скажешь тоже... — Иван всё так же внимательно смотрел на меня, будто ожидал от меня каких-то других эмоций. — Всё имеет свое объяснение.

— Ну, и какие же, по твоему мнению, тут могут быть объяснения? — я, наконец, посмотрел на Ивана прямо. Мне и правда было интересно услышать, что он скажет дальше. Мне совсем не верилось в эти его рассказы. Но как тогда объяснить это происшествие с портретами?

Постояв некоторое время в раздумьях, слушая, как высоко вверх каркают встревоженные вороны, я направился к одинаковым холмикам. Я еще раз осмотрел цветы, потом обошел вокруг могил, мне было интересно, какое время назад на могилах производились изменения. Возможно, что маскарад затеяли незадолго до моего прихода. Ничего странного я не нашел, цветы были старые, трава под первым снегом выглядела непримятой, да и на портретах уже имелись грязные разводы и ржавые пятнышки.

— Не веришь? — Иван смотрел на меня с хитрым прищуром и выпускал изо рта рваные клубы дыма. — Не веришь? А между

прочим, здесь всё настоящее. Имеешь право не верить, это конечно, но я был так же удивлен, как и ты. Провожатых-то у меня не было, а мой приход сюда никто не мог рассчитать. Я копаю могилы в разных концах кладбища, и могилами меня не удивишь, ну, и потом я не очень-то на них и смотрю. Не нахожу ничего интересного в рассматривании чужого последнего пристанища.

— Значит, если допустить, что ты мне говоришь правду про байки отца и эти могилы настоящие, то у Сары есть четыре сестры-близнеца или четыре двойника, а двое из них почили и похоронены здесь, в этих могилах? — вопрос состоял из самых первых выводов, которые я сделал, стоя у странных могил. Вероятно, могли быть и какие-то другие умозаключения, более сложные или, наоборот, простые, но они не приходили мне в голову.

— Правильно. Именно так, — подтвердил довольный Иван, он ждал, к каким выводам приду я, и, как мне показалось, он надеялся, что я скажу что-то другое. Но именно такой вывод лежал на поверхности, и другого сказать я не мог.

— Сара рассказывала мне историю своей жизни, — начал я, надеясь, что не выдаю чужую тайну, — но про сестер она мне не говорила. А еще она сказала мне, что ничего не знает о своей семье. И я верю ей. А знаешь, почему я верю ей, а не тебе?

— Знаю, — просто и без вызова ответил Иван. — Ты веришь ей, потому что она близкий тебе человек, а я никто. На твоём месте я бы тоже не поверил.

Я стоял и молча качал головой. За годы работы в школе у меня выработалась лошадиная привычка всё время кивать головой. Это такая профессиональная деформация. Обратите внимание, многие школьные учителя часто кивают головой, но это не знак согласия, а скорее — одобрения и подбадривания. Я сейчас подбадривал Ивана на дальнейшие действия, потому что чувствовал, что он позвал меня сюда не просто на могилы посмотреть, он нашел что-то еще.

— Я пойду домой? — спросил я, но не потому, что хотел уйти, а надо было как-то продолжить разговор.

— Домой? А тебе разве не интересно узнать, кто лежит в этих могилах? — в словах Ивана сквозило разочарование. Он точно рассчитывал на мою заинтересованность.

— А это возможно? Кто-то дает такие сведения?

— Сведений, может, никто и не дает, но всегда есть шанс добыть их, надо просто захотеть. А ты, я вижу, не хочешь? — он провоцировал меня.

Он хотел, чтобы я загорелся и начал метаться. Но я намеренно тянул с ответом, мне хотелось подумать, чем будет это грозить и не навлечет ли на меня еще большие проблемы, чем те, которые я уже имел. Но думать времени не было, к тому же я стал замерзать и мелкая дрожь начала меня бить изнутри. Захотелось в тепло.

— Ладно, пойдем! — Иван махнул рукой в неизвестном направлении.

Мы вернулись к могиле, которую копал Иван, взяли лопаты и пошли. Вернее, шел Иван, а я просто следовал за ним. Через какое-то время, поблуждав в лабиринте могил и деревьев, мы вышли к домику. Именно к домику, а не к дому. Домик был сооружен из старого вагончика. Иван объяснил, что в домике живет смотритель кладбища, а точнее — смотрительница, с дочкой. Я вспомнил, что Белла говорила, что Мирра — дочка кладбищенской сторожихи. Наверное, в этом домике она с матерью и жила. Да, жилище их было весьма печальным, я еще успел подумать, что очень страшно жить на кладбище, особенно если ты ребенок.

— Вот и пришли, — Иван стал счищать со своих кирзовых сапог грязь.

Кладбищенская глина была очень липкая и никак не хотела счищаться. Возле стенки вагончика Иван отыскал какую-то длинную плоскую железку и теперь ею ковырял подошву своих сапог. Я тер новыми ботинками о тонкий слой снега на траве.

— Здесь живет Мирра? — задал я вопрос, чтобы не молчать.

Иван отбросил железку и разглядывал свои грязные сапоги.

— Да, Мирра живет здесь. Вместе с матерью они, так сказать, смотрят за кладбищем, — Иван задумчиво посмотрел на входную дверь домика. — Нанесем мы им сейчас грязи. Но... ничего. Разуемся.

В домике пахло съестным. Маленькая худенькая женщина готовила что-то на плитке в углу. Я поздоровался, Иван сухо бросил: «Привет! Мы пришли!». Женщина обернулась и улыбнулась нам. Я остолбенел, такое со мной было уже не первый раз за этот кажущийся таким длинным месяц. На меня смотрела Тамара. Хотя нет, эта женщина не была Тамарой, ей было больше лет, она была меньше ростом и совсем другая, но портретное сходство было очень велико. Я смотрел на женщину во все глаза. Иван засмеялся, женщина улыбнулась и спокойно произнесла:

— Здравствуйте, Рим Иванович! Долго же вы до нас доби-
рались!

— Долго? — голос мой прозвучал хрипло.

— Долго! — опередил хозяйку домика Иван. — Мы же сказа-
ли тебе искать Тамару на болоте. Мы надеялись, что ты придешь
на болото, будешь тут бродить, искать и наткнешься на домик
смотрителя. Но тебя всё не было и не было. Пришлось вот Мир-
ку с запиской посылать.

Женщина, похожая на Тамару, внимательно смотрела на ме-
ня. Не знаю почему, но Иван, который у меня не вызывал дове-
рия, сейчас вдруг показался мне хорошим человеком. А эта неиз-
вестная женщина показалась очень знакомой. Я подумал, что это
оттого, что в домике тепло и пахло едой, кажется, щами.

— Сооруди нам поесть, — распорядился Иван. — Рим вон
испереживался весь и замерз, погода сегодня не подходящая
для прогулок, зима скоро ляжет.

Он немного помолчал и добавил:

— Скорее бы уж. Грязь эта надоела.

Я еще подумал, что какая-то двусмысленная фраза у Ивана получилась. Про надоевшую долгую грязь. Я с ним был согласен, мне тоже хотелось очиститься. Но события липли ко мне одно за другим.

Перекусив щами и какими-то простыми, но оттого не менее вкусными, лепешками, мы остались за столом. Женщина, Иван представил мне её как Веру, смахнула со стола крошки и убрала посуду. После она вынесла толстую книгу. На деле книга оказалась большой старой тетрадью с надписью «Учет фонда 72–77». Надпись была сделана фиолетовыми чернилами и местами буквы плохо прочитывались. Я предположил, что сейчас начнется нечто интересное, и не ошибся. Иван принес старенькие пластмассовые очки и водрузил их на нос:

— Еще от отца остались. Не думал, что придется пользоваться, да вот плохо читать стало, буквы перед глазами расплываются, особенно при тусклом свете. Смотри, что удалось отыскать!

Иван пододвинул ко мне тетрадь. На развороте было схематично изображено кладбище и расположение могил, каждая могила имела свой номер. Схема была такая же ветхая, как и сама тетрадь, местами изображение было чем-то заляпано, местами чернила выцвели или расплылись. Но, если присматриваться и знать точно, что ищешь, то вполне читаемая схема. Вероятно, Иван знал, что искал, поэтому он уверенно ткнул пальцем куда-то в серединку. Я проследил направление. Нужные нам могилы находились под номерами двадцать девять и тридцать. Два одинаковых прямоугольника рядом друг с другом на расстоянии около двух миллиметров. Справедливости ради надо сказать, что эти могилы на чертеже были абсолютными близнецами со всеми другими, а не только между собой. Можно было только догадываться, как Иван нашел их в старой книге.

— Как тебе удалось отыскать их? — мне было не особенно интересно знать про то, как Иван вел поиски, но надо же было что-то сказать.

Я предпочитал не знать ничего, что касалось Сары, потому что каждое мое самостоятельное действие приносило мне какие-то неприятности. Пусть бы всё шло, как шло. Но у жизни были на меня свои виды. И я продолжил свои злоключения.

— Всё нашла она, Вера, — Иван кивнул в сторону женщины. — Две недели искали, и если бы старый смотритель не помог, то вряд ли бы и нашли. Новые карты есть, но в них ничего узнать нельзя. Сам видел, что дат никаких на могилах нет, а так приблизительно узнать не получилось. Могилы старые, Рим.

— Что, совсем старые? Прошлого века?

— Конечно, прошлого! Видишь же, тетрадь с семьдесят второго года по семьдесят седьмой. Полвека уж минуло.

— Ну, и зачем нам это старье?

— А тебе не интересно? Что? Совсем?

Иван поднял очки на лоб и теперь смотрел на меня недоумевающим взглядом. Он считал, что нашел сообщника, а я противился.

— Сейчас мне более интересно, почему Вера похожа на Тамару и твою жену Елену. Они родственники?

— Они — сестры.

— Родные?

— А ты не видишь? Конечно, родные! Они же похожи.

— Вижу. Потому и спрашиваю. Это ты не видишь очевидного. Тамара похожа на Елену и на Веру. Они — близнецы?

— Нет!

Иван будто не понимал, про что я хочу ему сказать, но для меня всё было просто.

— У Сары есть сестры, вот и всё!

— Да было бы так, но ведь Сара всем говорит, что у неё нет родственников. А тут оказывается, что есть. То есть были. И не забывай, что отец мне рассказывал про четырех женщин, а не про трех. Значит, где-то ходит еще одна копия Сары. И кто твоя крестная? Сара? Или не Сара?

— Моя крестная — Сара Марковна Прись!

— А ты уверен? — и Иван зашуршал тетрадными листами, — смотри!

— Что еще я могу там увидеть? Ну, и я не совсем расположен верить рассказам твоего отца. Ты сам-то в них веришь?

— Я? — Иван отвлекся от тетради и задумчиво посмотрел на меня. — В твоих словах, может быть, и есть правда, а может — нет. И отец мне уже не поможет. Но пока я поверю ему и проверю свои предположения.

— А зачем тебе вся эта история? — мне было непонятно, почему Иван вмешивается в мою жизнь и жизнь Сары.

— Что значит — зачем? Твоя история — это история моей жены и её сестры Тамары, и Веры. И твоя история тоже. И еще некоторых людей. — Иван начал сердиться. — Тебе самому-то не интересно, что сейчас происходит с тобой? Совсем?

— А что со мной происходит? — я и правда не очень понимал, что в моей теперешней жизни необычного. — Ну, изменилось кое-что. Но изменения эти, в общем-то, приятные. Вот в Москву еду скоро.

— В Москву? Чего вдруг? — мне показалось, что Иван не удивился этому моему сообщению.

— Не знаю, — действительно, я не имел представления, зачем мне ехать в такую даль.

— А тебя не удивляет, что ты вообще ничего не знаешь, а продолжаешь жить? Может, тебя готовят к чему-то страшному?

— К страшному? — ужас овладел мною за считанные секунды. Только сейчас, здесь, в домике смотрительницы кладбища, мне удалось понять всю нелепость ситуации. Я вдруг задумался, откуда взялись все эти события в моей жизни и почему в них участвую именно я.

— Так вот, смотри сюда, — потребовал Иван. И мы склонились над старой тетрадью.

Прощались мы уже в сумерках. Иван оставался ночевать в домике смотрительницы, проводить меня вызвалась Мирра. Было что-то около шести вечера, и я размышлял, как отнесется к моему позднему приходу Белла. Я очень задержался.

Выпавший снег, пусть уже и промокший, делал нашу дорогу к дому Сары более удобной. Пусть ноги скользили, но очертания рельефа и предметы вдоль дороги были видны хорошо. Мы шли тихо, я раздумывал над своими дальнейшими действиями, Мирра просто молчала.

— Тебе завтра в школу? — задал я вопрос, чтобы хоть как-то разрядить тишину.

— Что вы, Рим Иванович, я ведь в этом году окончила школу, — с сожалением ответила девочка, было понятно, что она бы предпочла ходить на учебу. Интересная, я вот совсем не вспоминал о школе. А ведь сразу мне казалось, что школа — моя жизнь, и без неё я не представлял, как выживать.

— А что же ты сейчас делаешь? Работаешь?

— Я помогаю маме на кладбище и по хозяйству, денег, чтобы ехать куда-то поступать, нету. Пока приходится так перебиваться, а потом, может, поеду куда, — в голосе Мирры звучало разочарование.

Да, семейство Мирры было бедно. Я подумал о том, что им приходится бороться за свое существование каждый день: Вера мучается на кладбище, Елена торгует в ночном киоске, Тамара стояла на трассе, жизнь Мирры тоже, скорее всего, будет незавидной. Я вспомнил про Тамару. Получается, что Мирра всего на год старше Тамары, хотя по внешнему виду я бы так не сказал. Я искоса оглядел девчонку, Мирра выглядела лет на четырнадцать-пятнадцать, Тамара же была с формами взрослой женщины.

— Ты старше Тамары? — задал я любопытный вопрос.

— Нет, Тома была старше меня на два года. Она просто в школу поздно пошла. Они жили в какой-то далекой деревне,

а потом переехали сюда и отдали её в школу, ей тогда уже девять лет было.

— Мирра, ты только не пугайся, — мне очень хотелось спросить её про смерть Тамары, — Тамара и правда умерла?

В темноте лица собеседницы было не разглядеть, но по голосу волнения я не почувствовал.

— Правда. А вы не знаете про это? — спокойно переспросила она.

— Про что?

— Ну, что её похоронили. Не знаете? Теперь Тамары нет. Есть только могилка.

— А где её похоронили? — мне и правда хотелось это знать, чтобы понять, винят ли меня в её смерти или нет, чтобы видеть, действительно ли она мертва. Мне хотелось услышать какие-то комментарии про себя, ведь странно получалось, меня обвиняли в смерти девушки, а её родственники спокойно со мною общались.

— Её похоронили на участке Сары.

— На участке Сары? — я почти закричал от неожиданности. — На каком еще участке?

Я представил себе, что девушку захоронили где-то у старого домика крестной. И от такой дикости и неожиданности всё мое спокойствие, которое мне удавалось сохранять с большим трудом, моментально улетучилось.

— Что ты такое говоришь? — закричал я на Мирру, совершенно забывая, что кто-кто, а она здесь точно не причем.

— Вы же там сегодня были. Иван вам, что, не показал могилку?

Я мучительно соображал, каким образом сегодня Иван мог оказаться у дома Сары. Но потом я всё понял.

— То место на кладбище, где мы сегодня были, это участок Сары?

Мирра молчала, я подумал, что она обиделась за мой крик.

— Не сердись, просто я решил, что ты говорила про дом Сары, — произнес я более спокойно, — участок Сары для меня имеет совсем другой смысл. Я не подумал о кладбище.

— Я не сержусь. Просто странно, вы сегодня провели столько времени на кладбище и совсем не думали о нем, — произнесла девушка, казалось, что мой эмоциональный всплеск совсем её не потревожил. — Тамару похоронили на том участке, который на картах выделен красным квадратом. Дядя Иван сказал, что там много свободного места и её можно там хоронить.

— А Сара про это знает? — задал я вопрос, который пришел мне в голову первым, как только я услышал про «участок Сары».

— Не знаю.

Мы подошли к дому крестной. На улице было очень темно, даже снег не высвечивал темную дорогу, потому что за день его развездили колесами машин.

— Давай прощаться, — предложил я.

— Прощайте, Рим Иванович!

— До свидания, Мирра!

Я еще какое-то время смотрел вслед удаляющейся тени. Окна Сариного дома были темны, это навевало печальные мысли о невозвратности прошлого. Но я не стал заикливаться на размышлениях, в этой ситуации они мне показались ненужными, и открыл входную дверь.

В доме стояла тишина, я даже подумал, а не выехали ли Белла и Даниель без меня в Москву или куда еще. Но вопреки моим опасениям, все были на месте. В большой комнате Белла разбирала какие-то бумаги, а Даня возился со своим мобилем. Когда я вошел в комнату, еще в верхней одежде и пахнувший холодом улицы, на меня даже никто не обратил внимания. Даниель без конца крутил колесики, а Белла доставала из папки какие-то бумажки и раскладывала их в разные стопки.

— Добрый вечер, семья! — мне хотелось пошутить. — Как прошел ваш день, пока папочка был на работе?

— День прошел, и ладно, — зло ответила Белла. — А вот на какой работе вы были?

Я уселся в кресло и включил телевизор. Несколько минут Белла молча раскладывала свои бумаги, а я пялился в телевизор. Тишину прерывал только звук телевизора и довольное мычание Дани.

— Где вы были? — опять задала свой вопрос Белла.

— Я был у себя дома, — резко ответил я и покинул комнату.

Белла что-то еще кричала мне вслед, но я услышал только, что ужин будет через полчаса.

Ужин! Моя холостая жизнь делилась на две части: я на работе и я дома. И эти две части отличались друг от друга лишь интерьером. Пищу же я принимал только по зову собственного желудка, а иногда, чтобы не заморачиваться с приготовлением, ложился спать голодным. Во сне есть не хотелось. Сейчас же моя жизнь состояла из завтраков, обедов и ужинов. И я обязан был исполнять это правило, иначе на меня злились. Мне даже казалось, что это не правильный прием пищи, не традиция, и не ритуал, и вовсе не забота о наполненности желудка, а способ контролировать меня. Я здесь утром, в обед и вечером. Здесь — за столом. А краткие промежутки между этим именно — краткие. И за такое непродолжительное время нельзя успеть сделать что-то значительное.

Но, войдя в собственную комнату, я понял, что Белла сердилась на меня не просто так. Посреди комнаты стоял огромных размеров уложенный чемодан. И я сообразил, что за время моего отсутствия что-то случилось и меня ждали. Пришлось спешно переодеться и отправиться на кухню.

Белла расставляла тарелки, и её лицо хранило всё то же сердитое выражение.

— Белла, извините, что меня так долго не было. Я встретил старого друга, разговорились...

— У вас есть друзья? — с сомнением спросила моя спутница и помощница.

— А почему у меня не может быть друзей?

— Потому что у убийц друзей не бывает, — безжалостно отрезала она.

— Меня, кажется, оправдали или я чего-то не знаю? — спокойно парировал я.

— Это вы меня спрашиваете? — в её голосе прозвучали истеричные нотки.

— Белла, вы, как образованная женщина, конечно, знаете, что невежливо отвечать вопросом на вопрос. Так какого же черта? — я тоже захотел показать свой буйный нрав, но не был уверен, что у меня это получится, поэтому замолчал.

Какое-то время в кухне царил тишина, и только Белла продолжала брякать посудой. Я вытянул шею и громко крикнул:

— Даня!

Белла вздрогнула, но вопреки моим ожиданиям ничего не сказала. Я еще раз прокричал имя своего подопечного, в ответ мне была тишина.

— Не надо кричать, надо пойти и привести ребенка, — тихо сказала Белла. — Мы ужинаем сегодня не по времени, он сбился и сам не придет.

В присутствии Даниеля ругаться не хотелось. Мы молча ели, и даже Даниель, вопреки всем своим привычкам, в этот раз без тычков ел тихо и с достоинством. Я еще раз не преминул отметить, что никакой сутулости у юноши нет, вероятно, портной ошибался.

— Почему у меня в комнате чемодан? Мы уезжаем? — спросил я у Беллы после ужина. Даниель уже был отправлен спать, Белла перебирала свои листочки.

— Да, завтра после обеда, — также сухо и односложно ответила она, не переставая перекидывать бумажки. — Я посчитала, что вы можете явиться домой слишком поздно, чтобы самому собраться, поэтому приготовилась.

Между нами опять повисло гнетущее молчание. Я гонял каналы, Белла стала рвать некоторые бумажки в стопках.

Наконец она прервала молчание:

— После того, как вы ушли, приехал Саша. Он привез ваши документы и письмо от Сары. Вот! — Белла протянула мне большую папку и белый конверт. — Мы искали вас, ездили к вам на квартиру, но соседи сказали, что вас там не было.

— Мы разминулись, наверное, а соседи могли и не знать, что я приходил, я же никого не видел и ни о чем не оповещал, — оправдался я, хотя совсем не чувствовал себя виноватым. — В конце концов, вы могли позвонить мне, и всё сказать.

— Я... я не нашла ваш номер, — виновато пробормотала Белла. — Саша сердился, но я никак не могла найти ваш номер, он словно не существовал, я даже не помню, записывала ли я ваш номер куда-то или нет. Все ваши контакты были у Сары, а потом я как-то не подумала...

— Понятно... — протянул я. — Потому вы посчитали нормальным сердиться на меня вместо того, чтобы сердиться на себя.

— Быть может и так, — ответила Белла.

И в этом её ответе было эхо какого-то разочарования, во мне ли или в себе самой. Она прикусила нижнюю губу и как ни в чем не бывало продолжила:

— Поэтому завтра мы уезжаем! — она достала несколько билетов и протянула мне.

— Понятно. У вас есть что еще мне рассказать? — я намекал, что со мной можно поделиться тем, как они встретились с мужем, что он ей рассказал о своей поездке, о Саре. Но Белла не поняла моего вопроса или же сделала вид, что не поняла:

— Нет, это всё!

И она вновь занялась своими бумажками.

— Ну, тогда я спать, — я поднялся с дивана.

Мне показалось странным, что Белла не стала у меня отпрашиваться на эту ночь домой. Она, по моему мнению, должна была хотеть перед поездкой провести время с мужем.

Его все-таки долго не было, они, наверное, скучали в разлуке. И потом, мы с ней тоже уезжаем на непонятное количество времени. Но Белла осталась в доме крестной, может, этим объяснялось её недовольство и нервозность, а не дурным характером.

Уже сидя на кровати в своей комнате перед разложенными бумагами, которые мне вручила Белла, я подумал, что они могли и здесь неплохо провести время в мое отсутствие. Я подумал о том, что Даниель мог видеть эти их утехы. И это было болезненно, мне хотелось бы, чтобы этого не было. А потом они могли наслаждаться друг другом и здесь, на моей кровати, и я немного пофантазировал, как обнаженная грудь и ягодицы Беллы касались моих простыней. Я даже провел рукой по покрывалу, почувствовал его шершавость, представил, что Белла ощущала то же самое, и уловил в себе неясное возбуждение.

Билета было три, и ехать предстояло уже завтра. Ни морально, ни физически я не был готов к поездке, потом встреча с Ивановом должна была состояться завтра, я обещал ему просмотреть все фотоальбомы, имеющиеся в доме. Но надо было ехать завтра. Я посмотрел на билеты, они были дорогими. Я с Даниелем поеду в СВ, там всего два места, а Белла поедет в купированном поезде в близости от нас. Я предпочел бы поменяться местами со своей помощницей, но подумал, что билеты были так куплены по её просьбе, она в последнее время не очень горела желанием ухаживать за моим подопечным. Хотя, возможно, она этого и ранее не делала, ведь Мирра очень удивилась, узнав, что Белла занимается какими-то делами по дому, можно было подумать, что раньше она этого не делала. Да, ведь Белла — учительница. Мне предстояло решать все вопросы, связанные с жизнеобеспечением Дани, самостоятельно целых три дня. Впрочем, я забываюсь, — пожизненно. Я почувствовал себя обреченным. Далее шли официальные документы, дающие мне право представлять интересы инвалида в разных инстанциях, опекунские бумажки, право собственности Даниеля на какой-то московский дом

и еще что-то там по мелочи. Билеты и документы я запихнул в боковой карман чемодана, мне не терпелось прочитать письмо от крестной.

Конверт был просто чист, никаких надписей, знаков и прочего, он был запечатан, что могло заставить меня поверить, что письмо предназначалось только мне и никто другой его не читал. И я поверил. Красивым почерком Сары было выведено:

Римушка!

Я рада, что у вас всё хорошо, но еще более довольна я оттого, что у тебя получается ладить с Даниелем. Ты большой молодец!

Саша и Белла рассказывают мне про ваши дела. Извини, что сейчас я никак не могу связаться с тобой. Сейчас у меня постоянное лечение, и я себя плохо чувствую, но надеюсь, что скоро все наладится, и мы снова будем вместе.

Поезжайте в Москву, развейтесь. Покажи Даню вот по этому адресу, там должны по достоинству оценить все его таланты. А если всё будет хорошо, то его и на работу там примут. Я справлялась, у них есть специальные рабочие места для инвалидов. Я хочу, чтобы мой внук был полезен обществу, не забывай, у него огромный потенциал.

До встречи. Сара.

Вот такое письмо было. И всё. И больше ничего. Я немного был ошарашен тем, что Сара хочет устроить внука на какую-то там работу. Я почувствовал, что для меня это означало еще большие хлопоты, чем были у меня прежде. Подумать только — примут на работу! Что он может работать, если у него не получается сходить в туалет нормально?

Я посидел несколько минут, осмысливая полученную информацию, но ничего путного не придумал и решил позвонить Ивану. Его надо было предупредить, что я уезжаю на неопределенное время и наше расследование несколько задержится.

Я уже было взял телефон, но тут до меня дошло, что я не выполнил его поручение. Если принять на веру рассказ отца Ивана, то получалось, что у Сары надо лбом должна быть прядь волос другого цвета. Когда Иван спросил меня, могу ли я подтвердить эту особенность, я встал в ступор. Такая черта внешности, естественно, не могла быть мною незамечена, но ничего подобного я не помнил. Я еще сказал Ивану, что Сара могла закрашивать прядь. Но он стал говорить, что всё равно эта прядь рано или поздно должна была быть плохо покрашенной или вовсе некрашенной, к тому же кто-то там ему сказал, что это генетическая особенность пигментации и такое просто так не закрасишь. Я согласился с ним. И мы решили проверить свои догадки по старым фотоальбомам, которых в Сарином доме было с избытком.

Фотоальбомы были в самой большой комнате дома, в гостиной. Там, по крайней мере, я видел их в первый день, там мы их рассматривали с Сарой. Странно, но сейчас я не помнил ни одной Сариной фотографии, перед глазами стояла только одна. Там мальчик, похожий на меня, старое кресло и малыш, которого Сара назвала Даниелем. Я отправился по спящему дому в гостиную. Было тихо, луна не освещала помещение, по дому я передвигался, подсвечивая себе путь фонариком на телефоне. Слышно было, как ковер приминается под ногами и ветер раскачивал кусты во дворе, они чуть слышно скреблись по оконным стеклам. Больше ничего. Зашипели часы, их бой указывал, что уже двенадцать. Под дверью большой комнаты была полоска света, я аккуратно, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь. У стены на диване сидел Саша и рассматривал фотоальбомы. От неожиданности я почувствовал слабость в коленках, на какое-то мгновение мне показалось, что еще чуть-чуть и я упаду. Пришлось собраться с духом и еще раз заглянуть в щель. Саша внимательно рассматривал толстые страницы, он был так увлечен, что я подумал, упади я сейчас на пол, он бы этого не услышал. Интересно, он искал то же, что и я или что-то другое?

Хорошо бы было сейчас ворваться в комнату с возмущенными криками и выдворить его отсюда. Ведь я как-никак — хозяин дома. Но внутренняя робость не позволила мне этого сделать, а потом он мог и ударить меня и еще что похуже. В общем, я не отважился и остался наблюдать под дверью. Саша просмотрел один альбом, потом — другой и еще несколько, но то, что искал, не нашел. Он захлопнул последний:

— Нет, здесь всякая ерунда. Совместных фотографий нет.

— А они точно были? — спросил робкий голос Беллы.

— Были — не были. Я не знаю. Но они с Римом рассматривали что-то. Рим должен знать. Может, есть еще фотографии.

— И как мы это узнаем?

— Я не уверен, что нам это вообще надо. Какая разница из близнецов Сара или нет? Сейчас самое главное то, что, кроме внука, у неё больше никого не осталось. Прошлым своим пусть сама интересуется. Нам это не мешает и не помогает.

Саша встал и отошел к другой стене, я потерял объект наблюдений.

Сейчас Саша и Белла должны были выйти из комнаты. Я зря переживал, что Белла не пошла повидаться с мужем, она сделала это в моем доме. Причем даже не посчитала нужным предупредить меня об этом. Но, если подумать, я был рад, что не пришлось встречаться с Сашей лицом к лицу. И почти наверняка я бы был против его ночевки в доме. Но пора было спрятаться или уйти, чтобы не быть обнаруженным. В гостиной комнате было тихо, очень тихо. А потом погас свет. Но из гостиной никто не вышел. И, плюнув на идею покопаться в фотографиях, я отправился к себе, только уже на ощупь, подсвечивать фонариком было небезопасно. В темноте предметы были кое-как видны, и я двигался тихо, стараясь не производить никакого шума. Так же под ногами приминался ковер, так же кусты скребли окна. Никто сзади не нагонял меня, никто не требовал объяснений. Добравшись до своей комнаты и переведя дыхание, я уселся на кровать.

С трудом верилось, что Саша и Белла остались сидеть в гостиной. Что же тогда произошло? Я подошел к окну такими же осторожными шагами, как крался по коридору, и выглянул за шторы. Ветер раскачивал качели, но они были пусты. Только в окно на противоположной стене дома влезли два силуэта. Саша и Белла по-своему передвигались по моему дому. Я заглянул в соседнюю комнату — Даниель спокойно спал, развалившись на своей огромной кровати. Мне тоже следовало лечь. Но было еще одно дело — надо было позвонить Ивану. Я немного поколебался, стоит ли, было очень поздно, но я решил, что лучше это сделать теперь, ведь неизвестно, смогу ли позвонить ему утром. Голос в трубке был хриплым, наверное, он крепко спал:

— Да?

— Иван, это Рим Иванович!

— Рим, ты что?

— Надо срочно поговорить. Я завтра уезжаю.

— Уже завтра? — похоже, что Иван удивился этой спешке не меньше, чем я сам. — Но ты же говорил...

— Планы поменялись, Сара прислала письмо.

— Письмо?

— Письмо. Я пришел домой, а Белла с билетами, с документами, говорит, что завтра надо ехать. И письмо это отдала.

— А письмо точно от Сары?

Я еще на секунду засомневался, как ответить, но потом со всей уверенностью продолжил:

— Точно. Это её почерк.

— И что старуха пишет?

— Пишет, что надо ехать в Москву, что Даню нужно устроить на работу.

— На работу? — голос в трубке опять удивился.

— Да, у неё идея фикс, она хочет сделать Даниеля полезным обществу. Вот требует, чтобы я отвел его по какому-то там адресу.

— А адрес какой?

Тут я сообразил, что никакого адреса в письме не было. Пришлось зажечь ночник и взять конверт. Я был прав: ни в письме, ни в конверте ничего не было.

— Слушай, Иван, — пробормотал я трубке, — а адреса-то никакого нет.

— Ты, может, не там смотришь?

— Как не там? — я не понимал, где еще можно смотреть. — В конверте был только лист с письмом и всё.

— Посмотри с обратной стороны листа, — раздался совет через мгновение, — смотри в конверте, может, там отдельный листок есть или адрес написан на самом конверте.

— Сейчас...

Я сообразил, что мог выронить что-то из конверта, и принялся обшаривать кровать, осмотрел ковер и даже залез под кровать. Никаких листков с адресом нигде не было.

Я снова поднес трубку к уху:

— Это что получается, Сара забыла написать мне адрес? — свой же вопрос мне показался ужасно идиотским. Как Сара могла забыть мне сообщить самое главное, ради чего я еду в Москву?

— Не думаю, — протянул Иван, — скорее кто-то мог читать её письмо и забрать адрес. Или... Или просто забыл положить. Оставь письмо на видном месте и следи за ним. Если был кто-то кроме тебя, кто читал письмо, то он должен проявиться.

— Ты думаешь, — в моей голове всплыли сорок способов незаметно открыть конверт — от отпаривания клапана до простой замены конверта. Действительно, эка невидаль, вскрыть письмо! — Слушай, Иван, а если адрес не появится? Зачем мне тогда ехать в Москву? Как я объясню Белле, зачем мы приехали в такую даль?

Иван засмеялся:

— Я думаю, что завтра утром всё разрешится само собой. Тебе не придется ничего объяснять Белле, скорее это она тебе объяснит всё как надо. Ложись спать и не переживай.

— Да, не переживай!

— Я говорю — не переживай! — интонации Ивана были уверенными. — С тобой ничего страшного не произойдет. Время еще не пришло.

— Не пришло? А должно прийти? — от ужаса мое сердце застучало в бешеном ритме. — Должно?

— Рим Иванович, будь мужчиной! Не забывай, что за твоей спиной внук Сары, он — самое ценное, о нем ты сейчас должен думать! Кстати, — Иван зевнул, — ты посмотрел фотографии?

— Да, с фотографиями тоже плохо получилось, — виновато произнес я.

— Что плохо? — похоже, я утомил собеседника своими неудачами. Признаться, мне самому было странно слушать себя, всё у меня происходило не так, как было задумано.

— Саша смотрел их, а я подглядывал, а потом не решился зайти.

— Какой Саша?

— Муж Беллы, этот юрист, который помогал Саре. Саша Грац. Мы с ним учились вместе в школе.

— Значит, Саша их смотрел... — задумчиво протянул Иван. — Ну, а ты? Ты, что, не мог прийти, выгнать его, отнять альбом, это же все-таки теперь твой дом. Он-то по какому праву распоряжается в твоём доме.

— Как-то так получилось, — с грустью произнес я. Мне неприятно было признаваться в собственной трусости, пусть уж так, косвенно, я буду раскаиваться в своём бессилии.

— Рим, будь мужчиной! — второй раз за наш разговор повторил Иван. — Верти ситуацией как надо тебе. Но не хаами, не нарывайся, просто просчитывай ситуацию и себя. Что ты как размазня, честное слово?

— Я стараюсь, — как истинное бесхребетное протянул я.

Под конец разговора я вспомнил фразу Саши про близнецов и рассказал об этом Ивану.

— Рим, похоже, за тобой следят, — обеспокоенно произнес он. — Не болтай лишнего, связь со мной держи по телефону. Мирра больше нам помогать не будет, её мать против. Поезжай в Москву, а я что-нибудь придумаю.

Я лег в кровать и укрылся одеялом до самого подбородка. Мысли мои крутились вокруг предстоящей поездки и того, как выстроить отношения с Беллой. Сейчас большую трудность для меня представлял не Сарин внук, а моя помощница Белла. Неужели она украла адрес конторы? Прежде чем погрузиться в сон, я засунул конверт себе под подушку так, чтобы его конец сильно торчал наружу, и его было отчетливо видно на синих простынях. Утром я намеревался не просыпаться до тех пор, пока за мной не придут. А придут — увидят письмо, а там посмотрим, что будет.

МОСКВА

Проснулся я от стука. Кто-то громко и уверенно стучал в мое окно. Я выглянул во двор. Во дворе с молотком в руках стоял рабочий из школы и долбил по раме. Я скорчил вопросительную гримасу. Рабочий пожал плечами и показал, что он, мол, прибывает какую-то деревянную решетку на мое окно. Он крикнул, и я по губам прочитал:

— Сара велела!

Спрашивать зачем, мне показалось ненужным. Ну — велела. Велела — и всё. Её дом — пусть велит, что хочет.

Я посидел на кровати, поежился от утреннего холода и понял, что моя уловка с письмом была напрасной. Время было семь часов, конверт лежал под подушкой так, как я положил его вчера. Для надежности я осмотрел конверт и снаружи, и изнутри. Адрес не появился.

Нужно было вставать, собираться, готовить к поездке Даниеля. Я потянулся, зевнул и плюхнулся обратно на кровать, вытянутые вверх руки нащупали что-то острое. Я пошарил по поверхности покрывала и вытянул кусочек картона. Да, это была визитка. Я прочитал, что было на ней написано. Московский адрес! Выходит, я вчера плохо осмотрел кровать и не нашел этой злосчастной бумажки. Но я готов был побожиться, что ничего подобного вчера здесь не было.

«Простофиля! Наивный дурак!» — ругал я себя. Я вообразил, что кто-то будет красть у меня конверт, для того чтобы подсунуть туда адрес, а надо было просто кинуть этот прямоугольный

кусочек в мою комнату. Вроде как это я сам выронил. И никаких ухищрений не надо. Правда, сейчас я сам стал сильно сомневаться, а был ли этот кто-то, я же мог и сам выронить его по неосторожности.

В конце концов, это сейчас были неважные переживания. Ментально забыв про происшествие с визиткой, я принялся обдумывать план сегодняшнего дня. Начинать следовало с завтрака.

Через семь часов мы стояли на вокзале: я, Даниель и Белла. Белла постоянно смотрела на часы и подгоняла нас с Даниелем, она боялась, что за те две минуты, что стоит поезд в Мышьегорске, мы не успеем погрузиться. Даниель рассматривал прилавок с мороженым и шоколадом, причем делал это весьма недвусмысленно, так что даже мне пришлось пообещать ему купить мороженое. Я время от времени осматривал перрон, мне не верилось, что никто не пришел проводить нас.

— Белла, а муж не придет разве вас проводить?

Помощница посмотрела на меня так, что я засомневался, что она поняла, о чем я спросил.

— Саша Грац придет нас провожать? — повторил я свой вопрос.

— Саша не придет, у него слушания в суде. И потом мы делились вчера.

— А! — понятливо кивнул я головой.

Даня рассматривал рабочих в желтых тужурках и передразнивал их походку. Мне пришлось ткнуть его в плечо: «Не кривляйся!». Я не уверен, что он понял меня как надо, но встал прямо и стал смотреть в сторону прибывающего поезда. Состав с грохотом проходил мимо нас, мы увлеченно следили за номерами вагонов. Белла спешно попрощалась и села в свой вагон, через несколько от нашего, мы поднялись в свой СВ. Я впервые ехал с такими удобствами, поэтому всё увлеченно рассматривал, Даниель бубнил себе под нос: «Мороженое! Мороженое!». Я вспомнил свое обещание и попросил у проводника принести нам большой брикет мороженого.

Вагон качнулся, и мы медленно поплыли.

Почти четверо суток мне показались очень долгими. Я не мог спать, не мог выйти за дверь, не мог, расслабившись, смотреть в окно на пробегающие мимо засыпанные желтыми листьями и первым снегом деревушки. Мне постоянно казалось, что Даня убегает вместе с деревушками, а я не могу его найти, догнать. Я постоянно одним глазом следил за ним и думал, что Белла — изворотливая особа, только и норовит, что увильнуть от своих обязанностей. Уму непостижимо, как старая больная Сара справлялась с ним? Впрочем, она могла давить харизмой, я же не обладал такой способностью.

Но на удивление Даниель вел себя вполне смирно: кушал аккуратно, прилично ходил в туалет, не шумел, не буянил. Мы разучивали с ним скороговорки, играли в пальчиковые куклы и мобиль, ради разминки и любопытства несколько раз выходили на перрон. Одного только мы не могли сделать — сходить в вагон Беллы. Как только Даня видел, что мы продвигаемся в сторону вагона Беллы, он начинал завывать, подгибал колени и, как безумный пианист, шевелил пальцами. А еще был парик! Как только я начинал говорить про Беллу, он доставал из кармана парик и надевал его на себя. Я решил, что это защитная реакция, и перестал настаивать на встрече с Беллой. В конце концов, если бы она захотела, то могла сама прийти к нам. Но она, видимо, не хотела.

Явилась Белла в наш вагон только перед самым прибытием в Москву. Я уже уложил вещи и велел Даниелю надеть пальто, дверь открылась и возникла фигура моей помощницы.

— О! — довольно произнесла она. — Я вижу, вы уже готовы!

— Готовы! — буркнул я недовольно, ибо решил дома серьезно поговорить с ней.

— Тяжело было с ним? — спросила Белла, кивнув в сторону Дани.

— Не очень, — пропыхтел я недовольно, доставая чемоданы с полки, — всё прошло более-менее гладко.

— Не сердитесь на меня. Как приедем в Москву, я отпущу вас на несколько дней погулять по городу. Достопримечательности, кафе, магазины, столичная жизнь... Вам понравится!

Да, все-таки Белла была чрезвычайной ловкачкой, она ментально уловила мое настроение, поняла его причины и нашла способ загладить вину. Я еще, как только отъехали от Мышьегорска, начал сожалеть, что из-за Дани мне не придется насладиться столичной жизнью. А тут такой обмен приятностями! Я сразу забыл про обиды, и Белла стала мне казаться и не такой уж неприятной особой.

— И что? Даже какал хорошо? — весело спросила Белла у Даниеля.

Я засмеялся и подмигнул Сариному внуку.

Квартира, в которой мы должны были остановиться, находилась в районе Старого Арбата. Когда я назвал адрес таксисту, тот присвистнул и произнес что-то вроде «Кудряво живете!». Четырехкомнатные апартаменты на Никитском бульваре были элитным жильем. В документах на эту квартиру стояла какая-то безумная цена. Белла распорядилась, чтобы я достал документы. На входе консьерж мог захотеть их посмотреть. В документах в качестве собственника везде значился Даниель, и только серая маленькая справка от нотариуса давала мне право входа на его территорию.

Рассматривая серые кирпичи дома в исторической части города, я невольно проникся каким-то благоговением перед Даниелем. Не каждому в нашей стране так везло. И Белла могла сколько угодно обзывать его гаденышем и засранцем, но такого жилья она себе не могла и никогда не сможет позволить. Разве только уборщицей за гаденышем она могла попасть в эти хоромы. Я, впрочем, тоже. После чувства благоговения в моей душе родилось чувство неполноценности. Разве с таким домом Даниель инвалид? Нет! Это мы с Беллой — инвалиды!

— Белла, на какие деньги Сара купила эту квартиру? — задал я жлобский вопрос.

— Купила? Ну, нет! — завистливо хихикнула помощница. — Эту квартиру оставил Дане его дед-профессор. И то, доказывать пришлось, что Даниель его внук, а Сара она так... Хранительница при теле... Была. А теперь вот ты... Хранитель.

Была в этих словах Беллы какая-то червоточина. Но я понимал её чувства. Перед таким домом каждый мог захворать червоточиной.

Несмотря на слова Беллы про консьержа, никого в подъезде не было. Белла пожала плечами.

— Я давно здесь не была, консьержа убрали. Домофон вон! — похлопала она ладонью по квадратному устройству. — Ищи у себя ключ.

Я выгреб из кармана чемодана связку ключей, но нужного ключа среди них не было.

— Странно... — пробормотала Белла и закусила губу. — А что делать?

— А номер у квартиры какой? — спросил я наугад.

Но Белла не знала и номера квартиры:

— Я не помню, посмотри в документах.

Я понял, что Белла делала вид, и никогда она в этой квартире не бывала.

Номер квартиры был шестьдесят девять. Я набрал номер на аппарате. В устройстве что-то хрюкнуло, и подъездная дверь открылась.

— Нас ждут, — сообщил я Белле и пропустил вперед её и Данию.

— Странно... — опять повторилась Белла.

По поведению моей помощницы было видно, что она несколько растеряна и рассчитывала на что-то другое.

Лифт, плавно качнувшись, повез нас вверх — квартира находилась на седьмом этаже. Я нажал на кнопку звонка. Дверь была с плотной обшивкой, так что даже звонок в квартире услышать не удалось, не то что чьи-то шаги.

— Зачем звонить? — поинтересовалась Белла. — У нас же есть ключи!

Она еще помнила свою оплошность с домофоном, но выводов не сделала.

— В квартире кто-то есть, нам откроют, — уверенно произнес я.

И действительно дверь открылась. На пороге стояла довольно упитанная женщина в фартуке и приветливо нам улыбалась.

— Добро пожаловать домой, Рим Иванович, Даниель и Белла! — картинно произнесла она, как некогда сделала Белла, первый раз встретив меня в дверях дома крестной.

— А вы кто? — прямо с порога спросила моя помощница.

— Я — Серафима, или просто Фима, — домохранительница, — произнесла женщина.

Её речь была тягучей и спокойной, я сразу почувствовал, что она — ангел уюта в этом доме. Даже Даня смотрел на неё во все глаза. Только Белла недовольно морщилась.

Фима вытянула руку назад, приглашая нас войти в дом. Мы нерешительно, как сиротки, озирали свое новое жилище.

Новый наш дом хоть и находился в самом центре столицы и стоил больших денег, но был совсем небольшим: длинный коридор, три отдельные комнаты, кухня и санузел из ванны и туалета. Высокие потолки тоже не делали квартиру уютной, а скорее давили, заставляли чувствовать себя незначительными и одинокими. Старая мебель, бесконечные книжные полки на стенах, протертый ковер на полу в прихожей — всё это не соответствовало моим ожиданиям, да и не только моим. Белла и вовсе смотрела на квартиру разочарованно, если не сказать брезгливо. Она уже в который раз обводила взглядом стены с побелкой и похоже не могла смириться с открывшейся истиной: Сарин дом в Мышьегорске был гораздо комфортнее этой квартиры в центре Москвы.

— Слушайте, Рим Иванович, — задумчиво проговорила Белла, — а комнат же должно быть четыре?

— Четыре... — подтвердил я, — по документам четыре.

Мне не хотелось ничего выяснять. Я хотел спать. Необъяснимо почему, но мне вдруг стало всё очень безразлично: дом на Арбате, Белла с её разочарованием, Даниель, скребущий известь в углу прихожей, брякающая посудой домохранительница Фима. Я подумал, что совсем не стоило предпринимать этой поездки, а надо было сидеть в своем городке за высокими стенами уютного дома и слушать упражнения Дани и Беллы в соседней комнате. Мне захотелось быть созерцателем этой жизни, участие успело меня изрядно утомить.

— Я хочу спать, — обреченно пожаловался я Белле, — давай поспим, а потом станем разбираться со всем этим.

Я обвел рукой пространство перед собой. Бытовые условия квартиры напрочь смазали радостное предвкушение от встречи со столицей. Мне хотелось увидеть рай, а я даже не смог попасть в его предбанник. Суровые условия чьей-то жизни вернули меня к реальности. Еще совсем недавно я поражался презентабельности дома крестной, а теперь разочарование от обыденности вернуло меня в реальные будни жизни простого человека, хотя бы и из центра Москвы.

— Серафима! — звонко выкрикнула Белла имя домохранительницы.

Звук голоса моей помощницы показался излишне резким и визгливым, я поморщился. Зачем же так орать? Достаточно было спокойно назвать имя. Серафима не выглядела глухой, а высокие потолки квартиры гулко перемещали звуки по полупустой квартире, казалось, что и шепота будет достаточно, чтобы получить громкий звук.

— М? — вопросительно донеслось из кухни.

— А комнат три? — также резко выкрикнула свой вопрос Белла.

Тяжелые шаги Серафимы приблизились к нам из кухни:

— Три. А еще эта кладовка, переделанная в библиотеку, — женщина постучала ладонью по стене, — вроде тоже комната.

— Значит, четыре? — Белле хотелось знать, всё ли так, как в документах, или её обманули даже в такой малости, как количество комнат.

Серафима переступила с ноги на ногу, словно ей неловко было отвечать на этот вопрос:

— Выходит, что четыре. Да вы сами посмотрите, посчитайте, а я поесть вам пока приготовлю.

Мы собрались за большим круглым столом в центре гостиной. Серафимин обед был прост, но питателен: салат, борщ и маленькие пирожки к чаю. Белла чуть заметно поморщилась, она привыкла питаться по-другому, в доме Сары было первое-второе-третье и конфетки к кофе. Здесь же незатейливый и вкусно пахнущий стол напоминал деревенскую трапезу. Было полное ощущение, что мы в старом доме Сары в Мышьегорске, а Москва осталась там, где-то к востоку от Урала. Это обманчивое ощущение вселяло в меня неуверенность и чувство потерянности. Я всеми своими силами желал отдохнуть, каждая клеточка моего тела хотела отрешиться от происходящего и немного вздремнуть, быть может, сон вернул бы мне утраченные силы и желание двигаться дальше. Но Белла всем своим видом показывала, что она желает разобраться в происходящем прямо сейчас, трудно было понять, зачем ей всё это, ведь она просто работала на нас с Даней и не имела никакого морального права выражать какое-то неудовольствие. Но она явно выражала и постоянно шарила взглядом по комнатам, будто хотела увидеть что-то, что никак не появлялось, а она его очень ждала. Её пытливые взгляды постоянно цеплялись за Серафиму, в конце концов, она не выдержала:

— А вы будете жить с нами?

— Не буду, — буркнула Фима, склоняясь над тарелкой. — Я буду приходить и наводить порядок, стирать, готовить. Как всегда. Сара сказала мне делать всё как всегда.

Серафима искоса посмотрела на мое безразличное лицо.

— Правда ведь, Рим Иванович?

Она хотела поддержки от меня. И я поддержал её, хотя мне было абсолютно безразлично, где будет домохранительница, с нами или нет:

— Правда!

Белла смотрела на меня с изумлением, будто мы о чем-то договаривались, но я не сдержал обещания.

— А зачем нам уборщица? — её голос опять стал визгливым.

— Беллочка, лишние руки нам не помешают, — как мне показалось, резонно ответил я. — Ты вот постоянно занята, я тоже буду несвободен. Так пусть Серафима будет с нами, присмотрит и за квартирой, и за Даней. А ночевать пусть ходит к себе домой.

Я монотонно жевал пирожок, так жуёт корова свою жвачку, и смотрел на всё происходящее абсолютно коровьими глазами. Усталость буквально валила меня с ног. Я вспомнил и даже как-то внутренне вздрогнул, что еще совсем недавно засыпал буквально на ходу. Тогда я винил во всем Сарин чай, теперь же чая не было, но похожие ощущения опять стали возникать. И я готов был поклясться, что ментол тут совсем ни при чем.

— Вы как хотите, а я спать, — почти прошептал я и устроился тут же на диване.

Белла удивленно смотрела на меня, Серафима гремела посудой, Даниель болтал под столом ногами, то и дело ударяя сандалиями о перекладину старого стула. «Ортопедические сандалии...» — была последняя моя мысль, которую я запомнил, прежде чем погрузился в сон.

Проснулся я на закате. Всё мое тело от неудобной позы ныло и ломило. Я вспомнил увещевания бабушки, что не стоит спать на закате. «Не спи, кода солнце садится! Тело будет двигаться, а голова — спать!» Сейчас было именно так. Я приоткрыл глаза, но сделал это так непроизвольно, что сам удивился своему действию. Дремота не отпускала. В комнате было пусто. Я лежал

на диване. Закатное солнце освещало комнату. Я еще успел поразмыслить, стоит ли мне вставать или можно так спать до утра. Но необходимость контролировать Беллу и Даниеля заставила меня сесть. Часы на противоположной стороне показывали восемь, я проспал почти пять часов. Сказался тревожный сон в поезде, я постоянно боялся, что Даниель куда-нибудь денется, и спал вполглаза. В комнате всё было по-прежнему, только убрали посуду со стола и застелили его розовой скатертью с длинными кистями. Я, чуть шевелясь, перебрался на стул возле стола и положил голову на руки. Взгляд уперся в старую скатерть, вероятно, некогда она была бордовая или темно-красная, цвет сохранился в глубине волокон, тогда как её поверхность совсем выцвела. Да, и дом, и обстановка были старыми. Я вспомнил, что это квартира Даниного деда, поэтому решил, что ничего здесь не меняли с момента смерти старика. Именно в этой квартире жил московский любовник Сары с дочерью Олей. Я прислушался, не знаю уж, что я рассчитывал услышать, может, голоса прежних владельцев, но услышал только жужжание дрели где-то в квартире по соседству. Сара не часто бывала здесь, если вообще когда-нибудь бывала. А Ольга? Я решил расспросить обо всём домохранительницу и поплелся на кухню. Но на кухне никого не было, равно как и во всём доме.

— Эй, кто-нибудь? — позвал я. Но в ответ услышал только, как дрель последний раз бздыкнула и замолкла. Соседи решили прерваться с ремонтом.

Я прошелся еще раз по всем комнатам. В коридоре рассмотрел неразобранные чемоданы, заглянул в ванную и туалет и вспомнил про библиотеку. Фима говорила про библиотеку. Но новых дверей, как и новых помещений, мне найти не удалось.

Я стоял посреди большой комнаты и размышлял сразу над двумя вопросами: где Белла и Даня, и где библиотека. Думать две мысли одновременно было сложно, поэтому я решил вначале отыскать своих домочадцев. Я прошелся по коридору

из конца в конец, потрогал рукав своей куртки на вешалке, посмотрел на свой чемодан и дорожную сумку Беллы, и, наконец, осознал, что не могу ни с кем связаться, никого отыскать. Белла и мой подопечный, Серафима куда-то пропали, пока я спал, и найти их не представляется возможным. В очередной раз я поймал себя на мысли, что если вдруг что-то случится, как сейчас, мне не к кому обратиться за помощью, а позвонить я смогу лишь в полицию. Телефона Беллы у меня не было, крестная тоже не оставила никаких координат, у меня был только номер Ивана. Но чем бы он мог мне помочь? Он там, по ту сторону уральских гор, там, где сейчас уже ночь, а я тут на седьмом этаже в центре Москвы брожу в растерянности по чужой пустой квартире. Это было неправильно и совсем невежливо по отношению ко мне, могли же ведь и записку оставить, где они и что мне делать. Я еще раз обошел квартиру, в надежде найти какой-нибудь клочок бумаги с информацией, но было пусто: ни записок, ни уличной обуви в коридоре, лишь мои новые ботинки сиротливо стояли в темноте, развернув носы в разные стороны, налипшие куски грязи напоминали о непогоде. За старыми красными шторами в большой комнате я отыскал балконную дверь. Она была такой же старой, как и вся квартира. Я провел пальцем по стеклу, оно чуть заметно качнулось. Окна в доме были старые. Мне было боязно открывать балкон, неизвестно, в каком он состоянии, если в таком же, как и окна, то выходить на него было небезопасно. Я дернул старую дверь, она загремела, затрещала, звякнула щеколдой, но открылась. Холодный воздух улицы ударил мне в лицо. В серых сумерках видны были соседние дома, верхушки деревьев, мокрый двор блестел в свете фонарей, кусок дороги у подъезда был уставлен машинами. Я осторожно перегнулся через ограждение балкона и попытался рассмотреть двор и подъездную дверь, но ничего интересного не увидел. Двор был пуст, лишь какой-то мужчина сидел на лавочке у соседнего подъезда, да девочка гуляла

с собакой. Ни Дани, ни Беллы я не увидел. Оставалось думать, что они просто вышли погулять или в магазин, и ждать. Я еще раз взглядом обвел двор и балкон, послушал, как за домами шумит большой город, и зашел обратно в комнату. Мне на ум пришло заняться поисками библиотеки, раз уж Беллы и Сариного внука пока не было дома. Серафима сказала про библиотеку. Я вспомнил, что в каком-то старом фильме героиня говорила, что под библиотеку и собаку полагалась комната. Вероятно, это были времена молодости Сары и её профессора. Неизвестно, была ли у них собака, а вот библиотека должна была быть. Не мог же профессор быть без библиотеки? Я еще раз обошел квартиру, но никаких признаков еще одной комнаты видно не было. На дне моего чемодана были документы на московскую квартиру. Их привез Саша, но, видимо, они с Беллой их не слишком рассматривали, раз Белла искала комнату в квартире и не находила её, а может, не придали значения количеству комнат. Хотя — нет, именно Белла вспомнила первой, что комнат в квартире должно быть четыре. Значит, все-таки они владели этой информацией. Четырехкомнатные апартаменты в центре столицы! Я полез в чемодан.

В паспорте квартиры был чертеж. Он был абсолютно новый, и краска заметно выделялась своей свежестью. Понятно, квартиру заново оценили и сделали техпаспорт. Можно было предположить, что новый паспорт был нужен для того, чтобы что-то скрыть. Я повертел чертеж, из него явствовало, что квартира была трехкомнатной. Я задумался. Одну комнату продали? Тогда про какую библиотеку сказала домохранительница? Я еще раз посмотрел на чертеж. Мне решительно не нравилось это расхождение. Пришлось применить свою учительскую смекалку: я сложил площади всех комнат и подсобных помещений. Сумма площадей на чертеже и в описании не сходилась, не хватало еще одиннадцати метров. Эта площадь небольшой комнаты, которая была прописана в общей площади, но отсутствовала

на чертеже. Пришлось еще раз вернуться к чертежу. Где бы я разместил еще одну комнату, будь я каким-нибудь архитектором? Где? Да черт её знает где! Можно в большой комнате, можно в маленькой, можно в гостиной, можно в коридоре! Если бы площади совпадали, я бы мог сказать, что была перепланировка, но — нет. Библиотека где-то скрывалась в квартире. Непонятное возбуждение овладело мною, я испугался. А тут еще и Белла с мальчишкой пропала. Я тревожно смотрел на часы, стрелки приближались к половине одиннадцатого. Самое то, чтобы начать паниковать. Но каждый раз, как моя рука доставала из кармана телефон, я усилием воли заставлял себя положить его обратно и продолжал ждать.

В одиннадцать входную дверь поскребли ключом. В дом ввалилась Белла, толкая перед собой Даниеля. Слово «ввалилась» очень подходило к ситуации: в каждой руке у неё было по два пакета, дамская сумочка свисала с локтя, а еще она непрерывно толкала своего воспитанника, а тот смотрел в пустоту и еле переставлял ноги. Я подумал, что он под воздействием каких-то медикаментов, потому что таким заторможенным я его еще никогда не видел.

— Вот, принимайте, — задыхаясь, прошептала она и поставила сумки на пол в прихожей.

Понятно, они ходили за продуктами. Или сделали вид, что ходили. Я занервничал:

— А утром этого нельзя было сделать?

Белла смотрела на меня круглыми глазами. Даниель, отвернувшись, ковырял в углу штукатурку.

— А утром вы сходите и докупите чего не хватает! — Белла не собиралась мне ничего объяснять. Да и что тут собственно нужно было объяснять: заботливая Белла не хотела нас заставлять голодать.

— Далеко ходили или ездили? — мой вопрос был праздным, хотя по сути был очень важным для меня. Я хотел посмотреть,

как она начнет врать и изворачиваться, рассказывая, что супер-маркет, где она делала покупки, находится в невероятной дали, возможно, что даже за пределами кольцевой.

Но Белла ответила быстро, и мне показалось, что честно:

— Да тут совсем недалеко, уборщица, — она говорила про Фиму, — пошла домой и по пути показала мне, где можно делать покупки. Это метров двести от нас. Во дворах.

Она дернула Даниеля и принялась расстегивать его пальто. Даня замычал и, отодвигаясь от Беллы, заиграл пальцами свою воздушную музыку. Снизу вверх, снизу вверх и обратно.

— Сам? — переспросила Белла. Ответа не последовало. Только монотонное мычание. Белла стянула с юноши пальто и втокнула его в комнату, которую я уже начал считать своей:

— Завтра я работаю, а у вас выходной, потом поменяемся!

Она взяла свою дорожную сумку и ушла в соседнюю комнату. Я понял, что сумки и Даниеля я теперь должен был разбирать сам. Она свою часть работы выполнила, теперь ожидалось мое участие. Я тоже закатил чемоданы, свой и Данин, к себе и закрыл дверь. Продукты могли и подождать, а люди — нет.

Даниель стоял в углу возле старого шкафа и ковырял штукатурку, засунув нос в пространство между стеной и шкафом. Я открыл чемодан. Звук открывающегося замка заставил его повернуться и сыграть какую-то веселую мелодию. Он подбежал ко мне и стал дергать замок вверх-вниз, вверх-вниз, потом он уронил чемодан и начал крутить колесики и тихонько хихикать. Я удивился, что еще десять минут назад он походил на какое-то неразумное животное, а сейчас ожил и радуется. Мне даже не понадобилось доставать из сумки мобиль. Наверное, все-таки — Белла! Она так удручающе действует на его психику! Я оставил Даню играть с чемоданом, собрал бумаги из техпаспорта и засунул их в общую папку с другими документами. Мне хотелось попозже, по возможности — в одиночестве, еще раз рассмотреть чертеж квартиры.

В кухне Белла с мокрыми волосами разбирала продукты, рассовывая их по шкафчикам. Вопреки всей обстановке, в кухне стоял большой новый холодильник. Эта была единственная современная вещь в квартире, ибо даже ванная и унитаз были старого советского образца, телевизор вообще был ламповый черно-белый фирмы «Березка». Продукты, которые Белла разложила на полках этого холодильника, сразу утонули в пустоте и стали незаметными.

— Холодильник хотя бы что надо, — громко пробормотала моя помощница, увидев, что я вхожу в кухню. Я согласно хмыкнул.

— Белла, как вы думаете, куда подевалась еще одна комната? — спросил я первое, что пришло мне на ум. И сразу подумал, что зря я воскресил этот утренний вопрос. Мне было непонятно, стоит ли вести поиски этой комнаты или забыть о ней. Какое значение имеет количество комнат в квартире, если нам и так не тесно? Мы расположились весьма удобно, а если прикинуть, то каждому по комнате вполне достаточно.

— Подевалась? Прямо подевалась? — засмеялась Белла. — А, может, её подевали?

Она поманила меня пальцем в направлении своей комнаты.

Комната Беллы была меньше моей, она была вытянута вдоль стены. Комната заканчивалась окном в пол. Из-за этой своей особенности помещение казалось светлее и современнее. Белла подняла длинную портьеру и пригласила меня заглянуть под неё. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что окно было переконструировано. Вероятно, когда-то под окном располагался шкаф, потом его убрали и сделали большое панорамное окно. Но перестройка окна была достаточно давней, в этом можно было убедиться, осмотрев рамы. Они тоже были старыми, как и окна во всём доме.

— Ну, и что это нам дает? — непонятливо переспросил я.

— Ничего, — игриво ответила Белла. — Просто эту комнату перестраивали!

Она провела пальцем по стене от окна вправо. Я следил глазами за перемещением её пальца.

— Вот! — Белла провела ладонью по какому-то выступу. — Комната некогда делилась на кабинет и спальню. Кабинет был маленькой проходной комнатой. Там дед Даниеля работал, а то место, где мы стоим, было спальней. Вот так. Получается — четыре комнаты.

Белла достала из своей сумки фен и начала сушить волосы. Я отправился на кухню. На газу шипел чайник. Я нарезал бутерброды и разлил чай.

Ужинали мы в полной тишине, даже телевизор не мог отенить нашу жизнь в новой квартире. Я подумал, что в былые времена можно было включить радио, но радиоточки в современной жизни были архаизмом. Я поднял глаза над маленьким кухонным столом. Радиоточка была на месте, как некогда в старом доме Сары на окраине.

— Смотрите, Белла, — кивнул я на устройство.

— Что это? — переспросила она.

— Радиоточка.

Вероятно, Белла не знала, что это такое и безразлично пожала плечами.

— Белла, раньше такая была в доме каждого советского человека, она передавала сигналы точного времени, производственную гимнастику и классическую музыку. Да, и еще новости, — почему-то совершенно счастливо сообщил я своим подопечным.

Белла и Даниель спокойно жевали свои бутерброды и моего восторга совсем не разделяли. Я покрутил колесико приемника — никаких звуков, проводок питания уходил куда-то в стену.

— Сейчас не работает, надо срезать — со вздохом проговорил я скорее для себя, никто из моих собеседников меня не слушал. Белла смотрела в стену и думала о чем-то, Даня крошил хлеб.

— Конфету хочешь? — вдруг поинтересовалась Белла у Даниеля. Я удивленно посмотрел на неё, Белла следила за здоровьем

Сариного внука и сладости предлагала ему крайне редко. Тем более теперь, перед сном, это показалось мне неожиданным. Даниель молчал, я даже не понял, услышал ли он вопрос Беллы, поэтому ткнул его в ключицу и повторил вопрос Беллы. Глаза юноши стали более осмысленными и посмотрели на один из шкафчиков.

— Вот ведь, — засмеялась Белла, — уже нашел, куда я спрятала леденцы. Она дотянулась до шкафа и достала оттуда маленькую упаковку конфет и протянула Дане. Тот схватил её и, чуть кивнув головой в знак благодарности, быстро затопал в другую комнату. Белла хотела побыть со мной наедине?

Я потягивал чай, Белла продолжала смотреть в стену. Я ждал, чтобы она первой начала разговор. Время уже было позднее и всем было пора ложиться спать. Но время тянулось, мой чай уже был почти выпит, а разговор никак не начинался. Может, Белла просто решила побаловать Даню, а я уже напридумывал себе неизвестно чего.

— Про библиотеку вам рассказала Фима? — спросил я первое, что пришло мне в голову.

Белла оторвалась от созерцания стены:

— Да, она.

И опять — тишина. То ли Белла никак не могла начать, то ли я ошибался в её намерениях. Сейчас бы я несколько не удивился, если бы в полной тишине дома раздалось из приемника над столом: «Московское время — один час ноль-ноль минут». Я подошел к раковине и включил воду. Вымыв свою чашку и чашку Даниеля, я хотел уже покинуть кухню, поскольку Белла отрешенно молчала, а мне говорить с ней было не о чем.

— Серафима знала хозяина этой квартиры и не раз здесь бывала, — неожиданно начала она. — Но сейчас не об этом. Рим, как вы думаете, мы с вами обречены?

— Обречены? — я смотрел на Беллу, и мне показалось, что сейчас она начнет говорить о смысле жизни и её парадоксах,

так печальны были её глаза, и в голосе звучала некоторая трагичность.

— Эти вот условия старухи, которые привязывают вас ко мне, а меня к вам, и нас двоих к этому полудурку, разве справедливы?

Моя помощница и спутница смотрела на меня с такой скоростью, что я понял, что она переигрывает.

— Я вот тоже думаю, — откашлявшись, подхватил я её мысль, — как вы при живом-то муже согласились на такие условия? Что двигало вами? И как вы могли?

Белла опустила глаза, было ясно, что мы не о том хотели поговорить друг с другом.

— Я что? Я вынужден буду всю жизнь находиться здесь? В этом городе? В этой квартире? С вами и Даниелем?

Я постарался вложить в свои слова как можно больше темперамента и недоумения. Мне хотелось, чтобы она поняла, что меня данные условия мучают не меньше, чем её.

— Я вам совсем не нравлюсь? — спросила Белла робким голосом. Можно было подумать, что ей лет пятнадцать и она добивается от меня признаний в любви. И я даже несколько испугался, она была убедительна в своей сложности и озабоченности.

— Белла, вы мне здорово помогаете с Даней, не знаю, как бы я с ним справился без вас, Сара была права.

В одной тираде сложились сразу несколько мыслей, которые мне были нужны, чтобы убедить Беллу в том, что всё идет как надо, правильно и в правильном направлении. Хотя я сам чувствовал какой-то тупик, и неопределенность ситуации разбивала все мои мечты о покое. Сара была права, потому что Сара не может быть неправой. Я сам плохо справляюсь с Даней, мне нужна поддержка и советы. Белла мне помогает. Всё — чистая правда, без вымыслов и преувеличений.

— Я знаю, что вам не нравлюсь, — вздохнула она. — И Даниелю тоже.

Даниель был прибавлен для смены экспозиции. Типа, вы совсем не о том подумали. Хотя её вопросы были неоднозначны, и я, совсем неопытный герой-любовник, почти повелся на них.

— Ошибаетесь, вы нам очень нравитесь. — Мне она нужна была спокойной, чтобы выполняла свои обязанности. — Вы нравитесь своему мужу.

— Мужу? — Белла вздохнула. — С любимыми не расставайтесь, знаете ли...

— Не хотите — не расставайтесь. Саша может приехать в Москву вслед за вами, — я был логичен, логичен до неприличия.

Белла вроде как даже обрадовалась, будто весь разговор был затеян лишь ради этого:

— А можно он будет жить с нами в третьей комнате, ну, или в моей комнате, если вы не возражаете?

Понятно, она хотела протолкнуть к нам своего муженька.

— Нет, нельзя, — отказал я спокойно и просто, словно ждал такого разговора и был к нему готов заранее, — никак нельзя. Это условие не оговаривалось. Он может жить, где угодно, хоть в соседней квартире, но не с нами. К тому же в его услугах я больше не нуждаюсь, его делишки с Сарой были их личным делом, теперь я сам буду выбирать свое окружение и тех, с кем мне общаться, а с кем — нет.

Белла смотрела на меня высокомерно, будто она еще не все козыри выложила. Но я решил её опередить.

— Кстати, давно хочу обсудить с вами одну щекотливую проблему, — я прикусил нижнюю губу, словно подбирая слова для разговора.

В глазах Беллы мелькнул страх, а может, это было что-то другое, я не всегда правильно считываю эмоции людей, психолог из меня так себе. Но я умею держать паузу, школа научила некоторым важным приемам.

— Проблему с зеленой книжицей, — озвучил я тему разговора.

Проникнуть в эмоции Беллы было невозможным делом, она смотрела на меня с каменным лицом. Удивило ли её мое заявление? Испугало? Поставило в тупик?

— С какой еще книжицей?— устало спросила она, будто весь этот разговор ей очень наскучил, и она хочет его завершить и тяготится тем, что не может.

— В Сарином доме в дидактических пособиях я нашел одно такое пособие эротического, я бы даже сказал — порнографического, свойства. Но что меня больше всего там тронуло, так это ваша откровенная фотосессия.

Белла усмехнулась:

— Возбудился, да? Хорошие картинки! Сара старалась. Вы там и для себя кое-что нашли? Ведь, правда? Любовь бывает разная, даже, будучи безобразной, она притягивает.

— Любовь? Там про любовь ничего! Одни телесные утехы! Зачем это мальчику?

— Мальчику? Даниель вовсе не мальчик! Он такой...

Белла показала мне полруки, что должно было продемонстрировать успехи Дани в сексе.

— Белла, ты — урод! Я уезжаю отсюда вместе с Даниелем, ищу Сару и расторгаю все эти дурацкие договоренности. Я сыт ими по горло.

Я двинулся было к выходу из кухни, в тот момент я был действительно готов разорвать все договоренности. Оказывается, Сара сама составляла это пособие, старая развратница! Они вместе с Беллой мучили несчастного больного пацана! Осталось только представить себе, зачем они это делали, а после этого можно было возненавидеть любую женщину, старая ли она или молодая, женщина как существо стала мне ненавистна. Сара! Кто? Сара! Сара, которую я считал почти святой! Слезы готовы были вылиться из моих глаз, но мне не хотелось, чтобы Белла видела эти мгновения моего отчаяния. Я всхлипнул.

— Успокойтесь, Рим! Придите в себя! Ничего ужасного не произошло! — интонации Беллы были холодны.

Я хотел поймать и пристыдить свою помощницу. А узнал столько грязи о Саре, потерял самообладание в присутствии этой её сообщницы. Мне было жаль себя, жаль Даню, я потерялся в обстоятельствах, они душили меня и не давали трезво мыслить. Одно мне сейчас было понятно, я очень, по совершенно для меня непонятной причине, привязался к Даниелю, и, спасая его, спасал себя.

Я стоял в дверном проеме и прятал лицо в ладонях. Я не хотел слушать Беллу, но постепенно, по мере того как она монотонно рассказывала, я успокаивался и слушал.

— Сара очень хочет продлить свой род, но единственный её внук на это неспособен. Она так думала, пока не застала Даниеля с Тамарой. Вы же помните Тамару? Сара пришла домой, а они голые лежат в постели. Тамара была изгнана из дома и вскоре её убили. Но Сара, благодаря этой потаскушке, поняла, что Даниель — мужик, что он может спать с женщиной, а значит, может сделать ей наследников. Она съездила к какому-то там генетику и ей сказали, что в девяноста процентах случаев это будет ребенок без отклонений, несмотря на то, что его биологический отец аут. Интеллект ребенку в большей степени передается от матери. Саре посоветовали не тянуть с этим делом, чем моложе отец и мать наследника, тем лучше. Сара стала искать здоровых, красивых, умных девушек, которые бы могли жить с её внуком. Но, несмотря на деньги и шикарные условия, таких дур почти не нашлось. Почти! Несколько все-таки согласились. Но дело встало из-за Дани. Он не смог с ними ничего сделать, у него орган его детородный висел как тряпочка. И он вообще не понимал, что от него хотят. Тогда Сара купила ему таблеток для потенции, и он чуть не умер, умора была страшная, как этот дурачок метался по дому без штанов. Сара занялась половым воспитанием внука, она решила, что нужно сделать

всё возможное, чтобы он «дозрел», что до этого она развивала не тот навык, теперь ей нужен был секс. В доме появились разные книжки, журналы, дорогие проститутки. Эта вот зеленая книжица — одна из таких пособий.

Я стоял в проходе, слушал излияния Беллы и старался представить свою роль в этой вакханалии.

— А я ей зачем? — задал я вопрос, который вертелся у меня на языке с самого начала откровенного разговора.

— Она отчаялась, она не понимает, что делал Даниель в постели с Тамарой. Тамара открыла Саре глаза на внука, а сама закрыла, унеся свою тайну в могилу.

— А я ей зачем? — опять задал я свой вопрос, потому что объяснение про Тамару тут было совершенно ни при чем.

— Сара надеется на вас как на мужчину, что вы научите Даню, как сделать ребенка.

— Правда? А я собирался устраивать его на работу, у него же математический гений... Сара, что, не могла мне сама рассказать про свои планы?

— Она старый, консервативный человек. Как вы думаете, зачем были нужны все эти её болезни, которые она перед вами изображала?

— А она изображала? — удивился я. — Мне казалось, что всё натурально.

— Как бы не так! — Белла мне заговорщицки подмигнула. — Она старая лиса, знает, как кого склонить к нужному поступку. По договору я — ваша помощница, но помогать будете вы мне, а не я вам, потому что я — будущая мать ребенка Даниеля.

Я просто онемел. Какие хитроумные ходы! Какая Сара молодец! Как всё придумала! Одного я всё же никак не понимал, зачем в этой всей истории я? Мне просто хотелось блевать от Беллы, от Сары, от этих всех историй. Я решил уехать, узнать, зачем я понадобился Саре, и уехать. Даже Даниель после всех этих рассказов казался мне исчадием ада.

— А почему именно я стал такой кандидатурой для Сары, объясни мне, я не понимаю, — спросил я Беллу, хотя ответ на мой вопрос «Зачем?» она уже вроде бы дала.

— Вы же — педик? — потупив глаза, задала свой нескромный вопрос Белла.

— Кто? — оскорбления и копание в моей личной жизни никак не входили в договор с Сарой.

— Сара сказала, что вы — педик, то есть — гомик, ну, гомосексуалист, — заикаясь, выговорила Белла.

— А может, я — зоофил? А может, я — фетишист? — заорал я на Беллу. — Вам откуда знать?

— Сара знает всё, — интимно прошептала мне моя помощница. — Она считает, что Даниель тоже гомосексуальные наклонности имеет и вы можете на него повлиять.

— Как? — вопрос я задал скорее по инерции, а не от любопытства.

— Ну, мы устроим секс втроем, такой маленький праздник плоти. Всё ради ребенка, — деловито добавила она, стараясь прикрыть непотребство благой целью. — Он повторит то, что сделаете вы, вы ему покажете, как надо.

— А если он всё равно не сможет? — мне было понятно, что у Даниеля какая-то дисфункция. — Вдруг ничего не поможет?

— Ну, тогда вы меня оплодотворите, — почти застенчиво предложила Белла.

— Я?

— Сара будет делать генетический анализ ребенка, чтобы убедиться, что отец ребенка — Даниель. А вы — его родственник, таким образом всё подтвердится, и старуха успокоится.

— Белла, я не родственник Сары, я всего лишь сын её подруги, — со вздохом облегчения оправдался я.

На какое-то мгновение мне показалось, что я нашел способ избавиться от внезапно свалившейся на меня миссии. Но следующей новостью Белла решила добить меня окончательно:

— Рим, вы — сын Сары. Сын Сары и этого её профессора Марка Волошко.

Я молчал. Я долго молчал. Я понимал, что Белле врать нет резона. Я был готов к любой правде, только не к такой.

— Поэтому ваш генетический материал будет очень даже подходящим для меня, — зачем-то продолжила Белла, хотя и так было всё понятно.

Я молчал и смотрел на Беллу. Я чувствовал, что в её словах есть ложь. Даже много лжи. Поверил я только в одно, в то, что я — сын Сары.

Я знал Сару, знал давно и хорошо. Я не верил, что она могла истязать несчастного внука, она не могла настолько выжить из ума. Бредовые идеи были ей несвойственны, она бы не стала гоняться за наследством. Именно сейчас, глядя в глаза Беллы, я понял, что все мы в беде: Сара, Даниель и я. Именно сейчас я понял выбор Сары. Именно сейчас я принял решение идти до конца и помочь крестной, если ей нужна моя помощь.

— Сара бросила меня? — спросил я Беллу, давая ей возможность зародить в моей душе ненависть к Саре и Даниелю.

И Белла постаралась, она в красках расписала мне, как крестная сдала меня в детдом, выбрав дочь Ольгу и своего профессора. Надо отдать ей должное, она была красноречива и убедительна.

Спать мы легли уже под утро. Даниель уже давно спал на диване, зажав в кулаке конфетный пакетик. Я пристроился рядом. Понятно, что сон ко мне не шел, я вспоминал свою жизнь до института.

ЖИТИЕ ПИТИРИМА

Своего раннего детства я не помнил, лишь немногие люди помнят что-то, что можно отнести к их ранним годам жизни, и то — трудно сказать, действительно ли они это помнят или же кто-то им рассказал. Но что бы я ни вспоминал, всегда в моих воспоминаниях была бабушка. А потом, уже значительно позже, появилась и Сара. Сара мною всегда воспринималась исключительно только как бабушкина подруга.

Бабушка говорила, что родился я зимой, был очень худенький и слабый. Бабушка меня всегда жалела, на свою небольшую зарплату старалась купить мне деревенский творог и сметану. На фрукты денег всегда не хватало. Поэтому изредка она покупала мне одну грушу, или одно яблоко, или один банан. Летом и осенью бабушка уезжала на электричке «в орехи и ягоды», чтобы я мог есть витамины. К зиме мне обязательно вязались и шились всякие носочки, душегреечки, тепленькие шапочки «под низ».

Я любил бабушку всем сердцем и до первого класса считал её мамой и называл тоже «мамой». А бабушка до самой своей смерти звала меня «Сыночка». Нас было двое, больше у нас никого не было.

В первом классе я узнал, что я вовсе не сын этой пожилой женщины, а внук. Об этом мне сказала учительница, да я и сам видел, что у всех ребят мамы молодые, а у меня — старая, и даже одно время стеснялся этого, пока учительница мне не объяснила, что моя мама — моя бабушка, просто она меня усыновила.

Учительница не знала, кто моя настоящая мать, и я провел много ночей без сна, переживая, что моя мать сдала меня, ненужного, в детский дом, а бабушка мне чужой человек. Однажды я поделился этим переживанием с бабушкой, и в школе был большой скандал. Бабушкина подруга Сара работала в школе учительницей и, узнав о моих переживаниях, устроила молодой коллеге травлю, да такую, что той пришлось сменить школу. После этого случая бабушка стала настаивать, чтобы я называл её «на людях» бабушкой, а дома — как хочу.

Тогда же я и узнал, что родила меня бабушкина дочь Татьяна неизвестно от кого. Мать родила меня в тюрьме, где отбывала срок за убийство своего сожителя, и отказалась от меня. Бабушку известили из Дома малютки, и она меня усыновила. Ей было тяжело, но она сделала это. Она не хотела быть моим опекуном, а только матерью. Как матери государство ей не помогало, и она растила меня сначала на свою небольшую зарплату школьного техперсонала, а потом, когда я закончил школу и поступил в институт, разделяла со мной свою маленькую пенсию. Мать свою я так никогда и не увидел, она еще дважды сидела в тюрьме по каким-то тяжким статьям, там и умерла, когда я учился в выпускном классе. Еще у бабушки был сын Олег, он тоже был рецидивистом, но изредка, после очередной отсидки, появлялся в бабушкиных комнатах. Его руки были татуированы, он курил гашиш, пил и постоянно сплевывал на пол. Как-то после очередного плевка на чистый пол, который я только помыл, я обозвал его верблюдом, а он сказал, что я — шмарамойка и разбил мне рот. Я подозреваю, что бабушкин сын еще как-то и надругался над моим детским телом, только я этого ужаса совсем не помнил. Но бабушка и Сара изредка говорили про какую-то мою детскую травму и жалели меня, ругали Олега, повзрослев, я понял, что было в моей судьбе что-то такое нехорошее, и большим счастьем для меня стала моя забывчивость. Мы с бабушкой жили в коммунальной квартире, у нас было две

комнаты. Когда появлялся бабушкин сын, мы жили в одной комнате, а он — в другой. Днем я был в школе или во дворе с друзьями, а вечером мы с бабушкой погромче включали сериал, чтобы неслышно было, как в соседней комнате «живет» мой дядька. А потом и дядьки не стало. Однажды он не вернулся из тюрьмы, а поехал к какой-то своей заочной жене и, не доехав, утонул в реке. Бабушка плакала, но после смерти дядьки наше существование ничем не омрачалось.

Да, бабушка была плохой матерью, а её муж был никудашным отцом, к тому же рано умер. Бабушка не умела командовать, поучать, лезть в чужие дела, она умела только работать. Бабушка всегда была при деле, и на работе, и дома. Воспитывала бабушкиных детей улица, они и выросли такими вот, чужими. Поэтому в воспитание меня были вложены большие силы. Я не гулял допоздна, с плохими компаниями не водился, бабушка и Сара следили за моей учебой и поведением в четыре глаза. У меня никогда не было дорогой одежды или крутого телефона, я не отдыхал на юге, на нашем столе не было гастрономических изысков, но я знал, что обо мне заботятся и меня любят. А это дорогого стоило.

Был во мне и изъян. Как же без этого! Подозреваю, что именно своим женским воспитанием и любовью моя бабушка навредила мне. Сара постоянно упрекала бабушку, что я расту слишком женственным. В школе меня дразнили «голубком», а я охотно подыгрывал: ходил семенящей походкой, жеманничал, дружил только с девчонками, часто плакал и вел долгие разговоры по душам с одноклассницами. К тому же я любил готовить, умел стирать, мыть посуду и пол. В общем, вел себя немужественно, с традиционной «пацанячьей» точки зрения. Я всегда мог отличить красивое и незаурядное от обыденного и привычного. Если какая-то учительница приходила в школу в новом красивом платье или с необычным украшением, то я всегда замечал это и делал ей комплимент. Комплиментов

я знал целую кучу, специально их разыскивал в интернете и старался запомнить. Все мои знакомые подружки считали меня специалистом в женской красоте, но ни одна ни разу не назвала меня ценителем. Однажды в школе появился новый учитель физкультуры, он же вел уроки ОБЖ, так вот он поколебал мои жизненные устои. Сначала я обиделся на него, даже разозлился, но со временем я понял, что он прав. Его жизненный опыт помог мне сформироваться как личности, хотя прозвище Голубок меня преследовало долго, даже когда в первые годы я работал в школе, кое-кто нет да вспоминал меня этим словом. Физрук подозревал меня после уроков, он стоял в общем коридоре и наблюдал за порядком в раздевалке. Нас никто не слышал, школьники были рады свободе и поскорее хотели вырваться из школы, так что разговор получился весьма интимным.

— Посмотри на них, — он кивнул на толпу у гардероба, — на кого они похожи?

Я пожал плечами, потому что не ожидал, что он начнет говорить обо мне. К тому же я всегда считал физруков и обещников учителями второго, если не третьего, эшелона, они воспринимаются учениками не больше картины на стене или вешалки в раздевалке.

— На детей, которые торопятся домой, — ответил я, не особо раздумывая над целью его вопроса.

Физрук посмотрел на меня презрительно, как если бы его умственные способности были выше моих:

— И всё? Ничего не замечаешь?

— Нет. А должен?

— Должен, если хочешь быть как все.

Эти его слова про «как все» задели меня. Надо знать подростков, они только и думают о том, как выделиться из массы. А тут вдруг советы про «как все»! Но он, вероятно, считал, что я просто мечтаю быть как все. И как в воду глядел! Я уже порядком подустал корчить из себя кисейную барышню, и прозвище стало

коробить мои чувства. Но признаваться очень не хотелось. Марку надо было держать до победного конца. Я фыркнул, задрал кверху голову и, дождавшись, пока толпа в раздевалке несколько поредеет, отправился в гардероб. Из гардероба я вышел, когда в коридоре уже никого не осталось, лишь озабоченная техничка скребла пол шваброй. Физрук поджидал меня у выхода из школы. Похоже, он считал, что разговор надо обязательно завершить.

— И охота тебе быть потехой для дураков? Я же знаю, что ты не гомик, — он вопросительно смотрел на меня, — ты не гомик, потому что ты сам еще не знаешь, кто ты. Я прав?

Он молчал. Я согласно кивнул головой.

— Я не специально, просто так получается, — я виновато смотрел на дверь, желая поскорее закончить этот щекотливый разговор.

— Вот. Я хочу тебе дать совет. Он не полезный, может быть, но и не вредный, это точно. — Физрук значительно кашлянул, я понял, что он акцентирует мое внимание. — В нашем обществе мужчины не виляют задом, не замазывают прыщи кремом, не бреют подмышек и не носят розовых носков. Такое уж у нас общество, оно не ценит слюнтяев. Понимаешь? Посмотри на любой коллектив, он истребляет непохожих. Ты хочешь, чтобы тебя истребили?

Я молчал. Нет, я не думал про общество и истребление непохожих, я пытался угадать, заказали ли меня Сара и бабушка или, может, другие школьные учителя. А может, это он по собственному почину решил меня воспитывать?

— Так ты хочешь? — повторил он свой вопрос.

Я мотнул головой:

— Нет, конечно, не хочу.

Сказал я это так не потому, что проникся проблемой, а чтобы избавиться от назойливых воспитательных бесед.

— Не хочу. Только как быть, если уже ничего не изменить? Все знают меня такого, в их глазах я не могу быть другим.

— Нет ничего, что нельзя бы было исправить. Не выделяйся! И люди простят тебе твои чудачества, а пройдет еще время, и они совсем забудут про них. Они потеряют к тебе интерес. Скандалы хороши, только когда интересны. Нет интереса — нет скандала. Не скандайся, мужик!

Физрук своей походкой настоящего мужика прошел мимо меня, будто у него были какие-то другие дела. Больше к этому разговору он никогда не возвращался. Будучи военным в отставке, он скоро оставил работу в школе. Но его совет был мною осмыслен и часто впоследствии выручал меня из разных неоднозначных ситуаций. Было время, я почти каждый день говорил себе: «Не скандайся, мужик!». И мои проблемы уходили, люди переставали видеть во мне манерного парнишу, а воспринимали вполне серьезно. Я научился вести себя вполне достойно, не чваниться, не выносить свои убеждения на витрину.

Я любил женщин, хотя и сомневался в себе. Бабушка все-таки испортила меня, меня всегда влекли женщины постарше, те, что умели готовить вкусные обеды, те, что проверяли, надел ли я душегрейку под куртку. В студенческие годы я даже жил с одной такой, деля не только кров, но и постель. И мне всё нравилось, всё устраивало. Но однажды я влюбился в девочку. Она была первокурсницей и совсем меня не замечала. С этого момента в моей жизни наступил чистый лист. А произошло это потому, что я не был ей интересен. Я не мог ей ничего предложить. Я даже не мог купить ей цветы по причине своей невыносимой бедности: бабушка и стипендия могли меня только прокормить, и то не слишком сытно, на излишества денег совсем не было. Ах, если бы в тот момент в моей жизни появилась Сара, она бы была как раз кстати. Я был уверен, что моя жизнь тогда могла бы стать другой, а я — другим. Я начал искать работу и нашел её в модельном агентстве. В выходные нужно было демонстрировать одежду для мужчин на разных площадках. Я был высок и худ, но не по причине своего отличного телосложения,

а от постоянного недоедания и студенческого недосыпа в шумной общаге. Работа была нетрудной, денежной, и мне стало нравиться быть манекенщиком. Меня всё чаще и чаще стали приглашать на показы, я стал дарить Рите, так звали мою первокурсницу, не только букеты, но даже сумел скопить на золотые дамские часики. Рита смеялась надо мной, она принимала мои подношения, но наши отношения с дружеских посиделок в любовную сторону всё никак не сдвигались. Я переживал, искал в себе изъяны, а потом она мне сказала, что выходит замуж за парня из политеха, а я навсегда останусь её лучшим другом. Это известие поразило меня, я смотрел на предмет своей страсти, и казалось, что дыхание уже никогда не станет ровным, рыдания, самые настоящие отчаянные рыдания были готовы вырваться из моей груди. Но я мужественно молчал, только одна фраза пульсировала, не переставая, в моей горячей голове: «Не скандайся, мужик!».

Мои переживания казались мне бесконечными. Проснувшись утром, я думал о Рите, засыпал с мыслями о ней же. Во сне ко мне приходила только она, и счастливые воспоминания вызывали у меня только её духи. Я обходил стороной цветочные магазинчики, потому что боялся купить букет и отправиться к ней ползать на коленях. Я хотел бросить учебу в педагогическом, и только несчастное лицо бабушки и невиданное оскорбление чувств крестной смогли заставить меня вернуться к учебе.

Я продолжал ходить на показы. Это отвлекало меня от мыслей о Рите.

И однажды я попался. Администратор показов отвел меня в сторону и прошептал, что меня приглашают на закрытый показ. Я был погружен в собственные невеселые мысли и совершенно не обратил внимания на слово «закрытый», точнее, обратил, но решил, что это показ для каких-то избранных людей. Если бы в моей жизни всё было хорошо, то я вряд ли бы согласился на что-то подобное, но неприятности делают нас

нечувствительными к внешним факторам. Мне всегда претило вспоминать, что было на этом показе. Самым неприятным для меня оказалось то, что произошло со мной после. Оказалось, что какой-то гость «снял» меня, то есть меня купили на два часа для оказания интим-услуг. Бармен отвел меня в кабинет, где за столом сидело человек десять мужиков, которые собирались меня иметь «во все тяжкие», а спасительная дверь была закрыта на ключ. Я попятился к двери. Вся жизнь моя мгновенно пронеслась у меня перед глазами: от бабушкиной колыбельной и вязаных носочков к зиме до прекрасных пухлых губ недотроги Риты. Что говорить, я вовремя вспомнил про «Не скандайся, мужик!» и выбил закрытую дверь. Это произошло как-то разом, как-то просто, почти против моей воли. Лишь спустя какое-то время я обнаружил себя шагающим по улице в одних модельных трусах, розовых носках и дорогих туфлях. Ноги сами принесли меня к дому Риты. Стоя в ночи на зимней улице в одних трусах, я почти молился на окна первокурсницы. Я загадал, что если в окне загорится свет, то я поднимусь в её квартиру. Но была ночь, и первокурсница спала в своей теплой постельке рядом с законным мужем и даже не подозревала, что я молюсь на её окна. Не помню, сколько времени я простоял на морозе. Потом было отделение милиции, острый бронхит и пересдача сессии. Этого было достаточно. Помогло чудесным образом. Прошла и любовь, и вся остальная дурь. На показы я больше не ходил, но меня и не звали. Вскоре не стало бабушки, я вернулся в свой Мышьегорск и стал работать в школе.

Всё это было до второго пришествия Сары. Я мог по пальцам пересчитать, когда в моей жизни появлялась Сара. Хотя она вроде бы и была, но её существование просто проходило через мою такую непутевую короткую жизнь. Я не помнил какого-то особого отношения к себе с её стороны. У нас не было общих воспоминаний, кроме тех, что связаны с бабушкой. Я засомневался в правдивости слов Беллы. Не могла Сара быть моей матерью!

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Заснул я только под утро. Даниель стал ворочаться, предчувствуя скорое пробуждение, мне же, наоборот, смертельно хотелось спать. Веки налились сонной тяжестью, я погрузился в глубокий сон.

Проснулся я оттого, что замерз. Балконная дверь была открыта, и холодный воздух раздувал тюль. Я вскочил быстрее, чем осознал, что нужно вскочить. Еще в полусне я испугался за Даню, мне показалось, что это он открыл балкон и пропал. Пропасть он мог, только упав вниз. Но ничего страшного не произошло. Даня, как и вчера стоял в углу, засунув нос между шкафом и стеной, он ковырял известковый набел и складывал его в рот. Я закрыл балконную дверь и вспомнил, что пора кормить ребенка. В ванной текла вода, Фима на кухне готовила завтрак. Я с помятым лицом и в такой же одежде устроился на маленьком табурете возле кухонного стола.

— Доброе утро! — Серафима улыбалась.

Она нарезала сардельки в дымящиеся макароны. Я сглотнул голодную слюну и кивнул ей головой в знак приветствия.

— Балкон... — я махнул головой в сторону комнаты, где мы с Даниелем устроились, — балкон без присмотра оставлять нельзя, Даня может упасть.

Фима согласно кивнула головой:

— А я говорила Беллочке не открывать, но она всё равно открыла. Но я сказала мальчику, чтобы он не подходил к окнам.

— Фима, — укоризненно посмотрел я на домохранительницу, — Даниелю безразличны наши просьбы, он их не понимает, надо просто следить за ним и не делать ничего такого, что может его спровоцировать на рискованные и опасные поступки. Балкон — опасное место для него. В Мышьегорске он живет на земле и высоты не понимает!

Проговорив эту наставительную речь, я понял свою неправоту, ибо в истории наших взаимоотношений с мальчиком были крыша Сариного дома и веревочная лестница.

Фима примирительно кивнула головой:

— Я всё знаю!

Эта её фраза прозвучала как-то неоднозначно. Я с подозрением посмотрел на домохранительницу, но в ней не было ничего хитрого, и я не стал искать двойное дно смысла там, где его не было.

Фима накладывала мне и Дане завтрак, Белла приводила себя в порядок в ванной.

— Покушайте с Даней пока, — предложила домохранительница, — а то места за столом мало для всех, так что кушайте по очереди.

Она включила воду в раковине и громко принялась греметь кастрюльками. Я привел Даниеля, и мы приступили к трапезе. Даниель сопел и чавкал, но сейчас меня это мало интересовало, я смотрел на руку Серафимы, вытянутую в моем направлении. Рука держала какую-то белую карточку.

— Возьмите, — рука настойчиво дернулась, — сходите туда сегодня, только без Беллы. Только вы и Даня. От Беллы нужно освободиться.

Посуда загремела в раковине с новой силой.

— Как? — одними губами спросил я домохранительницу. В ответ она только непонимающе подняла плечи. Домохранительница была на моей стороне, и это бодрило и давало надежду на благополучное развитие ситуации. Я понимал, что мне

стоило опасаться, но кого и чего, я не мог никак определиться. Серафима, похоже, знала больше, чем я, но поговорить наедине мы никак не могли. Рядом всё время кто-то находился.

— Белла, — произнес я просяще, как только моя помощница закончила завтракать, — вы обещали мне пару дней свободы в благодарность за мое усердие в поезде.

Серафима еще громче загремела тарелками в мойке, делая вид, что наши разговоры ей не интересны ничуть.

— Что? Сегодня? — поморщившись, произнесла Белла. — Давайте уйдем в другую комнату, тут слишком шумно. Не будем мешать уборщице!

Все-таки Белла была снобкой, ей нравилось указывать людям на их место в её придуманной социальной иерархии.

Даня в гостиной крутил ручки старого полированного шкафа, мы уселись на диван и наблюдали за действиями нашего подопечного. Белла смотрела на меня испытующе. Я думаю, ей интересно было знать, как я переживаю вчерашнее её признание. Я усердно делал вид, что вчера ничего необычного не произошло, и все новости про Даню и себя я уже переварил.

— Вы бы позанимались с Даниелем, он вон никак не может себя ничем занять, штукатурку ест, ручки у шкафов отвинчивает, того и гляди, с балкона свалится. А тут, на минуточку, седьмой этаж! А я бы погулял, посмотрел бы на столичные красоты, сходил в музей, в кино, — развернул я свою просительную речь.

Белла серьезно меня слушала и согласно кивала головой:

— Сегодня? Сегодня — нет! Сегодня — никак! Пока вы спали, — слово «спали» она выделила голосом, будто это была какая-то моя оплошность, — звонила Сара и сказала, чтобы мы сводили Даниеля в офис.

— В какой офис? — разочарованно переспросил я, делая вид, что несколько расстроен необходимостью возиться с подопечным.

— В такой! Адрес, который у вас есть. Вы что, совсем забыли?

— Я? Я — нет! Это адрес из конверта? — дурачком прикидываться было приятно. Белла начинала нервничать и показывала свое истинное лицо. Сейчас оно у неё было растерянное. Я мог предположить, что на сегодня она запланировала свои оплодотворительные мероприятия, но крестная своими распоряжениями испортила все планы.

— Наверное, из конверта! — Белла хотела показать, что содержимое письма крестной она плохо осведомлена и знать не знает никакого адреса для посещений, а только делает то, что указываю ей я. — Сара просила собрать все документы об образовании и ходатайство о работе и обязательно сегодня явиться в офис, нас там вроде как ждут очень. И, — здесь Белла хихикнула, — она просила вас быть убедительным и рассказать руководству конторы обо всех достоинствах её внука.

Белла старательно заглядывала мне в лицо, я понимаю, что она хотела видеть какие-то видимые признаки вчерашнего откровенного разговора, но я был непроницаем. Уверенность поселилась во мне, когда я пришел к выводу, что не могу быть сыном крестной. Как бы Белла меня не убеждала, какими бы очевидными не были её аргументы, я знал Сару слишком хорошо и понимал, что она не сможет одного своего ребенка поменять на другого. Если рассуждать так, как хотелось бы Белле, то получалось, что дочь Оля и её сын Даня для крестной гораздо дороже, чем собственный сын. Сара не могла быть такой бессердечной.

— Убедили, — со вздохом протянул я, — давайте тогда так: сегодня мы идем в офис, потом я с Даней погуляю во дворе, а завтра вы меня отпустите погулять. Согласны?

Белла еще раз осмотрела меня, как некое загадочное существо, и согласилась.

До офиса ехали на метро. Адрес на карточке гласил: «*Волхонка, 18/2, Институт русского языка имени В. В. Виноградова*».

На Кропоткинской между усадьбами и доходными домами где-то скрывался этот институт. Я никак не мог взять в толк,

почему Сара отправила нас в это прибежище для филологов. По моим сведениям, Даниель должен был считать.

Я с удивлением то и дело смотрел на Беллу, но та была непроницаема и спокойно вела Даниеля за руку, как мамаша, гордая за своего отпрыска.

— Белла, а вам не кажется странным, что мы идем в институт русского языка? — наконец не выдержал я.

Белла безразлично пожала плечами:

— Как Сара сказала, так и делаем! Мне лично хоть в консерваторию. Отдуваться придется вам, а я только так, провожатый, так что переживайте сами!

Вызова в её интонации было достаточно. Я еще успел подумать, что это месть за мое утреннее молчание, она, вероятно, ожидала каких-то более бурных проявлений от меня. Но я их скрыл, и теперь она не понимала, поверил я ей или нет.

Здание института было трехэтажным белым особняком. Разглядывая фасады зданий, я понял, что есть адрес с двойкой через дробь, а есть строение два. Я был в полной растерянности. На карточке значилось дробь два, а институт находился во втором строении. Здесь была какая-то шарада. Один номер и его несколько вариаций. Умница Сара хотела мне что-то сказать этим. Но я был так непроходимо глуп, что не мог сообразить, в чем дело.

— Ну, и куда же нам идти? — недовольно протянула Белла, она тоже заметила путаницу в адресе. — Где эта карточка?

Белла вытянула руку в перчатке в требовательном жесте. Изучив написанное, она пожала плечами:

— Придется поискать!

Белла решительно вошла в белое здание, мы с Даней последовали за ней. Она была очень проворной, эта Белла. Пока мы с Даниелем боролись со входной дверью, она уже стояла перед вахтером и показывала ему визитную карточку.

— Как не знаете, чья это визитка? Нам назначено на сегодня в первой половине дня!

Белла заметно нервничала, вахтер тоже волновался.

Он куда-то позвонил, долго молчал в трубку, потом кивнул, сказал: «Хорошо!» и уставился на нас:

— Вам надо место для инвалида?

Я и Белла, конечно, пришли сюда за этим, но Даниелю этот институт вряд ли подходил. Белла напряженно смотрела на вахтера, вахтер рассматривал нашу тройцу, я также напряженно смотрел на Даниеля. Даниель думал о чем-то своем и довольно улыбался своим мыслям. Хорошо ему, наверное, в этом своем мире.

— Знаете, мы заблудились! Извините нас! — уверенно произнес я и подтолкнул улыбающегося Даниеля к выходу. Белла еще какое-то время постояла перед вахтером и последовала за нами.

Институт был удивительно тихим местом, никто не входил и не выходил из него, лишь только мы своею недружной семейкой топтались у входа.

— Сара совсем выжила из ума. Ставит нас в дурацкое положение. Какая ему работа? А? Ну, какая работа? Ты посмотри на него!

Даниель бегал по кругу. Так собака бегаёт за своим хвостом в попытках схватить его. Он издавал протяжный гул. Это была нелепая картина — молодой парень изображает невесть что в общественном месте. Но москвичи — безразличные люди, они не станут совать свой нос в чужие дела и как-то выражать отношение к происходящему. Очень уж большой город, и чудаков в нем невероятное количество. Я почему-то подумал про Василия Блаженного. Именно так себя сейчас вел мой воспитанник. Мы с Беллой растерянно смотрели на его кружение, редкие прохожие торопливо проходили мимо, и ни один из них даже взглядом не задержался на нашей компании.

— Что делать будем?

Легкие снежинки падали на нас и тут же таяли. Зима пришла и в мегаполис. Я подумал, что в Мышьегорске мог уже быть

и настоящий снег. Приближалась середина ноября. Я спросил и ждал предложений от Беллы, но она только пожала плечами. Я вспомнил, что мне нужно избавиться от провожатой и отправиться в другое место.

— Я погуляю? — спросил я легко. Так, будто говорил о чем-то будничном и само собой разумеющемся.

Белла посмотрела на меня искоса, будто хотела увидеть в моем лице некий подвох:

— Вы считаете, Рим, что сейчас самое время для прогулок?

— А я не знаю, что делать, — как можно более безразличным тоном ответил я, — смысл нашего пребывания здесь исчез. Надо ехать на родину, как думаете?

Лицо Беллы вытянулось, она, видимо, не предполагала, что придется так быстро расстаться со столицей.

— Мы здесь не понятно зачем! Болтаемся по городу, пристаем к людям с бредовыми идеями крестной, мучаемся от безделья в старой квартире.

Я хотел еще что-то добавить, но Белла перебила меня:

— Хорошо! Я позвоню Саре. Может, она мне что объяснит?

— Звоните! Прямо сейчас звоните и рассказывайте про наши мучения!

Я взял журчащего Даниеля за руку и повел вдоль фасадов старинных особняков туда, где должен был находиться вход в метро. Гневный быстрый уход мог помочь мне убежать от Беллы. Но — не помогло. Белла побежала вслед за нами:

— Рим Иванович! Я не могу сейчас звонить!

По интонациям было понятно, что моя помощница в отчаянии.

— Почему? — я изобразил тупое упрямство. — Звоните и объясняйте!

— Я не могу беспокоить её до вечера. Только вечером она разрешает мне звонить, и то — не всегда отвечает на звонки.

Да, Сара не жаловала Беллу. Я не хотел думать о хитросплетениях взаимоотношений этих двух женщин. У меня сейчас

была другая задача. И я хотел решить её, воспользовавшись растерянностью своей спутницы. Даниель продолжал изображать пса в погоне за хвостом, он крутился и вырывал свою ладонь из моей. Мне пришлось ударить его по спине и громко произнести: «Стой!». Даня остановился, но гудеть не прекратил. Я понял, что еще чуть-чуть и меня накроет невроз:

— Белла! Идите домой, а мы с Даней немного погуляем. Видите, какой он сегодня активный, он разнесет всю квартиру.

— Да, — раздумывая о чем-то, протянула Белла, — погуляйте. Только приходите домой пораньше. Надо решить, что делать дальше.

Моя помощница и спутница торопливыми шагами поспешила к метро. Мы с Даней стояли одни посреди усиливающегося снегопада. Даня продолжал гудеть и бегать вокруг меня, пока Белла не скрылась в потоке людей.

На Волхонке есть что посмотреть, куда зайти. Но с Даниелем это было абсолютно невозможно, поэтому гуляли мы вдоль улицы. Я рассматривал замысловатые окна особняков и балкончики, стараясь угадать, живут ли там простые люди, а может, там живут знаменитости, а может, там музей или библиотека. Мы зашли в кафе при Музее шоколада. Я купил Дане три маленькие разноцветные корзиночки из чего-то приторно-сладкого, а себе — маленькую чашечку кофе со сливками. В кафе навязчиво пахло шоколадом и хотелось побыстрее вдохнуть улицу и пусть и с бензиновой примесью, но — свежесть. Даниель долго возился с угощением: рассматривал, трогал, любовно крошил маленькой десертной ложечкой и довольно прихлебывал чаем. Я видел, что он абсолютно счастлив, и радовался за него. Даже его возможные туалетные проблемы отступали на второй план перед этим милым обожанием сладостей. Мне захотелось побаловать его, и перед уходом я купил ему маленькую коробочку каких-то разноцветных конфет, думая, что это доставит ему

удовольствие вечером, когда нечем будет заняться. Не всё же ему скрести известь в углу за шкафом.

Нам предстояло вернуться к институту Виноградова, потому что именно там нас ждали. Я шел, уцепившись за рукав Дани, стараясь рассмотреть в толпе фигуру Беллы, но её не было видно. Я понадеялся, что наша прогулка и сидение в кафе сбили её с толку, и она не следила за нами, а может, она и вовсе не следила. Моя напряженность сводила меня с ума, приходилось опасаться неизвестно чего, даже если было очевидно, что опасности нет. Удивительно, но Даниель вел себя вполне спокойно. Я подумал, что сладкое настроило его на благодушный лад, ведь сейчас ему, да и мне тоже, предстояло пережить очередное испытание.

Я достал из кармана пальто прямоугольник визитной карточки. Визитка была та же самая, что и у Беллы, только на ней значился некий Иван Иванович Белебей. То есть путаницы с адресом не было никакой. Только от визитки Беллы некто отрезал край, где должна была значиться фамилия человека, к которому нам следовало обратиться. Теперь меня мучило сомнение, видела ли Белла, что от визитки что-то отрезали или визитки были специально оформлены для неё и для меня разные.

Вахтер на входе улыбнулся нам и позвонил куда-то в недра здания:

— Сейчас за вами придут, подождите!

Он внимательно смотрел на меня, так, будто с лицом у меня было что-то не так.

— Мы недавно к вам заходили,— оправдался я.

— Я помню, вам надо место для инвалида. Женщина, которая была с вами, возвращалась и спрашивала про это место. Но я что ей мог сказать, если она сама ничего толком объяснить не могла? Теперь вы нашли правильную визитку, да?

— Нашли... — озабоченно протянул я.

Значит, Белла все-таки следила за мной. Я правильно поступил, отправившись гулять. И очень неплохо, что мы задержались

в кафе. Хотя я не был уверен, что сейчас до нас никому не было дела. Так, к моему неврозу и страхам стала приплетаться мания преследования. Подумав об этом, я пришел в совершеннейший ужас. Мне на какой-то момент показалось, что я стал неадекватно себя вести, мне опять как некогда до поездки в Москву захотелось вместе с Даней забыться и сыграть успокаивающую мелодию пальцами в воздухе. Я с трудом отделался от этого желания и, услышав приближающиеся шаги по коридору, повернул голову. Человек, вышедший из сумрака коридора, показался мне знакомым. Его фигура, взлохмаченный затылок и рука, отставленная в сторону, будто держит сигарету... Да, это был Иван. Муж Елены Беленькой и кладбищенский могильщик. Именно он встречал нас в центре столицы и чувствовал себя вполне уверенно.

— Здорово, Рим! — он сжал мою ладонь и притянул к себе с силой. — Сейчас действуем оперативно.

Мы схватили Даниеля под руки и поволокли его куда-то в недра здания.

ПРОЩАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ

Я стоял во дворе и, задрвав голову, смотрел на окна на седьмом этаже. Все окна светились — меня ждали.

Сегодняшний день был утомительным, он многое изменил во мне и моем существовании. Как принято говорить про такие моменты: моя жизнь уже никогда не будет прежней. Именно это происходило со мной сейчас. До сегодняшнего дня я был одинок и растерян, сейчас моя жизнь наполнилась неким смыслом. Я его еще не до конца осознавал, но он во мне вызывал восторг. Он предвещал мне теплый дом, семью и радостное существование.

Мы — я, Даниель и Иван, вышли из дверей служебного входа института на Волхонке, сели в машину и поехали. Я не знаю, какой адрес был у того высокого здания, куда мы приехали, только Иван махнул рукой куда-то назад и сказал, что там — Земляной Вал. Я совсем не ориентировался в Москве, и это сообщение для меня было лишено смысла. Мне просто хотелось остановить Ивана и задать один вопрос. Всего один — как? Но когда я попытался это сделать, Иван дал мне знак молчать, и я решил, что еще не время и надо дождаться подходящего момента.

Иван высадил нас из машины. Я и Даниель, мы стояли у здания красного камня и, подняв головы вверх, рассматривали его. Я пытался сосчитать этажи, что заинтересовало Даню, мне было неизвестно.

— Признайся, что обалдел, когда меня увидел? — Иван заговорщицки подмигнул мне. Странное дело, но и в робе могильщика, и в офисном костюме он выглядел очень органично.

— Обалдел, — я был немногословен. И опять поразился тому, как последние события научили меня держать удар.

— Хорошо притворяешься, хорошо, — Иван захихикал. — А как Белла с Сашей отпустили вас одних?

— Саша в Москве? — я совсем не удивился, потому что ждал этого известия. Белла странно вела себя перед отъездом, в поезде нас бросила. Уже в Москве по её довольному лицу я прочитал это. Мысль о Саше как пришла, так и пропала, необходимости вспоминать о нем не было.

— А как же, как же без него?

— Да, без него никак! Знаешь, Белла пыталась пристроить его к нам в квартиру. Но я Сашу не переносу еще с детских лет... — я замялся, мне не хотелось рассказывать Ивану, что в школе меня считали чудаком, а Саша всегда ходил в фаворитах, даже вон Сара, и та души в нем не чаёт, а меня только не называет дурачком. — Уговора такого не было. Я бы и от Беллы избавился с превеликим удовольствием.

— Ну, понятно. Понятно, что ты, бедняга, совсем измучился.

Я подхватил Даниеля под руку, и мы вошли в здание. Иван шел впереди, мы следовали за ним. Лифт. Даниель от бесшумного подъема вверх стал чуть слышно подвывать, но я ткнул его в ключицу и прошептал: «Хорошо! Всё хорошо!». Лифт толкнулся и двери бесшумно раздвинулись. Перед нами был светлый холл. Запах кофе и женских духов привел меня в бодрое расположение духа:

— Мы где?

Иван удивленно посмотрел на меня.

— Здесь Даниель будет работать. А ты что, разве не за этим сюда приехал? Теперь ты или Белла будете каждое утро доставлять его сюда и помогать ему.

— Каждое утро, — у меня от этого сообщения заболела голова.

Значит, Даниель будет вносить свой вклад в развитие общества, а я буду при нем мучиться. Я подумал, что надо будет устанавливать график, но спросил совсем про другое:

— А что это за компания?

— «Технар». Одна семейная компания, — на слове «семейная» Иван сделал ударение, и я подумал, что, вероятно, это компания Сары.

— А что он тут будет делать? — я хотел добавить, что мы с Беллой считаем его необучаемым. Но тут пришел какой-то парень и увел Даню. Даниель спокойно шел за ним, будто понимал, что так надо. Иван тоже проводил взглядом Сариного внука и вздохнул: «По кофе?». Я согласно кивнул.

Мы сидели одни в каком-то маленьком помещении, похожем на кухню. Иван курил и пил кофе. Я просто глотал горячий напиток и почти не ощущал его вкуса. Так многое мне хотелось спросить у Ивана, но я не был уверен, что могу говорить об этом здесь.

— Ты думаешь, Даниель способен работать? — спросил я наконец.

Иван повернулся ко мне и оценивающе посмотрел, будто сомневался в моих способностях. Так он смотрел на меня, когда мы встретились с ним на кладбище. Но тогда я решил, что он оценивает, насколько мне можно доверять. Я мог и ошибаться, но Иван почему-то сомневался во мне. Или не во мне, а в ситуации? Но в любом случае нужно было говорить о чем-то, если говорить о важном запрещалось.

— Ты еще не знаешь Даню, — поучительно сказал Иван.

Я недовольно передернул ртом:

— Знаю. По крайней мере, могу судить о его способностях. Не забывай, что...

Я не успел закончить. В комнату вошел молодой человек и сел напротив меня. Просто сел. Он ничего не говорил, не наливал себе кофе, не искал зажигалку, не спрашивал, кто я. Он просто сел и смотрел. Кофе ударил мне в голову. Иван закурил вторую сигарету. Лицо парня мне показалось знакомым. Я встал со стула и пересел на диван. Парень со знакомым лицом потер подбородок. Пауза затянулась.

— Ну, Рим, ты ничего не хочешь мне сказать? — хрипло спросил Иван. Волновался он что ли?

— Хочу, и многое хочу, но не уверен, о том ли ты меня спрашиваешь?

Опять повисла тишина. Было слышно, как в офисе звонит телефон, кофейный автомат шипел, с улицы в открытую форточку лился шум машин. Я подумал, что в Мышьегорске очень тихо, особенно по утрам, и испытал нечто похожее на тоску по родным местам, где всё незатейливо, но привычно.

— Знакомься, Рим, это твой брат, Марсель.

Иван затушил сигарету в пепельнице и достал новую. Я молчал. Парень тоже молчал. Между нами повисла та тишина, которую принято называть неловкой. Иван сделал затяжку:

— Что же ты, Рим, обними своего единоутробного брата-близнеца Марсея! Рим и Марсель! Обалдеть, так назвать детей!

Иван засмеялся.

— Рим, ты видишь этого молодого человека? Видишь же? Ну? — он наклонился, пытаюсь заглянуть в мое мрачное лицо. — Рим, я нашел тебе брата!

Иван паясничал, но лицо пришедшего человека, его фигура, рост были похожи на мои. Я сразу это понял, как только увидел его, но мой мозг отказывался верить в это. Еще до того, как Иван произнес слова про брата, я интуитивно понял, что вошел мой родственник.

— Почему ты называешь нас братьями? — хмуро спросил я.

— Потому называю, — Иван изобразил секундные раздумья, — называю потому, что вы похожи!

Иван захохотал, он выглядел вообще очень восторженно, похоже, что эта ситуация очень забавляла его.

— Знаете, ребята, я, осознав, что вы родственники, вспомнил своего отца и его рассказ про учительницу-чертовку, одну во многих лицах, понял, что Сара — страшный человек. Она плетет сети и опутывает ими каждого, кто приподнимет

хотя бы краешек узорного кружева. Я поднял больше, чем просто уголок, я готов сорвать всё, только не знаю, зачем мне это, если даже вам самим, людям, которых это непосредственно касается, всё равно.

Марсель откашлялся, и я услышал свой голос:

— Да мало ли на свете похожих людей?

Я только успел подумать об этом, а Марсель уже говорил:

— Про брата-близнеца было слишком. Хотя я готов поверить в то, что мы какие-нибудь родственники.

— Ха! Да вы себя видели? Я, когда первый раз увидел Рима, подумал, что Марсель явился в Мышьегорск. А когда Мирра сказала, что Рим — учитель математики в школе, я кое-что понял про Сару. У неё в роду генетическая мутация — многоплодная беременность, никак иначе.

Иван схватил меня и Марсея за рукав и потащил к зеркалу у окна. Да, сходство было на лицо! Только я был более усталым, запущенным что ли, моя рука поскребла небритый подбородок. Говорят, что люди в деревне стареют быстрее, чем горожане. Теперь я увидел убедительное подтверждение этому. Рядом с моим лицом стояло идентичное, две пары глаз напряженно вглядывались друг в друга, две пары губ были сомнительно поджаты.

— Иван, я хочу увидеть Сару! — в тишине произнес Марсель. И я опять удивился тому, что он высказал мою мысль. Я только открыл рот, чтобы сказать это, а мой двойник уже произнес нужные слова.

— Да, мы все хотим видеть Сару. Но её нет. Она пропала, — вздохнул Иван. — Надо ждать.

— Пропала? Она же на лечении в Чите? — я удивился, что Иван не знает про больницу.

— Нет её в больнице, нет дома, нет нигде, где она могла бы быть, — в задумчивости протянул он. — Но она должна объявиться, я уверен. Дела еще не сделаны.

В комнате повисла тишина. Марсель смотрел в окно. Иван размышлял о чем-то, сидя на ручке дивана и рассматривая носы своих ботинок. Я бродил вокруг дивана.

— Вы бы обнялись хоть что ли, — предложил Иван.

Но мы только удивленно посмотрели на него. Трудно так вот за раз осознать и решиться. Мне требовалось подтверждение от крестной, Марсель, можно предположить, тоже недоумевал.

— Иван, удивительное дело, Белла сегодня утром сказала мне, что я сын Сары, — кстати вспомнил я.

— И?

— И я не поверил ей! Сара не могла!

— Откуда тебе знать, что она могла? Сара, она... — казалось, Иван и сам затрудняется описать феномен Сары. — Она — малоизученная. Но малоизученная лишь потому, что никто не давал себе труда сделать это. А теперь вам придется. Вы оба — её семья. Вам придется.

Я вздохнул. Марсель тоже посмотрел на меня обреченно. Мы пожали друг другу руки. Не знаю, о чем там думал Марсель, но теплая радость разлилась и потекла по моим жилам. Я вновь обретал семью.

Иван отвез меня и Даниеля к метро, нам надо было вернуться домой тем же образом, каким и уходили. Ненужные волнения Беллы нам были ни к чему. Даниель был очень спокоен и послушен. Я открыл дверь своим ключом. В доме была Фима и Белла, они накрывали стол к ужину. Я вдохнул густой аромат из кухни — жарили курицу. Отчаянно хотелось есть, но у меня были другие планы. Иван ждал меня в кофейне у Музея шоколада, он обещал мне рассказать о том, что нарыл. Удивительный человек, я недоумевал, зачем ему это надо.

— Белла, я не буду ужинать! — Серафима и Белла смотрели на меня с удивлением. — Я пойду гулять. Мы же с тобой договаривались.

На лице Беллы было написано, что она уже жалеет о данном мне обещании.

— Но... — растерянно протянула Белла. Она подыскивала аргументы, вероятно, сегодня ей требовалось мое присутствие, это было понятно по шикарному ужину.

Но я был тверд:

— Возьмите Даню. Я его сегодня весь день развлекал!

Я стянул с Даниеля пальто. Тот посмотрел на меня почти осмысленным взглядом, в котором проскальзывало нечто похожее на мольбу. Но мне было некогда разбираться в этом. Я просто вручил ему коробочку сладостей из кофейни и громко крикнул:

— Я ушел!

— Обещайте ночевать дома! — прозвучал мне вслед истеричный голос Беллы.

— Обещаю! — крикнул я в приоткрытую дверь и с шумом сбежал по лестнице.

Я оставлял Даню в компании Беллы и Серафимы, думая, что с ним ничего не случится.

Иван, как и обещал, ждал меня в кафе. Он сидел в углу зала и рассматривал входящих и выходящих людей. Меня он увидел сразу и махнул рукой. Но я только помотал головой, мне не хотелось весь вечер вдыхать удушливый шоколад, разбавленный запахами арабики и робусты. Удивительно, как преобразился могильщик. Еще несколько недель назад я бы не признал в нем столичного жителя, который ходит в кафе и работает в институте. И дело тут было не во внешнем виде. Внешность его мало изменилась, просто она стала восприниматься по-другому в других интерьерах. Теперь он был похож не на работягу, а на интеллигента, которого не слишком заботит собственная внешность.

Он шел ко мне, и чем ближе становился, тем больше я ему верил. У этого человека была понятная мне, располагающая внешность, доброе лицо, умные глаза и трудовые руки. Я решил, что заставляю себя верить Ивану. Больше никому верить было

нельзя. Даже бабушка, по всей вероятности, лгала мне всю мою жизнь.

— Я хочу жареную курицу! — прошептал я Ивану.

Тот удивленно поднял брови:

— Весь день не ел?

Я утвердительно кивнул головой.

Мы сели в машину и поехали куда-то.

— Это поблизости от твоего дома, чтобы добраться было быстрее, — пояснил Иван.

Кафе было тихим, посетителей почти не было. Мы заказали курицу и красное вино. Иван курил. Неловкая пауза повисла между нами. Я не знал о чем спросить вначале, он, мне кажется, соображал, с чего лучше начать.

— Давай поедим, а потом погуляем, — предложил я. Мне было неприятно, что наш не совсем обычный разговор мог кто-то услышать здесь, в этом кафе. Кто знает, кто сидит за соседним столиком?

— Не бойся, — раскусил меня Иван, — обычно людям дела нет до твоей жизни. Расслабься, это тебе не Мышьегорск, где все про всех знают. Столица...

— Я чувствую себя в безопасности на улице, — прошептал я, озираясь по сторонам.

— Ну, ты и сексот! — засмеялся Иван.

В разговорах ни о чем мы съели курицу и выпили вино. Странное дело, но то ли от переживаний, то ли вино было таким хорошим, но я совсем не захмелел, как со мной это происходило обычно. На улице было темно и тихо — кафе находилось во дворах, и уличный шум почти не долетал сюда.

— Гуляем в другую сторону! — предупредил Иван.

Я согласился. Понемногу я привыкал мыслить безопасно, на предупреждение.

— Я в этой истории человек посторонний, так сказать, если бы не жена, — начал свой рассказ Иван. — Мне ничего не надо.

И не потому, что я бескорыстен, а потому, что никакой выгоды для меня тут нет. Я — случайный побочный продукт стечения обстоятельств, так сказать. Моя жизнь была размеренной. Я — ученый. Сам видел — Институт русского языка и прочее. Короче, жениться никак не мог, хотя работал в таком рассаднике женщин-филологов. Профессия не для мужчины, конечно, но я с детства книжки любил. У меня тоже причудливая семья — одна мать и больше никого, но мне и не надо было. Но мать твердо решила, что ей нужны внуки и женила меня на простой девушке из глубинки, на Елене Пеговой. Елена работала медсестрой в санатории, куда я отправил мать подлечиться. С этого всё началось. Через год Елена родила мне близнецов — Еремея и Фому. А потом мы поехали в этот твой Мышьегорск. Там я просто осатанел! Нет, я, конечно, знал, что близнецы — явление, которое может наследоваться. Но чтобы так! Короче мать Елены — алкоголичка, такая горькая-горькая пьяница. Но дело не в этом. Дело в том, что у них в семье все близнецы, да мало того, эти пары близнецов очень похожи между собой. Вот этот страх овладел мной, я приходил в себя где-то полгода. Потом привык. Свою заставил сделать татуху, чтобы, не дай Бог, не перепутать! Короче, их три пары: моя Елена и Вера, мать Мирры; Светлана и Анастасия, и Тамара. Тамара потеряла свою близняшку, Рита утонула в раннем детстве в бочке с капустным рассолом, захлебнулась, недоглядела пьяная мать. Еще, говорят, были близнецы, но куда-то пропали. Ольга их, наверное, в роддоме оставляла. А мальчишки-близнецы еще были, Ольга их очень любила, но они в десять лет утонули в реке. После этого Ольга бросила детей матери мужа и дома появлялась редко. Кстати, ты её знаешь, это Олька-алкашка из твоего дома.

Странно, но я никогда не видел сходства между тетей Олей Невструйло и крестной Сарой. Впрочем, я никогда не рассматривал её лица, а тяжелая жизнь могла сделать её внешность иной. Но как бы то ни было на самом деле, я верил Ивану.

Кроме той истории с отцом, который обнаружил похожих женщин во дворе у Сары. На мой вопрос Иван рассмеялся:

— А ты мне поверил, да? Но мне же нужна была легенда. А историю эту рассказал мне старый кладбищенский сторож, он же и могилы показал, оставалось только найти их в книге учета. Так что легенда правдивая.

— А как же Сарины сестры? Она мне говорила, что сирота.

— Сирота? А, да, точно! Сирота официально, а на деле у неё огромная семья. Она, видимо, так хотела, чтобы ты ей верил, но ничего до конца не рассказала. Ей же надо было вернуть тебя в семью, а ты человек сердечный, пожалел бедную крестную. Про семью мне совсем недавно рассказала Вера, мать Мирры, после того, как Тамарка пропала. Сразу после интерната Сара стала разыскивать свою семью. У неё была вещь, на которую она возлагала все свои надежды. Красное одеяло с оленями. Сара два года каждое лето методично объезжала все селения между Козельщиной и Кобеляками. В Пейловке, маленьком селе, она нашла женщину, которая признала одеяло и указала на дом, где жили эти люди. В этом доме она и нашла своих сестер: близняшек Ульяну и Харитину, а еще была Хельга, позже она стала Ольгой, однойцевая сестра Сары. Девушки жили очень бедно, их отца арестовали, потому что во время войны он был полицаем. Замуж их никто не брал, в селе сторонились, работу в колхозе они тоже получить не могли, так что жили только тем, что выращивали в огороде. По сравнению с Сарой, их жизнь была ужасной, даже еще более ужасной, чем могла она себе представить. Сара забрала сестер в Мышьегорск. Ульяна и Харитина были бездетными. А Ольга очень даже размножилась. Даже мне досталось.

Иван смеялся. Мне было совсем не смешно.

— Слушай, а почему Сара оказалась отдельно от сестер?

— Я до конца не выяснил, но Вера говорит, что отец её отдал. Мать близняшек умерла родами, от которых появилась на свет

Хельга и Сара. Сара была слабая, и повитуха сказала, что она всё равно умрет. Тогда отец отдал Сару соседской бедной семье, а в придачу дал еще продуктов и одежду, чтобы, значит, самому не маяться с умирающим ребенком. Сара должна была умереть, но не умерла. А потом крестьянка продала её приемным родителям Марку и Захаве. Красное одеяло оказалось счастливым. Вера сказала, что Сара хранит его до сих пор. Правда, есть еще три таких же, у каждой из сестер по красному одеялу с оленями было. Кстати, родная семья Сары кулацкая была. Сестры всю жизнь скрывали свое происхождение. Ульяна и Харитина ушли рано: болезнь у них была одна на двоих. Что-то по-женски, сказала Вера, потому и детей после них не осталось.

— А Сара? Что с Сарой? — с волнением спросил я.

— С Сарой вопрос я выяснил еще не до конца. Сестры, если что-то и знают, то молчат упорно, даже моя собственная жена ни разу не проговорились. Думаю, что Сара сама всё расскажет. Должна рассказать.

— А как ты вышел на Марсея?

— Следил за Сарой, — ответил Иван. Его, похоже, не смущал факт проникновения в чужую частную жизнь. — Это Марсель берет Даню на работу. У Дани же математический гений.

Иван, конечно же, шутил. Кроме Сары, в Даниеле таланта никто не видел.

— А Тамара?

Я задал свой вопрос, который некогда меня очень сильно волновал. Теперь же мне он казался не очень-то и важным. Моя собственная биография заставила меня позабыть про несчастную девушку.

— Тамара умерла. Её тело покоится рядом с Харитиной и Ульяной. Но, — Иван многозначительно поднял палец, — воскресла сестра-близняшка Рита, которая живет в Шумелово, деревне недалеко от вашего Мышьегорска.

— Зачем?

— Затем, что Даниель любил Тамару, — ответ был непонятный, но я решил дальше ничего не выяснять.

Мы попрощались у машины Ивана. Я шел к своему подъезду, но один невыясненный вопрос жег меня изнутри. Я почти уже дошел до дома, но развернулся и бросился догонять машину. А машина никуда и не уезжала, Иван стоял, прислонившись к передней дверце, и курил.

— А ты знаешь, — почти прокричал я, — знаешь, что Сара хочет, чтобы Белла родила от Даниеля ребенка?

Рука с сигаретой чуть заметно дрогнула:

— Теперь знаю, но, думаю, это — полная ерунда. Береги себя! Иван стряхнул с моего плеча налипшие снежинки.

Я, ссутулившись, побрел к своему подъезду. За моей спиной по-деловому заурчала машина.

Подъезд был тихим, время приближалось к двенадцати, работающие люди уже сидели по своим кроватям. Только я, как неуспокоенная душа отца Гамлета, бродил с тенями по подъезду. Стоя у распахнутой створки старого подъездного окна на своем седьмом этаже, я думал о превратностях судьбы. Сегодня ты один человек, кто-то что-то сказал, и утром просыпаешься совсем другим. Надо было идти спасать Даниеля от Беллы, но мне не хотелось. «Ноябрь в Москве всё же мягче, чем за Уралом», — подумал я и высунулся в окно. Старая рама предательски затрещала. Пора было идти домой.

Я открыл входную дверь. В квартире было тихо и темно. Только непонятные оранжевые огоньки в беспорядке плясали по стенам прихожей. Я заглянул в комнату Беллы. Большой обеденный стол был здесь, на него натянули одну из вишневых занавесок. Всюду горели маленькие лампочки. Пахло чем-то сладким. На столе абсолютно обнаженная, в причудливых позах извивалась Белла. Она улыбалась мне, она манила меня пластикой тела, призывным движением рук и бедер. Я на минуту потерял дар речи, так это было неожиданно и завораживающе.

Поглазев на это действие несколько секунд, я поймал себя на возбуждении. Такого давно не было со мной. Мне захотелось наброситься на Беллу и заняться с ней сексом прямо сейчас, здесь, забыв о Даниеле. Чтобы эти руки обвивали меня, а ноги дрожали от страсти и напряжения, эта ложбинка между грудей должна была быть на уровне моих глаз, а бедра... Я утер рукавом лицо и стал раздеваться. Какие-то странные звуки отвлекли меня, когда я уже начал расстегивать брюки, предвкушая легкую добычу. Я прошел в комнату. За шкафом сидел голый Даниель и, дрожа всем телом, прикрывал одной рукой свое возбужденное сокровище между ног, а другую кусал искривленным ртом, из его глаз текли слезы, и вой становился всё громче. Эта картина привела меня в чувство, я остановился.

— Белла, это неправильно, — только и успел сказать я.

Голое тело Даниеля метнулось к Белле, раздался дикий крик, борьба и опять крик. Только звон разбитого стекла разрушил мой столбняк. Я бросился искать выключатель. Голый Даниель стоял напротив выбитого окна. По комнате загудел ветер. Выглянув в окно, я увидел Беллу, лежащую на грязном осеннем асфальте, её голое тело белой аурой подсвечивало темноту ночи. Кисти старой вишневой занавески, зацепившись за металлический подоконник, трепетали на ветру.

В моем присутствии произошло убийство.

— Что ты наделал? — простонал я Даниелю. Мне тоже захотелось заламывать и кусать руки, я потерялся, я не знал как поступить. Даниель неожиданно повел себя как разумное существо. Он открыл шкаф, вытащил оттуда какую-то доску и отодвинул старый шкаф. Деревянное чудовище поддалось очень легко. По дому распространился запах аниса и мяты. Старый шкаф своей блестящей полировкой поглотил меня.

САРА И ЕЁ ТАЙНЫ

Я проснулся от стука и понял, что кто-то разбирает старый шкаф. Чуть приоткрыв глаза, я убедился, что так оно и есть. Спина какого-то мужчины откручивала дверцы шкафа. Воспоминания о событиях, предшествующих моему погружению в шкаф, заставили меня тяжело вздохнуть. Спина повернулась, на меня смотрел Иван. Настоящий Иван, с которым мы расстались на улице и который сказал мне, что Белла — ерунда. Я хотел что-то сказать, но понял, что язык меня не слушается, я только взмахнул рукой, и то как-то совсем слабо.

— Ну, прости, Рим, переборщили немного с ментолом. Кто же знал, что ты так расчувствуешься от Беллы? Пришлось действовать наверняка, — засмеялся он. Я понимающе дернул уголком рта.

— Мужик очнулся! — крикнул куда-то в центр квартиры Иван.

И тут же всё забрякало, зазвякало, заохало. Казалось, что в доме только и ждали этой фразы. Перед моим лицом выросли фигуры Сары и Фимы. Одна держала в руках полотенце, вторая — поднос с чаем и вареньем. И тут я начал выть. Я катался по кровати, кусал себя за руки и плечи, рвал диван. Сара молча стояла надо мной и участливо махала какой-то тряпкой. А я всё выл и выл. Не знаю, сколько это должно было продолжаться, но внутреннее чувство, что я не смогу остановиться, было устойчивым. Тогда на горизонте у окна появилась фигура Ивана с ведром. После крика «Поберегись!» холодная вода из ведра вылилась на меня.

Я еще всхлипывал, когда услышал упрек Сары: «Истерики! Твоя бабушка совсем избаловала тебя!». Я был так рад слышать это!

Потом появилась Елена, сестра Тамары, она сделала мне укол. И меня кто-то опять понес в старый шкаф. Но рядом была Сара, поэтому я был согласен и на шкаф.

Я не знаю, сколько я спал, только проснулся я в незнакомой комнате. Возле меня сидела Фима и дремала.

— Где мы? — мой голос звучал непривычно, я охрип после истерики и купания в холодной воде.

— Мы перенесли вас, Рим Иванович, — погладила меня по руке домохранительница, — диван испорчен, пришлось выбросить, да в библиотеке и спокойнее.

Я сел. Точно! Это была библиотека! Библиотека, которую я просчитал, но никак не мог найти!

— Значит, есть четвертая комната? — произнес я с восторгом. — Есть?

— Есть. — согласилась Фима.

— А где она?

— За шкафом, — спокойно произнесла моя сиделка. — Стоило только отодвинуть шкаф — вот тебе и библиотека. А еще в неё можно было попасть с балкона, но вы же не интересовались балконом?

— Не интересовался, — виновато признал я.

Вечером было большое застолье. Собралась вся большая семья Сары. За столом сидела даже тетя Оля Невструйло и пила морс. Сара руководила. Её слезящиеся глаза смотрели на всех с умилением и нежностью.

— Рим, мы расскажем тебе историю нашей семьи. Она страшная, но такая она есть. И тебе придется жить с этим и принимать.

— Ну, я же подписал договор, значит — буду, — недовольно пробубнил я.

— Забудь про договор! — нахмурилась крестная. — Он был заключен между мной, тобой и Беллой. Беллы уже нет. Я свой

порвала сразу, как только подписала. Со своим можешь делать что тебе заблагорассудится.

Я согласно закивал головой. Сара начала рассказ:

— Иван многое тебе рассказал. И то, что он рассказал, — правда, но и Иван не всё до конца знал. Я родила своих первенцев — дочку Таню и сына Олега от директора школы, с которым у меня ничего не было. Так я говорила всем, но на самом деле было — один раз. И я забеременела. Жена директора, завуч, всё узнала и пошла в органы, она написала на него донос, что он спит с мужчинами. За ним следили, и её донос оказался правдой. Он состоял в отношениях с несколькими работниками горкома одновременно, тогда была статья за мужеложество, его посадили, выслали, а по дороге он повесился. Бедная Любочка, как она переживала! Да, Рим, извини, но это была твоя бабушка! Такая вот её семейная история. Она не была всю жизнь гардеробщицей, нет, нас связала семейная тайна и общее горе. Когда родились близнецы, мне было чуть больше двадцати, и я решила их оставить в роддоме, потому что ужасно было воспитывать детей от такого низкого человека. К матерям-одиночкам отношение в те времена было нетерпимое, а признать, что я родила детей от директора школы, я не посмела. Никто не знал этой моей тайны, кроме Любочки. Именно она тогда спасла детей от детского дома, усыновив их. Но — ничего, все старания Любы, да и мои тоже, пошли прахом, детки покатались по наклонной. Я всегда себя винила в их непутевой жизни, ведь я их предала. Люба страдала еще больше, ей казалось, что это она не сумела воспитать их достойными людьми. Но, видимо, дело было не в нас, близнецы, даже не зная своего отца, стали продолжением его несчастной судьбы. Гены! А потом я родила дочь Олю, ты знаешь, дочь профессора Волошко. Пусть земля ему будет пухом! И все были довольны: у Любы — близнецы, у меня — Олюшка. Мы знались и помогали друг другу. Прошло время, и Татьяна «осчастливила» нас: родила тебя и твоего

брата-близнеца Марселя. Твоей бабушке, Рим, не разрешили взять двух младенцев, ведь она была уже немолода. И её сестра Фима усыновила Марселя. Моя Оля тоже оказалась человеком со сломанной судьбой. Когда я отправляла дочь в Москву, то не знала, что такое может произойти. Профессор любил мою Оленьку, но не только как дочь, но и как женщину. Он подпаивал её вином и спал с ней. А она — дурочка, она скрывала это от меня! Если бы я только знала! В результате этих отношений родились Даниель и Митя. Но про Митю я ничего не знала. Мне всегда казалось, что она сама не знала, что родила двух младенцев. Даниеля она привезла ко мне в Мышьегорск. Она рассказала всем, что отец Дани — её первая любовь из городка. И все ей поверили. Юноша повесился от переживаний, а я провела много лет, доказывая его матери, что её сын — подлец. Незадолго до смерти профессор признался мне, что спал с Олей, что у него родились два мальчика-близнеца.

Я слушал Сару и волны ненависти, недоумения, брезгливости и паники накрывали меня одна за другой. Я думал, как не свихнуться после таких признаний. Но, похоже, никого ничто не смущало, кроме меня.

— Налейте ему водки, — в итоге попросила Сара. Она видела, что я готов к очередному конфузу.

— Я ращу Даню, я нашла Митю. Я могу спокойно сдохнуть, потому что всем необходимым я вас обеспечила, перед всеми покаялась. Только еще Данечка получит Нобеля, и я вообще буду счастлива!

Все засмеялись, только мне было не смешно:

— А Белла? А её муж? Где Митя? — у меня была еще масса вопросов.

— Белла, как она считала, — дочь моего профессора от какой-то там женщины. Но она не смогла этого доказать, но так считала. Профессор не оставил ничего своим прямым наследникам. А ему было что оставлять. В завещании прописан внук.

Но тут возникает момент: у него два внука, Даня и Митя, они по документам — его внуки, по факту — сыновья. И Белле всякими правдами и неправдами нужен был ребенок от Дани, потому что только он был генетически и по закону надежен. Она же не знала про Митю. Если бы знала, то страшно представить, что бы могло быть! Поэтому мы играли: то Митя, то Даня, то Даня, то Митя. Парик, прикольная какашка, вылазки через крышу. Прости, Рим, это было жестоко по отношению к тебе, но выхода не было. Я намекала тебе, как могла, подговорила старого портного. Но ты был чрезвычайно глуп! Юрист Грац наступал мне на пятки. Иногда мне казалось, что он о чем-то догадывается: он торопил меня, торопил Беллу. Но мы переиграли его. Мы — молодцы!

Все налили в рюмки водки и выпили. На этом празднике я ощущал себя каким-то уродом, всем было радостно, один я скорбел о чем-то.

— Кто убил Беллу? — мой вопрос повис в воздухе как выстрел.

Сара вздохнула:

— Беллу столкнул Митя. Выхода не было, ты мог наворотить дел, что потом и сам бы был не рад. Но в полиции сейчас Даня, потому что ему ничего не будет, он неподсуден. А потом мы передали в полицию запись всех разговоров из дома, помнишь радиоточку? Ты чуть не испортил её, эрудицией хотел блеснуть перед этой ларвой! Грац тоже будет наказан, но без Беллы он нам совсем не страшен. Правда, народ?

Сара была в ударе. Все согласно зашумели и подняли рюмки.

— А кто тогда там облизывает стену? — задал я некорректный вопрос.

Всё время, что мы объяснялись и пили, Даниель сидел в углу у бывшего шкафа и отколупывал известь со стены. По крайней мере, я считал, что это Даниель.

Я подошел к юноше и стукнул его по ключице:

— Даниель?

Юноша повернулся и совсем знакомо произнес:

— Белла — шлюха! Белла — проститутка! — Пауза. — Рим, я же каждый день тебе показывал, что за шкафом — библиотека. Надо было просто отодвинуть шкаф и найти её. Ты совсем не понимаешь знаков, невербальное для тебя не существует?

Все засмеялись и опять разлили по рюмкам. Я чувствовал себя полным идиотом, я не разделял ни радости, ни восторга. Теперь есть Сара, теперь есть Митя. Теперь нет договора. Карнавал закончился, свечи стали ненужными. Мне пора было ехать в Мышьегорск.

Эпилог

Сара позвонила неожиданно.

Мне часто звонят утром, но только не Сара. Сара мне вообще никогда не звонила, вот уже год. Звонок раздался рано утром. Я был уверен, что это с работы, только они имеют право звонить так беспардонно в любое время суток, даже не всем ближайшим родственникам это позволительно, а если по работе — добро пожаловать. Я долго лежал и смотрел в темноту над собой, размышляя, отвечать или нет, но телефон так надрывно звонил и освещал мою личную темноту, что в итоге я взял в руки белый прямоугольник и провел пальцем по экрану:

— Да?

Кто-то дышал в трубку, будто не решался заговорить. Я повторил свой вопрос:

— Да? Я слушаю!

На другом конце кто-то шумно вздохнул и пророкотал:

— Рим?

Это было перед Новым годом.

Я опять работал в школе. Уроки, проверка тетрадей, классные собрания, походы и выставки занимают весь день учителя, порой и отдышаться не успеваешь. Никто уже не помнил про Тамару, тем более она нашлась. Повседневная жизнь поглотила меня, я даже оправился после пережитых волнений и перестал с маниакальным пристрастием анализировать людей и мотивы их поведения. Настоящее засверкало передо мной прежними красками, правда, некоторые из них чуть потускнели, но другие,

наоборот, — стали ярче. Я стал ценить ответственных и честных, и сам старался таким быть, слово «риск» и «авантюра» исчезли из моего лексикона, потому что ассоциации вызывали однозначные и очень даже конкретные.

Сара не тревожила меня целый год. Она понимала. А я — нет. Я не понимал, как она, внешне такая благополучная и ясная, могла быть такой сложной, не понимал, как легко она оставила меня, как легко говорила про инцест и пьянство в семье, меня ранило, что мой прадед был полицаем, а дед гомосексуалистом, мать — убийца. И бабушка, моя любимая бабушка, оказалась для меня чужим человеком, ведь она воспитывала всего лишь плоды блуда своего мужа. Как она могла любить меня?

Как только начинал думать про все эти нюансы, мой внутренний стержень начинал гнуться. И мне больших усилий стоило заставить себя не думать об этом. Но мысли невозможно удержать в узде. Рано или поздно подсознание начинает требовать: «Думай о том, какой ты корявый! Вспоминай всё, что было ужасного в твоей жизни!».

— Рим?

Я внутренне напрягся.

— Это Сара. Узнал? — спросил знакомый голос, и я представил, как Сара в волнении хлопает ладонью по столу.

— Узнал...

Между нами повисла пауза. Я знал, что она хочет сказать. Я знал, что она знает. И от этого наш разговор делался фальшивым и неловким.

Я откашлялся и чеканно произнес:

— Я узнал, Сара. Разве я мог тебя не узнать.

— Спасибо, что узнал, — как-то грустно произнесла она.

Я чувствовал себя мучителем и истязателем милых старушек, и я решился:

— Сара, я приеду. Но не сегодня и не завтра, но я приеду.

— Послезавтра? — спросила она меня совсем потухшим голосом.

— Нет, Сара, и не послезавтра, и не на следующей неделе, но я обязательно приеду.

В трубке заплакали телефонные гудки. Я тоже зашмыгал носом в такт трубке, только Сара могла знать, как я сейчас близок к истерике. Не скандалясь, мужик!

Моей биологической бабки не стало ровно через три дня — болезнь мозга, которая у неё все-таки была, наконец победила. Рано утром раздался телефонный звонок, каникулы приближались, я сдал все свои учительские отчеты и планировал отоспать. Но телефон звонил очень настойчиво, номер был неизвестен.

— Рим?

— Угу, — я зевнул в трубку.

— Это Марсель. Бабушки больше нет.

Это сообщение оглушило меня. Я вспомнил, что крестная просила меня приехать, я вспомнил, что обещал, но еще не отважился. А придется. Именно сегодня придется.

Я сбросил вызов.

Предстояло быть чистым и хорошо одетым.

Мы все, вся её обретенная семья в полном сборе, стояли кругом вокруг её гроба в старом Сарином доме в старой части города. И рыдали. Слезы сами по себе лились из глаз. Сара лежала строгая и гордая. Смерть совсем иссушила её. Лишь губы, только губы говорили мне, что в гробу лежит именно Сара. Больше всех плакала тетя Оля Невструйло, и её можно было понять. Сара была её последней родной сестрой. Оля была пьяна и еле держалась на ногах, но никто не отваживался оттащить её от гроба крестной.

Хоронили крестную в трескучий мороз первого января. Могильщики были пьяными и опускали гроб в могилу очень грубо и неравномерно, он стучался о стенки, и я боялся, что они его уронят. Но всё прошло благополучно. Как только первый

ком мерзлой земли ударился о крышку гроба, я почувствовал, что больше терпеть не в силах. Казалось, что мой стон услышали все, даже покойники в могилах. Иван удивленно смотрел на меня, наверное, он не понимал, как такой придурок, как я, мог переживать.

Поминки тоже проходили в полной тишине. Никто не говорил хвалебных речей, не вспоминал былое. Мы просто сидели и ели. Горе наше было огромным и неизбежным, оно не требовало слов, ему не нужны были подтверждения и уверения. Когда Серафима принесла потер для чая, за столом произошло какое-то оживление. Всех Сара поила чаем, все любили пить чай у Сары. На столы были расставлены розетки с вареньем и маленькие пирожки.

А потом случилось ужасное. Самое ужасное и безжалостное, что только могло произойти со мной.

Фима, Вера и Елена внесли три больших подноса. На подносах стояли разноцветные кружки с именами присутствующих. На каждой сбоку значилось имя и дата рождения. Мои родственники и друзья Сары дружно разбирали кружки, обсуждали цвет и размер, их, казалось, это обрадовало и примирило. Только я, единственный человек, который не получил от Сары такого презента. Сара умела указать «на место». Сейчас именно это и происходило, она именно сейчас, в присутствии семьи, решила меня макнуть носом в мое же собственное дерьмо. Я понимал, что получил по заслугам. Это больнее ощущалось оттого, что Сары уже не было на этом свете и с ней нельзя было спросить. А с меня можно.

Я до крови закусил губу. Солоноватая биологическая жидкость текла мне в рот, напоминая старую русскую поговорку «Кровь — не вода», сейчас я на себе ощущал её смысл.

Иван встал во главе стола. Он произнес слова про дом, согретый Сариним теплом, а потом пригласил всех пить чай из именных кружек.

И тут, неожиданно для самого себя, я встал из-за стола и громко произнес:

— А где кружка для меня?

Все оглянулись, казалось, что до этого никто и не обратил внимания, что меня обделили подарком. Но это, конечно же, было ложное впечатление.

— Ну, что ты, Рим? Как ребенок прямо. Сара оставила тебе целый чайник!

И Иван развернул потрею. На боку крупными буквами значились мое имя и день моего рождения.

Я прижал ладони к лицу, запах аниса и мяты спасли меня. Последние слова, которые я услышал, были слова Ивана: «Рим теперь старший в семье, он на целых две минуты старше Марселя!».

Прошел еще год.

Я жил как и прежде, ничего с уходом бабушки в моей жизни не изменилось. Правда, про себя я научился называть крестную бабушкой. Но это были, пожалуй, единственные изменения.

В годовщину смерти Сары мне принесли пакет. На нем значился Сарин московский адрес и стояло её имя. Привет из прошлого, так сказать. Два дня я искал в себе силы, чтобы разорвать оболочку, но не находил. Под вечер мне позвонил Иван и без предисловий спросил: «Ну что? Рад?». «Чему?» — вначале удивился я, но потом понял, что он про привет из прошлого. «Я еще не читал», — мои слова мне самому показались странными. «Да-а-а, — протянул собеседник, — Сара недаром называла тебя дурачком».

Я сдался и открыл пакет. Первым на колени мне упал пакет с одеждой — новый костюм из мастерской Якова Шлегеля. А потом было письмо:

Мальш!

Я знаю, как трудно тебе простить меня, ведь ты такой же трогательный, каким был твой дед. Он был хорошим человеком.

Но слабым! А это не его вина, таким уж его задумала природа. Я верю, что ты будешь сильнее. Прости меня, старую, если сможешь. Я любила тебя, любила, как могла. Но больше всех я любила Даню, мать всегда любит сильнее самого беззащитного! А теперь ты будешь старшим в нашей семье, все от тети Оли до Дани ждут тебя. Возвращайся!

Приближался самый веселый праздник в году, а я был самым несчастным человеком. Только сейчас я осознал, что не успел подержать в своей руке руку умирающей бабушки, что вообще никогда мы не были бабушкой и внуком. И уже никогда не будем.

Пришлось принимать дом крестной и её наследство. Жизнь казалась новой и радостной. Со мной жили Фима и Даниель. Случалось, что мы навещали с Иваном мою тетю Олю в лечебнице. Даня высчитывал какие-то чертежи и получил несколько патентов на изобретения, но также плохо говорил. Иван присылал ему задания, и мы занимались, но толку особого не было. На праздники собиралась вся семья вместе.

Однажды мне позвонил Митя и сказал, что чувствует головные боли. Видимо, близнецы, так уж принято считать, почувствовали друг друга. Через месяц Даня стал неузнаваем, он перестал читать, перестал со мной разговаривать. Целыми днями он лежал бледный, а еще через месяц его не стало. Московские доктора сообщили нам, что у него начались необратимые изменения в мозгу. Так Сарин воспитанник, увы, не удивил мир. Не успел. Так хотелось думать нам. Последние дни у постели Даниеля сидел Митя. Я спрашивал его, что он чувствует, тот только пожимал плечами. Я понимал его. У него были сложные взаимоотношения с братом, как и у меня с моим собственным.

— Знаешь, когда я понял, что мы братья? — в один из таких вечеров спросил у меня Митя.

— Скажи, — разрешил я.

— Я же тоже рос в Мышьегорске. Это потом мама уговорила Фиму переехать в Москву, чтобы помогать Оле. Мы учились в одной школе, в одном классе. Только с Даней занимались учителя индивидуально, а я вместе со всеми. Один раз на перемене я заметил, что какие-то пацаны заставляют его лизать писью. Я их побил. С тех пор мы стали братьями. Я понимал его, а он — меня. А потом я научился прикидываться Даней, а потом Сара выяснила, что мы — близнецы. Понимаешь?

— Понимаю.

— Зов крови, понимаешь?

— Понимаю.

— А теперь всё — аут!

— Понимаю.

Мы сидели у постели умирающего Даниеля, а он улыбался нам своею тихой улыбкой.

Как-то вечером я сидел в московской квартире Сары, в библиотеке, и разбирал документы. Надо было выбросить ненужное, а нужное разложить по папкам. И среди квитанций и прочих ненужных бумаг я нашел письмо. Это была переписка Сары с моим дедом, дед из тюрьмы писал, чтобы она не верила доносу его жены, что он любит Сару и ждет, когда родится малыш. Я подумал, что всю правду про деда знала только бабушка Люба. Но её уже нет, как нет и Сары. Некому задавать вопросы. И ответов на многие вопросы, которые всё время возникают и возникают, уже не получить.

Одно мне было понятно, Сара сформировала из меня человека. Её другой внук научил меня любви и верности. А её семья подарила мне уверенность в завтрашнем дне.

Наша большая семья собирается вместе в доме у Сары каждый год. Мы смотрим фотографии, пьем чай с вареньем и маленькими капкейками. Смеемся и вспоминаем, как узнали, что мы — семья. Не знаю, что предпринять, но Тамара недавно сообщила нам, что она беременна от Даниеля. Будут мальчики.

Близнецы. Не знаю, правду ли говорит Тамара, но Даниеля с нами нет уже семь месяцев. Так что — вероятность существует. Но я не буду проверять, я поверю, что они — Даниеловичи. Какая разница, чьи дети и какие они, если они пришли в твою семью и хотят быть её частью?

Захрабеков Эдуард

Аут

ISBN 978-5-907207-00-4

Издательство «Лигр»
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60
Тел.: + 7 812 603 25 25

Подписано в печать с оригинал-макета 07.05.2019
Формат 148×210. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 91056
Отпечатано в типографии «Любавич»
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У»
Тел.: +7 (812) 603 25 25